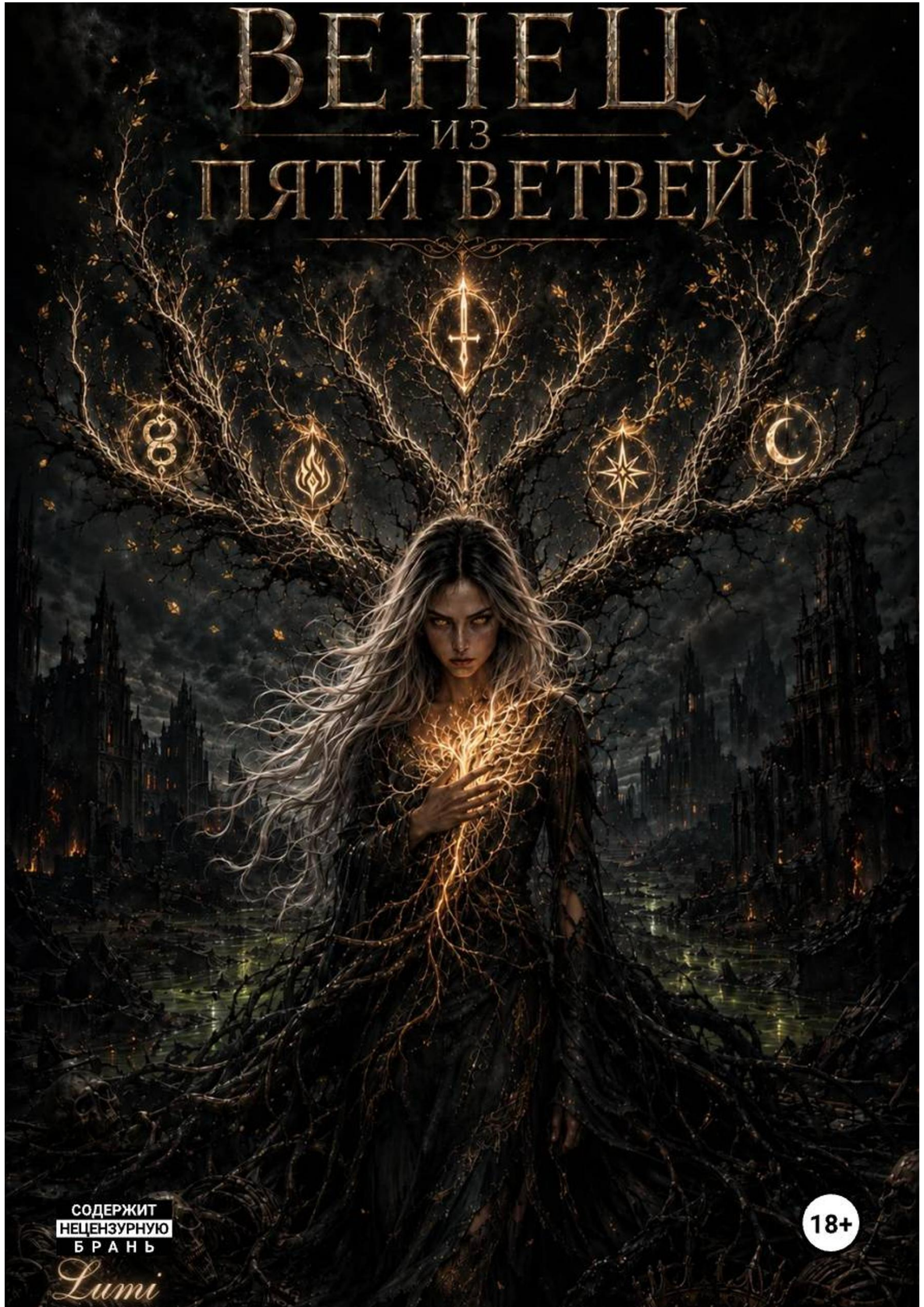

ВЕНЕЦ ИЗ ПЯТИ ВЕТВЕЙ

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

Lumi

18+

Valeriya Panchuk

Венец из Пяти Ветвей

«Автор»

2026

Panchuk V.

Венец из Пяти Ветвей / V. Panchuk — «Автор», 2026

Рада приветствовать тебя, дорогой читатель. Перед тобой моё детище. Долгие месяцы оно зрело внутри, пока не вырвалось на свободу, проступив строчками на пергаменте. Книга сразу проявила характер: она капризна, сложна в воспитании и далека от ожиданий ценителей строгих литературных канонов. Эта история - о ментальной войне и диком, порочном притяжении. Она будет швырять тебя из крайности в крайность. Пафос вселенского зла мгновенно сбивается дерзкими шутками и едкими пикировками. Из грязных трущоб - прямиком в роскошь дворцов. Из утонченной придворной дипломатии - в жесткую, кровавую резню. Предупреждение (18+): Описания секса, укусов и грубых тактильных игр. Тяжёлые душевные травмы героев. #Персонажи принадлежат к расам и фракциям, где процветает серая мораль, рабство, циничные политические браки и каннибализм. Сцены удушения, переломы костей и обилие крови, жуткие мутации. Добро пожаловать в её мир. Я отдала ей часть себя и теперь отпускаю к тебе.

© Panchuk V., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	24
Глава 3	34
Глава 4	47
Глава 5	60
Глава 6	76
Глава 7	95
Глава 8	106
Глава 9	120
Конец ознакомительного фрагмента.	133

Valeriya Panchuk

Венец из Пяти Ветвей

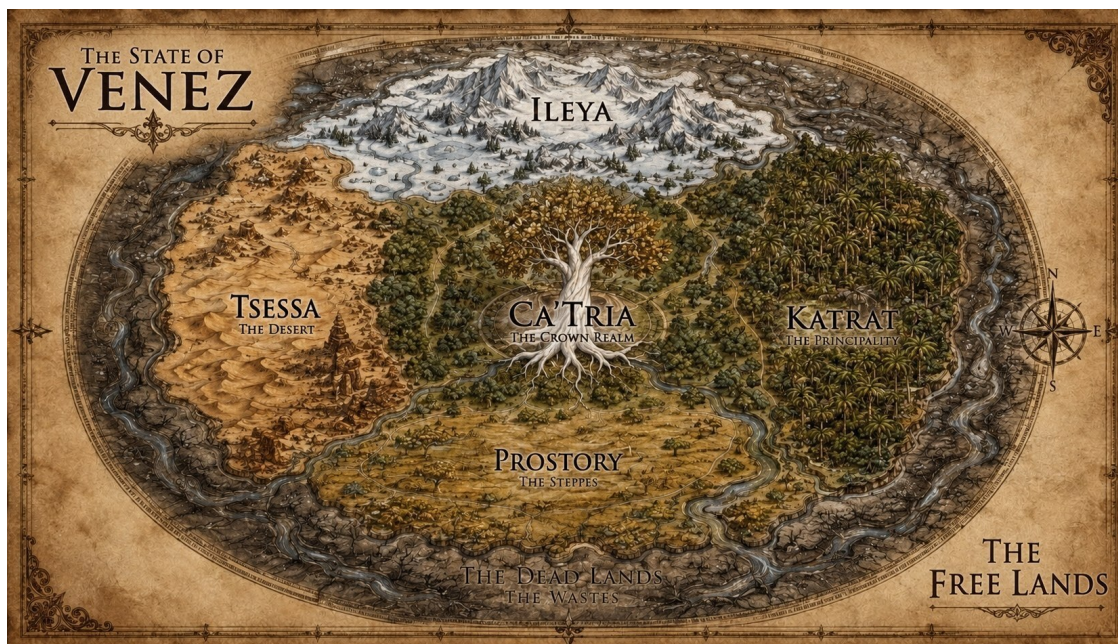
Глава 1

*Ах, сколь же беспощаден он - оазис
безупречной красоты и бесстрастия.
Каждое его острое слово,
нареченное истинной, брошенное с
надменным изяществом - это яд,
медленно растворяющий чужую волю.
Он возвышается над толпой, облекая
свое презрение в ленивые, тягучие
движения мягких губ. Если уж его
язык так умел, то на что же
способны его сильные руки и
искусные пальцы, когда они
перестанут быть праздными? Глупый
ягненок выглядит лишь жалкой
жертвой в этом храме высокомерия и
игре амбиций. Вот только... не
слишком ли уверенно этот "агнец"
ступает на алтарь? Что...если за
кроткой маской невинной овечки,
может прятаться совсем иной зверь?
Ведь порой, в момент наивысшей
нежности, когда ворс кажется мягче
шёлка, из тишины рождается оскал.
А под мягким руном может таится
терпеливый хищник, чьи клыки куда
острее любых слов. Этот укус не
предварят слова - он просто
оборвёт
вдох, вскрывая горло там, где
ждали ласки.*

Что ж, зубы показаны, пора перейти к сути.

Имя мне - Асгетт. Сан мой - Иблис Бен Касарит.

Венец приветствует вас.

Ямы. Вольный приют для любого отребья, что стекается сюда, словно грязная вода после ливня в сточные каналы. Дом для отверженных. Для несчастных, кто спасается от чумы и войн, стирающих великие государства, словно пыль мокрой тряпкой с полок. И для ублюдков, что делают состояние в этом проклятом месте.

Здесь, в удушливом полумраке, пропахшем дешевым сивушным спиртом и гниющими нечистотами, идет бойкая торговля. В утеху похотливой толпе продают женщин, детей отдают в рабство, а юнцов и мужей гонят на арены - или, как тут говорят, в загоны для скота. Ни законов, ни чести. А в месте, где нет закона, подобная дрянь плодится словно трупные мухи на солнцепеке.

Она часто тут бывала, но от увиденного челюсть вновь сжималась до противного скрежета зубов. Глаза резало от едкого дыма костров, в которых жгли кости и тряпье, а под ногами хлюпала вечная, незамерзающая жижа вперемешку с кровью и помоями. Одно радовало: их странную компанию, состоящую из девицы и собаки, по пути не трогали. Правда, назвать её девицей было сложно. А назвать собакой её спутника - ещё сложнее.

Сквозь прорехи огромного, прожженного насквозь плаща виднелись лишь обтянутые серой кожей ключицы и костлявые плечи. Лицо скрывал глубокий капюшон, из-под которого тускло поблескивал безучастный, мертвенный взгляд, устремленный в землю. А рядом плелось нечто, словно пережёванное и выплюнутое самой бездной.

Животное едва переставляло тонкие длинные лапы, неестественно сгибающиеся в суставах, и поджимало лысый, облезлый хвост. Морда казалась слишком вытянутой, почти птичьей; свалившаяся шерсть шла грязными проплешинами и сочащимися язвами, а мутные глаза дико косили в разные стороны.

Божество из пустоши и наследница Венца никогда в жизни не видели настоящих собак - эдакая незадача. Подобного попросту не водилось в их родных краях. А в землях дальних, в

коих им довелось побывать, всех домашних зверей давно сожрали твари позубастее. Буквально из дерьма, яда и тонких веток, им удалось слепить что-то отдаленно похожее на пса.

Вышло откровенно плохо, но результат их искренне радовал.

Созданное ими недоразумение вызывало жалость даже у самых бездушных палачей. Местные громилы навязывали свои услуги не из-за присущей им жестокости, а из-за не пойми откуда возникшего милосердия к умирающей животине.

Прокажённые хворью, что так любили цепляться за полы чужих плащей гниющими руками и выть, прося монетку, при виде этого пса испуганно шарахались в стороны. Они обходили их десятой дорогой, боясь подцепить от чудовища заразу пострашнее собственной.

Ещё забавнее была реакция местной публики на тело, которое она надевала словно перчатку, чтобы не выдать истинную суть. Трупный, истощенный вид играл ей на руку.

Наёмники с окровавленными трофейными головами, покачивающимися на поясных ремнях, со вздохом протягивали ей мелкие медные монеты и заветренные куски солонины, жалея убогую бедолажку. А насильники, только что слезшие с удушенной в порыве страсти бабы на обочине дороги, и вовсе брезгливо отводили взгляд. Они мысленно прикидывали, что та, мертвая, ещё достаточно свежая и вполне послужит до утра, а с этой бродяжки поиметь абсолютно нечего. Выглядела она так, словно её уже поимел добрый десяток мужей до них. Вместе с собакой, судя по всему.

Её это полностью устраивало. Спокойствие в Ямах стоило любой порции чужого отвращения.

И боги были свидетелями, с какой иступлённой, почти болезненной страстью она любила это тело. Здесь не было сокрушительной силы, что бурлила в её истинных венах, не было невидимой короны, тяжёлой, как надгробная плита с именами рода отца и сгинувшей матери. Отсутствовала и та безупречная, ослепительная красота, которая, словно проклятие, туманила разум всякому, кто осмеливался поднять глаза. В этом блеклом, выцветшем вместилище её дрянной, едкий нрав словно притуплялся, становясь лишь лёгкой горечью на языке.

Кожа - тусклая, сероватая. Формы - лишённые соблазнительности. Глаза - глубоко запавшие, губы - тонкие, потрескавшиеся. Тело не манило, не очаровывало, не внушало ни страха, ни вожделения. В неприметной оболочке морока она впервые могла дышать, не ощущая на себе чужого навязчивого внимания. Это тело было убежищем - пусть и фальшивым, но по настоящему родным.

Дома, под удушающей сенью Великого Древа Иблис, её заживо хоронили в шелках, золоте и драгоценных камнях. Девочка не желала пышных одеяний, предпочитая простые платья без блеска сокровищ. Ей не хотелось ни пиров, ни мужского внимания. Пока её кузины томно вздыхали по молодым князьям, пятнадцатилетняя принцесса хотела лишь одного - проводить дни в стремительном движении и поединках. От бесконечных заунывных молитв и набоучений её выворачивало наизнанку.

- Учись не только клинком махать, но и говорить под стать наследнице, - твердила тётка Артра, сурово смывая кровь с её разбитых детских костяшек. - Слово режет не хуже оружия. Им вполне можно убивать.

Будущая правительница училась быстро. Она не просто приняла правила этой игры, но и попутно начала переписывать их под себя. Своим языком она овладела настолько искусно, что несчастным родичам пришлось в спешном порядке созвать ей в наставники лучших воинов из всех подвластных княжеств - только бы девчонка наконец умерила своё красноречие и занялась делом.

Царица Висса носила сан Асеки (высший титул той, что стоит у власти) Иблис бен Касарит (сан каждой старшей дочери её рода). Она любила принцессу больше всех детей и внуков вместе взятых. Эта привязанность была безмерна.

Дитя осталось без матери, а потому Висса воспитывала её наравне с отцом и приёмной матушкой: баловала, прощала любые безумства и потакала любым капризам, искренне считая, что сложный характер присущ истинной властительнице.

Именно она подарила ей этот морок - магический слепок из яда касаритовых корней, позволявший любимице путешествовать по гнилому внешнему миру, пока её истинное тело и душа спали в запертых покоях.

Царица лично прикрывала эти отлучки, резонно полагая, что глоток чужого, грязного воздуха пойдёт будущей правительнице на пользу. Да и что таить, она сама в юности чудила ничуть не меньше. И потому дарованная свобода была почти безграничной.

Размышления прервал низкий, нарастающий гул, словно сама земля начала тихо стонать под тяжестью приближающейся беды. Ямы, ещё мгновение назад казавшиеся ленивым, гниющим болотом, вмиг взорвались паническими криками.

Отребье металось в безумной попытке спастись: торговцы в панике бросали палатки с потрёпанным товаром, наёмники, не оглядываясь, топтали прокажённых, сбивая их с ног, а шлюхи с отчаянным визгом вжимались в узкие щели между гнилыми досками, зажимая себе рты ладонями, словно могли заглушить собственное дыхание.

Воздух внезапно стал тяжёлым, ледяным, будто в Ямы ворвалось дыхание самой могилы. Он застревал в горле колючими, морозными крошками, обжигая лёгкие. Пахло гарью, старой кровью и чистой, концентрированной смертью - густой, липкой, почти осязаемой.

В Ямы пришли Жнецы.

Народ хлынул лавиной, снося всё на своём пути. Девушка и пёс оказались прижаты к сырой стене на самом перекрёстке, лицом к лицу с приближающимся строем. Воздух вокруг стужился, пропитавшись запахом пота, страха и давно не мытых тел.

Сердце в груди забилось чаще, но не от страха - от дикого восторга. Она до дрожи в костях мечтала когда-нибудь сразиться со жнецами. Проверить их мастерство, которое так любили хвалить наёмники Вольных земель.

Её родной дядя и отец были величайшими бойцами, которые лишь вдвоём отправляли в небытие тысячи душ за одну-единственную битву. И вот теперь новые, живые легенды шли прямо на неё.

Какая удача.

Они шагали ровным, монолитным рядом, занимая всю ширину улочки.

Воины из Каменной долины были закованы в глухую, матовую, чёрную броню, которая, казалось, впитывала в себя скудный свет тлеющих костров. Лица скрывали литые безликие маски, из-под которых не доносилось ни звука - только мерный, чеканный шаг.

Вокруг их кованых сапог клубилась и расплзалась по грязи магия теней, похожая на живую, голодную копоть. Раз уж эти порождения ночи явили себя этому брэнному миру, значит, началась жатва. Они пришли не за развлечениями в зловонных борделях. Они пришли за душами.

Из-под глубокого грязного капюшона на жнецов уставился взгляд, в котором не было ни капли ужаса. Напротив, губы девицы медленно растянулись в предвкушающей улыбке.

Разглядывая идущих прямо на неё титанов с пристальным, оценивающим азартом, словно опытный охотник, выбирающий в стае самую сильную и опасную добычу, она скользила глазами по ширине их плеч, тяжёлому, безупречному балансу брони и плавным движениям, сквозь которые текла и пульсировала живая тьма.

Вдруг пёс опомнился. Этот косоглазый комок из палок сообразил то, чего в своём восторге не учла малолетняя хозяйка. Он резко вцепился зубами в рукав её плаща и со всей дури потянул назад, вглубь переулка, пытаясь утащить с дороги смерти.

Но отступать в панике было не в её духе.

Наглядевшись на жнецов в упор и изучив доспехи с ног до головы, она сделала лишь один плавный шаг назад, увлекая за собой упирающуюся собаку.

Движение было небрежным, царственным, словно она просто освобождала им дорогу, а не уклонялась от встречи с гибелью.

Шедший во главе отряда командир, на секунду замедлил шаг, скосив взгляд на странную парочку. Сквозь прорези маски на секунду проступило искреннее недоумение.

«С собакой-то всё понятно, - подумал он, глядя на дёргающееся, покрытое язвами существо, которое судорожно тянуло девку за тряпки. - Там мозги отбиты. А вот с этой... что не так? Стоит как на рынке и пялится, будто выбирает с кем ей лечь. Скудоумная, что ли? Или просто настолько блаженная, что даже собственной смерти не боится?»

Обычно при виде его воинов встречные бежали в ужасе, выплёвывая собственные лёгкие, а эта замарашка провожала их плотоядной ухмылкой, словно они пришли исключительно ради её личного развлечения.

Командир на мгновение задержал на ней тяжёлый взор, клеймя странную нищенку как особенно противную язву на теле, но тратить время на юродивую не стал.

Бесполезная.

Уводя отряд дальше, он ощущал лишь усталое раздражение.

Ненавидел Ямы. Презирал эту зловонную грязь и ещё сильнее ненавидел собственными руками касаться этого отребья, которое считал ниже животных. Но дед, как и всегда, находил извращённое удовольствие в том, чтобы наказывать преемника именно подобными поручениями. Старик заставлял его лично погружаться в эту мерзость вместо тех, чьей прямой обязанностью было рыться в отбросах.

И потому он выполнял приказ с той же неохотой, с какой сытый, холёный кот, привыкший к тёплому очагу и свежему мясу, вынужден ловить крыс в канализационной трубе.

Продвигаясь вглубь Ям, жнецы оставляли за собой бездыханные тела тех, чьи души уже отправились в Каменную Длину. Они шли, наводя ужас одним своим молчаливым присутствием. Но образ странной девицы и её милого пёсика никак не выходил у воинов из головы.

- Это вообще что было? - со скрежетом раздалось из-под безликой маски идущего следом бойца. Звук его голоса был похож на треск ломающегося льда. - Псина у неё будто из самой бездны вылезла, а девка - из мест ещё поглубже. Глаза мёртвые, пустые, улыбка - как у бешеной. Эта тварь будто облизывалась.

Не замедляя шага, командир лишь крепче сжал рукоять тяжёлого оружия.

- Потаскал, может, кто из местных, вот в себя и не пришла, - сухо бросил он в ответ. Голос прозвучал как низкий, вибрирующий гул.

Однако сам он, вопреки всем уставам и многовековой привычке, едва заметно бросил беглый взгляд через плечо, в сторону покинутого переулка. Подобного не делалось никогда. Жнецы не оборачивались. Но сейчас что-то под чёрной бронёй упрямо скреблось и требовало повернуть назад.

В облике оборванки всё было в корне неправильно. Этот плотоядный, оценивающий взгляд... Нищие не смотрят на воинов Долины так, словно прикидывают, насколько глубоко можно всадить им клинок между сочленениями доспехов, искренне наслаждаясь самой перспективой.

Вновь уставившись на дорогу, командир мысленно пообещав себе запомнить этот переулок.

Отряд скрылся за поворотом, унося с собой тьму.

А девица, пока жнецы миновали перекрёсток и удалялись, даже не подумала отвернуться. Напротив, она бесстыдно принялась разглядывать воинов сзади, оценивая их мощные спины, - и не только их, - обтянутые чёрной кожей и бронёй, а также идеальную выправку уходящего строя, жадно ловя каждое движение.

Проводив взглядом эту монументальную панораму, она похлопала по голове пса и тихо, залиvistо рассмеялась. О, эта прогулка определённо становилась лучшей в её жизни.

Подмигнув своему плешивому другу, девица ловко уцепилась за край низкого навеса и одним слитным, кошачьим движением взлетела вверх. Теперь её путь пролёг по крышам покосившихся лачуг, где гнилые балки скрипели под каждым шагом, словно шептали проклятия тем, кто смел на них ступать.

Отсюда открывался лучший обзор. Она кралась по хлипкому настилу вслед за уходящими, затаив дыхание. С высоты было прекрасно видно, как жнецы работают: чисто, методично, без лишней суеты выкашивая души тех, кому не посчастливилось оказаться у них на пути.

Пёс, бесшумно семенивший следом, укоризненно уставился на хозяйку своим мутным глазом.

- Сумасшедшая, - хрипло выплюнул он, едва ворочая челюстью. - Я вечность живу, но подобного безразудства ещё не видел.

- Видел. Тут ты, конечно, откровенно лукавишь, - заговорщически прошептала девица, даже не повернув головы в его сторону.

Пёс лишь глухо рыкнул в ответ, но спорить не стал. В своё время это неугомонное дитя разве что за шиворот не вытащило несчастное божество с самого дна вязкой касаритовой реки.

Будучи всего лишь пятилетней девочкой, она умудрилась сбежать с неприступных земель отца, когда гостила у него. Как эта кроха вообще ухитрилась пролезть сквозь ядовитые, мёртвые пустоши - одному Иблису ведомо.

Но картина тогда явилась миру потрясающая.

Будущая правительница великого государства преспокойно гуляла по изрезанному трещинами берегу в компании жутких тварей - малахоров, выползавших из отравленных вод на кормёжку.

Мало кто поверил бы, но эти клыкастые чудовища под её влиянием даже научились кое-как говорить. Правда, от стресса они путали слова: выдавали тоскливое «Пока!» вместо приветствия, когда она только приближалась, и радостное, облегчённое «Привет!» вместо прощания, когда дитя наконец отходило подальше.

И эти же хищники преданно оттесняли девочку от обжигающей реки, напрочь позабыв о своих важных звериных делах.

- Боятся, что помру, вот и стерегут. Такие хорошие, - ворковала тогда малышка, пока жуткие создания обречённо жались друг к другу, стараясь не делать резких движений.

«Боялись, что выживу и решу переехать к ним на дно», - мысленно поправила себя уже повзрослевшая девушка. Эти воспоминания всегда вызывали на её губах лёгкую усмешку.

Древнее божество тогда вальяжно вывалилось на берег... и тут же нервно задёргло огромным чёрным глазом, оценив представшее перед ним зрелище. Подобной наглости он не ожидал даже от дочерей Иблиса, одной из которых, собственно, и являлась эта пакостница с растрёпанными пепельными волосами.

А та, восторженно визжа, уже неслась к его колоссальной туше, без умолку балаболя какую-то детскую чушь.

Сожрать её он не мог при всём желании - одна кровь, одно неразрывное целое, намертво скованное узами Великого Древа. Девочка просто бы встала у него в горле.

Поперёк.

Осознание этого факта заставило древнего хранителя вод исходить нервной дрожью от безысходности с удвоенной силой.

Её отец к тому времени успел перевернуть вверх дном весь мир. А когда наконец выследил беглянку, то застыл в первобытном ужасе.

Его драгоценная дочь преспокойно сидела на самом краю, беззаботно болтала ногами прямо в ядовитых чёрных водах и с неподдельной нежностью наглаживала жуткое, хтоническое создание по массивной, ошавшей рогатой голове.

Впервые за бесконечно долгие века могущественный владыка сорвался на крик. Да так орал, что, казалось, содрогались небеса.

Это сейчас для древнего божества каждый день рядом с этой девкой был сродни последнему, а в сознании, как у себя дома, прочно поселилось неведомое прежде чувство паники. Но тогда, впервые познав страх, оно предпочло от греха подальше уползти обратно в ядовитую реку.

Волоча своё непутёвое чадо за руку, Вхар, Царь огненной Цэссы, яростно сверлил дочь взглядом.

Казалось, прямо на глазах впервые за три тысячи лет в густых каштановых волосах правителя проступила седая прядь. А девочка лишь невинно хлопала длинными ресницами, искренне не понимая, в чём проблема.

Он требовал от ребёнка нерушимой клятвы, умолял больше никогда не приближаться к смертоносной воде. Но разве существовал в этом мире хоть кто-то, кого эта бестолочь стала бы слушать?

Дитя рвалось в мёртвые земли, словно одержимое. И суровому царю, до безумия обожавшему свою дочь, в конце концов не осталось ничего иного, кроме как смириться. Логика владыки была железной: раз уж она не померла за два дня одиночных блужданий по ядовитым пустошам, значит, не умрёт и впредь.

В те годы юная принцесса со всех ног бежала к своему огромному речному другу, предпочитая его общество компании всех кузенов и кузин. А спустя время и само божество привязалось к этому дитёнышу и, можно сказать, полюбило его.

Оно ревностно оберегало девочку, делясь с ней великими тайнами и знаниями, о которых не ведала ни сама бездонная чаша мироздания, ни её всемогущая бабка. А она в ответ вываливала на рогатую голову свои самые сокровенные секреты и безумные идеи.

Годы шли, безумные идеи становились всё опаснее, но их странный союз оставался нерушим. Менялись лишь декорации.

И вот теперь две безмолвные тени неотступно следовали за самой смертью, наблюдая за ней с высоты.

Жнецы внизу продолжали свою страшную работу, унося души одну за другой, а девица впитывала глазами каждое их движение.

- Пойдём-ка отсюда. Мы уже достаточно насмотрелись, - глухо, но упрямо проворчал пёс.

- Подожди. Мне интересно, - прошептала она, словно заворожённая.

Фигуры в чёрных доспехах, скользя по переулкам, направлялись прямым к осевшему, перекошенному дому старой ведуньи.

К той самой лачуге, где под дырявой крышей всегда пахло сушёной полыньёю, а у очага было так уютно пережидать затяжные ночные ливни во время вылазок. И сейчас ей совершенно не нравилось, как эти сыновья ночи обступали знакомый порог.

Старая корга - Квира - отличалась невыносимой брюзгливостью, но за щедрую плату неизменно выделяла госте натопленную комнату. Девица платила не скупясь, поэтому они терпели общество друг друга, выстроив в итоге весьма своеобразное взаимопонимание.

На первый взгляд старуха казалась просто мерзкой жабой, но во всём этом проклятом месте, пожалуй, лишь её душа могла считаться относительно чистой.

Она подкармливала вечно голодных местных сирот, пускала их на ночлег в лютые холода и молча лечила избитых бедолаг, торговавших телом на грязных улицах Ям. Эдакая святая покровительница посреди этого болота.

И сейчас эта глупая, упрямая старуха с изрезанным морщинами, обветренным лицом бесстрашно шагнула навстречу неминуемому. Невнятно бубня что-то себе под нос, она встала насмерть, заслоняя покосившуюся дверь лачуги от надвигающегося строя.

- Бабка, ну не дура ли ты, а?.. - раздражённо выдохнула девушка, опасно свешиваясь с крыши.

- Да примет её душу Бездна... или куда там вас, умалишённых, забирают, - прохрипел бог, вцепившись зубами в подол её плаща и пытаясь оттащить назад. - Своё она отжила. Уходим, Геда.

Божество касаритовых рек, как и Вхар, предпочитало называть её именно так - коротко и привычно.

Полным именем «Асгетт» они пользовались лишь в те моменты, когда начинали злиться на неё всерьёз. Судя по тону, до этого момента оставались считанные мгновения.

- Эту я им не отдам, - тихо, но твёрдо выдохнула Асгетт. На её блёклом лице медленно растянулся предвкушающий оскал. - Помоги мне.

- Ух, сердобольная! Кто бы мне помог, - обречённо заскулил бог, лязгнув зубами от досады.

Ему, великому хранителю, чьи пропитанные ядом могучие корни пронзали подземный мир насквозь, было невыносимо тесно в облезлой собачьей шкуре.

Он был тем, кто веками хранил в себе души, не заслужившие стать прекрасными цветами на Великом Древе Иблиса. А теперь сам был вынужден чесать блох и тявкать. Но ради этой ненормальной девчонки он был готов стерпеть и не такое.

Внизу, посреди грязной улицы, командир уже занёс окутанный дымными тенями клинок. Лезвие двигалось плавно, неотвратно, готовое в одно мгновение рассечь дряхлое горло старухи.

«Это лишь избавление от страданий, - холодная мысль билась в такт замаху. - Они всё равно подохнут, так к чему душам пропадать зря?»

Жнецы лишь забирали урожай первыми.

Но рука едва успела напрячься для удара, как ночной воздух с пронзительным визгом разорвался надвое.

Смазанная чёрная тень врезалась в его ноги, а после пронеслась сквозь строй ураганным смерчем, с оглушительным лязгом раскидывая закованных в тяжёлую сталь воинов, словно пустые деревянные кружки со стола в разгар пьяной драки.

Командир пошатнулся от удара, но, повинувшись вбитым рефлексам, мгновенно разорвал дистанцию, уходя в оборону. Опустив глаза, он с удивлением заметил, как на пальцах левой руки медленно набухает густая кровь. Разглядывая ладонь, сплошь покрытую сложной вязью ритуальных боевых татуировок, он обнаружил глубокий, рваный след от звериных зубов.

Эта неведомая облезлая тварь умудрилась на ходу сдёрнуть тяжёлую перчатку и стащить родовой перстень, едва не откусив палец вместе с костью.

А сейчас псина, победно зажав массивное чёрное кольцо в окровавленной пасти, льнула к ногам той самой девки из переулка.

Командир мог бы поклясться: уродливая животина откровенно глумилась, демонстрируя ему ряд гнилых клыков.

Под безликой металлической маской губы тронула ласковая, предвкушающая улыбка. Глаза в ту же секунду затопила глухая, клубящаяся чернота теней.

Теперь им двигало лишь одно желание - выпотрошить их обоих. Медленно, растягивая каждую секунду чужой агонии с особым, гурманским наслаждением.

- Хорошо бегаешь, жнец? - голос прозвучал откровенно насмешливо.

Девушка небрежно оперлась о хлипкие, гнилые перила мостовой.

Ловко выудив чёрное украшение из окровавленной пасти пса, она подкидывала бесценный артефакт в воздух, каждый раз безошибочно ловя его худыми бледными пальцами.

- Мне интересно, как бегаешь ты, дрянь, - угрожающе прорычал командир.

Живые тени плотным, колышущимся саваном окутали его плечи, когда командир крепче сжал рукоять клинка, собираясь сделать один неуловимый рывок и снести дерзкой девчонке голову.

- Сейчас узнаешь, - скользнул по воздуху тихий, прохладный шёпот.

Затея потянуть время оправдала себя.

Пока взгляды помятых жнецов были сфокусированы на ней и артефакте, старуха и стайка перепуганных детей, сидевших в хижине, уже уходили в глубь Ям, скрываясь от верной смерти.

В последний раз небрежно подкинув перстень, Асгетт крепко зажала его в кулаке и легко, словно ласточка, перемахнула через перила. А затем рванула с места.

Она бежала с такой скоростью, играючи обгоняя мчащуюся следом псину, что командир удивлённо приподнял бровь. Однако уже миг спустя его ступор перешёл в жуткий, рокошующий смех, эхом прокатившийся по грязной улице.

От этих звуков у любого случайного свидетеля кровь застыла бы в жилах.

- Ну давай поиграем, коль так желаешь, сука, - глухо пробасил он.

Жнец сорвался на тяжёлый, размеренный бег, окончательно выбрасывая из мыслей сбегавшую старуху.

На быструю смерть рассчитывать не придётся. Он намеревался лично, шаг за шагом, загонять эту наглую девку по зловонным лабиринтам до хрипа, до надрывного кашля, пока она сама в изнеможении не рухнет к его сапогам.

Предвкушая славную охоту на попавшую в ловушку глупую зверушку, он неспешно, с пугающей грацией хищника двинулся следом. За его широкой спиной, словно крылья стервятника, жадно расправлялись голодные тени и в то же мгновение чёрный поток тьмы устремился следом, затапливая грязные лабиринты Ям.

Телу из морока этот бешеный ритм не доставлял никаких неудобств. Искусственная плоть не ведала усталости, лёгкие не горели от нехватки воздуха, а мышцы не знали физических страданий.

Девушка расчётливо уводила преследователей прочь из этого гниющего болота трущоб, направляясь к самому краю высокого утёса.

План был предельно прост и ясен. Жаль только, что с этой оболочкой сегодня придётся расстаться.

- Уходи, - приказала она псу, едва добравшись до каменистой пустоши обрыва.

- Уверена? - пророкотал он с нескрываемым хриплым азартом. - Похоже, хранитель рек всерьёз увлёкся этой примитивной забавой. - Может, просто сожрём их?

- Я такое не ем, - усмехнулась Асгетт. - Всё, иди отсюда.

Огромный пёс тут же с силой впечатал лапы, глубоко вспахивая когтями каменистую почву, а в следующее мгновение просто стёк вниз, уходя в землю, как тёмная маслянистая лужа.

Там, где он только что стоял, редкая чахлая трава с мерзким шипением превратилась в пепел - чистейший касаритовый яд не оставлял после себя ничего живого.

Оставшись в полном одиночестве на краю скалы, под которой зияла бездонная чёрная пропасть, Асгетт нетерпеливо застучала стоптанным сапогом по промёрзшему камню.

Пронизывающий ледяной ветер яростно трепал полы её рваного плаща, но холода девушка не чувствовала.

- Ну и где ты бродишь? - рявкнула она в глухую ночную тьму.

От томительного ожидания сквозь жалкий образ уличной оборванки начал отчётливо проступать её истинный характер. Властный, надменный и бесконечно упрямый.

Командир неслышной тенью шагнул на край плато и едва сдержал кривую усмешку. Его откровенно забавляло её надменное ворчание, но сильнее всего удивляло то, что эта жалкая оборванка даже не думала дрожать от ужаса. Видимо, до дурочки слишком долго доходит.

Он приближался неспешно, неотвратно, лениво волоча за собой обнажённый клинок, который с противным, протяжным визгом скрёб по камню, оставляя длинную рваную борозду.

Единственное, что его сейчас волновало - грядущее наслаждение от расправы.

Эта грязная дворняга посмела прервать жатву, и за подобную наглость ей придётся заплатить сполна. Первым делом стоило прирезать её плешистую псину, но уродливая гадина трусливо исчезла, словно под землю ушла.

- Уже соскучилась? - из-под маски донёсся хриплый, тихий смех. - Уж прости, что заставил ждать.

Подойдя вплотную, одним резким, небрежным движением сдёргнул с неё капюшон и в следующую секунду точной подсечкой выбил землю у неё из-под ног. Тело рухнуло, ударившись с глухим хрустом, точно сломанная марионетка.

- Что тут у нас? - поинтересовался командир и, грубо вцепившись в короткие девичьи волосы, безжалостным рывком запрокинул её голову, заставляя смотреть на себя.

Из-под маски его взгляд, пропитанный клубящимся мраком, медленно и плотоядно изучал каждую черту лица.

Кожа девки была бледной, как у трупа. Тусклые, почти бесцветные серые глаза безжизненно смотрели на него из-под глубоких, болезненно-тёмных кругов. В ней не чувствовалось ни искры воли, ни капли скрытой силы - лишь пустой, измученный лишениями сосуд.

И всё же... Командир слегка повёл носом. От неё не несло гнилью и смрадом Ям. От кожи исходил тонкий, дразнящий и совершенно неуместный здесь аромат дикой, кисло-сладкой ягоды.

В остальном же - ничего примечательного. Ни разу не красавица: грязная, до крайности истощённая, с заострившимися скулами и потрескавшимися губами. По правде говоря, он ожидал встретить куда худшее убожество, но даже это жалкое зрелище не пробудило в его темной душе ни малейшего плотского желания.

- Ну и дрянь, - процедил он сквозь зубы, и в его голосе отчётливо проступило глубокое, почти оскорблённое разочарование.

- Не в твоём вкусе? - усмехнулась Асгетт и тут же возмутилась: - Ну ты не расстраивайся, ты мне тоже не нравишься.

Брать её силой командир точно не собирался. Марать себя о подобный мусор было ниже его достоинства. Местную погань, как и тех, кто в ней копошился, он презирал.

Однако за спиной уже явственно слышалось дыхание подоспевших воинов. Кое-кто из них вполне мог захотеть вдоволь развлечься со свежим мясом, прежде чем отряд двинется обратно в Долину.

- Не переживай, я найду тех, в чьём вкусе ты будешь, - прошипел он.

Брезгливо, словно отбрасывая смердящую падаль, командир швырнул девчонку обратно на камни.

Тонкое запястье с тошнотворным хрустом подломилось под тяжестью сапога. Он не просто наступил - он медленно, с садистским наслаждением переносил вес, дробя хрупкие кости, пока пальцы жертвы не разжались в невольной судороге.

Перстень с тихим звоном покатился по промёрзшему плато.

Окружающий мир взирал на это с ледяным равнодушием. Тяжёлое, затянутое серой пеленой небо, безжизненные скалы и стылый ветер, нёсший с собой лишь запах гнили, служили идеальными декорациями для места, где кусок металла всегда стоил дороже чьей-то жалкой жизни.

Стерев с перстня грязь, командир выпрямился и посмотрел на неё сверху вниз. Под маской его взгляд был мёртвым, словно сама бездна. Ни тени сожаления, ни проблеска жалости.

- Эта вещь, - его тихий, скрежещущий голос легко перекрыл завывания ветра, - стоит куда дороже, чем твоя жалкая шкура, тупая шлюха.

Он повернулся к замершему позади отряду:

- Кто-то хочет это взять?

Несколько воинов молча выступили вперёд, шагнув к лежащей девушке нехотя, едва скрывая отвращение к столь жалкой оборванке.

- Развлекайтесь, - обронил командир, окончательно потеряв к ней всякий интерес и одним выверенным движением вонзил свой клинок глубоко в землю.

Металл жалобно звякнул, намертво прибил края её плаща к скале, словно распиная поймавшую бабочку булавкой.

Оставив девчонку у ног своих солдат, он плавно отступил в сторону, бережно возвращая перстень на законное место.

«Где же её пёс?» - проскользнула мысль в голове. Одной жизни этой девки будет мало, чтобы утолить жажду. Снова вести отряд в то смердящее болото он не планировал.

Распластанная на камнях, с вдребезги раздробленной кистью, девица вдруг разразилась громким, залихватским смехом. Этот звук, звонкий и совершенно неуместный, эхом отразился от скал.

В нём не было ни капли боли или отчаяния - только искренняя и почти безумная радость.

В этом хохоте слышалось торжество того, кто уже видел финал грязного представления и в нетерпении предвкушал развязку.

- Я с подобной мерзостью не сношаюсь, - выплюнула она прямо в скрытые лица с презрительной, откровенной издёвкой.

Из-под масок донёсся низкий, утробный смешок, больше похожий на рычание голодных псов. Асгетт прекрасно знала, о чём они сейчас думали.

В их извращенных умах уже мелькали грязные, жестокие образы: как они по очереди будут вжимать её изломанное тело в ледяные камни, с треском разрывая остатки плаща. Как станут вколачивать в неё своё презрение вместе с похотью, пока девчонка не захлебнётся хрипами и собственной кровью.

Они предвкушали, как втопчут эту уличную дрянь ещё глубже - туда, где ей, по их мнению, было самое место - на самое дно зловонной сточной канавы.

Пусть это тело было всего лишь временной куклой, но осквернить его она никому не позволит.

С этой старой бабки Асгетт потом лично и очень строго спросит за спасение, из-за которого сейчас лишается такой дорогой и любимой игрушки.

А после наступит черёд жнеца - с него спрос будет особый, даже если ради этого ей придётся лично явиться в их проклятую Каменную долину.

Резко, с животной яростью она рванула всем телом. Плечевые суставы тошнотворно хрустнули, выворачиваясь из пригвождённого клинком плаща, а ткань с мокрым, противным треском лопнула и осталась на лезвии. За долю секунды преодолев оставшееся расстояние до самого пика, Асгетт обернулась к замершему в растерянности отряду.

Под ногами сухо заскрипел и посыпался вниз мелкий щебень, исчезая в крошечной тьме без единого звука.

Серые глаза прищурились по-кошачьи, и на потрескавшихся губах медленно расплзлась улыбка.

- Надеюсь, мальчики не в обиде? - с издевательской хрипотцой прошипела Асгетт. - Уверена, с развлечением вы вполне неплохо поможете друг другу и без меня. Сверху вниз... Ну, вы и так знаете.

И, подмигнув опешившим жнецам, не колебаясь ни единого мгновения, она сделала обманчиво лёгкий шаг назад. Просто отпустила себя, проваливаясь в голодную черноту пропасти спиной вперёд. Плотный, ледяной воздух мгновенно сомкнулся над ней, проглотив тонкую фигурку, словно жадная пасть чудовища.

Воины Каменной долины стояли неподвижно, глядя в пустоту. Кто-то тихо витиевато выругался. Развлечение, которое они уже почти ощутили кожей, ускользнуло в самую последнюю секунду.

Командир лишь молча выдернул свой клинок из промёрзшего камня, убирая его в ножны. Охота была почти окончена.

Оказавшись на дне ущелья, он предвкушал, как вырвет душу этой гадины и вдоволь насладится видом кровавого месива на камнях. Однако вместо этого он нашёл лишь то, что рассыпалось при малейшем прикосновении. Ни крови. Ни разорванных внутренностей. Ни единого следа души.

Сначала он ненароком подумал, что проклятая псина воистину восстала из Бездны, ухитрилась опередить его и сожрать добычу - командир уже ничему бы не удивился. Но чутьё подсказывало иное: в пустой оболочке души не было изначально. Опустившись на колени, он зачерпнул рукой серые крупы. С тихим, почти издевательским шуршанием они просочились сквозь пальцы невесомым прахом, окончательно стирая последние иллюзии.

Оставив позади удушливый смрад трущоб, отряд жнецов безмолвными призраками пересёк границу Каменной Долины.

Лишь в глубоком полумраке собственных покоев, скрытый от чужих глаз, будущий Шах наконец позволил себе сбросить тяжёлую матовую броню.

Он отнюдь не перестал быть воплощением смерти. Напротив, лишившись стальных пластин, этот воин казался ещё опаснее - словно матерый зверь, сбросивший лишний панцирь ради чистой, неуловимой скорости.

Цина - наречённый именем прадеда, - терпеть не мог вычурную шёлковую роскошь, предпочитая практичную одежду воина. Тёмные ткани туго обтягивали литые мышцы, а сложная вязь чёрных кожаных ремней, словно вторая броня, надёжно обхватывала торс.

Наследник был дьявольски, порочно хорош собой той острой, хищной красотой, от которой у жертвы замирает сердце за мгновение до того, как лезвие перережет горло. Резкие, словно высеченные ножом скулы сопрягались с идеально прямым носом, а в профиль этот лик казался ещё более пугающим: безупречный излом челюсти переходил в твёрдый, чётко очерченный, упрямый подбородок и чувственные, плотно сжатые губы, на которых застыло вечное пренебрежение ко всему живому.

Из-под густых, вечно нахмуренных чёрных бровей и пушистых смоляных ресниц взгляд резал мрак комнаты насквозь. Отливающие кроваво-красным глаза светились изнутри первобытной магией и дышали вековым равнодушием. Тёмно-кофейные влажные волосы были коротко выбриты по бокам, а рваные длинные пряди небрежно падали на лицо, частично скрывая этот леденящий, пристальный взор.

На безупречном лице выделялся металлический шарик пирсинга под нижней губой и россыпь серебряных колец в ушах. Вся его широкая грудь, мощные плечи и шея были забиты ритуальными татуировками - чернильные узоры, среди которых отчётливо угадывались черепа, намертво въелись в медово-бронзовую кожу. А на руке неизменно красовался тускло поблёскивающий массивный перстень.

Теперь, избавившись от тяжёлого доспеха жнеца, он сидел в полумраке, крепко сцепив пальцы, и упрямо перебирал в мыслях случившееся.

Этот мужчина привык к тому, что женщины рушатся к его ногам с жалкими мольбами, а не бросаются в самую бездну на острые камни. Будущий правитель Каменной Долины сейчас попросту не мог выкинуть из головы эту драную девку. Её звонкий хохот, открытое презрение и абсолютное бесстрашие, неуместный запах и то, как она без единого колебания шагнула в пустоту, - всё это царапало по обнажённым нервам.

Ещё и проклятая зубастая тварь, что стащила артефакт. Всё смешалось в кучу, и невозможно было откопать истину. Воспоминания распаляли внутри непростое раздражение, а всепоглощающую тёмную злость.

Морок. Сильная, абсолютно неведомая ему магия, природу которой он не мог разгадать. Цина привык играть с чужими телами, подчиняя их, но то были создания из костей и жил, выношенные во чреве матери. Из чего было соткано *это* - он не мог представить даже в самых безумных фантазиях. А с фантазией у него проблем не было никогда.

Оболочка, что так искусно управлялась кем-то, теперь будет преследовать будущего Шаха в мыслях каждый чёртов день. А въевшийся запах намертво зажёёт его ноздри.

Охотник остался с пустыми руками.

- Что же ты такое?... - сорвалось с его губ в пустую темноту, пока он смотрел как перстень гниёт и поспешно разлагается на его пальце, оставляя тошнотворный кисло-сладкий шлейф.

А это что-то уже тихо пробуждалось. Очень- очень далеко.

Глава 2

*«В быстрых победах, купленных
бесчестием, нет ни благородства,
ни удовольствия. Истинная победа
знает цену выдержке, предпочитая
играть вдолгую, медленно иссушая
напиток в красивом кубке - крепко
держа его основание, лаская
тонкими пальцами и властно
очерчивая ребристые грани. Ваши же
сосуд, при всей претензии на
изящество, - дешёвая поделка.
Грубая шлифовка его краёв режет
нежную кожу, выдавая
посредственность мастера, а скол в
основании крадёт каждую каплю. Не
получить удовольствия от того, что
никогда не наполнить и из чего
никогда не напиться. А красота,
которая не может удержать суть,
неизбежно становится лишь россыпью
острого мусора».*

Из глубокой, колышущейся тени в углу спальни неспешно, с грацией истинной королевы, выступила статная фигура.

Только проснувшись, Асгетт лениво откинулась на шёлковые подушки, даже не думая подниматься навстречу великой правительнице

Царица Ца'трии - Висса - выглядела поистине величественно. Время не имело власти над дочерью Иблиса, оттого она казалась лишь умудренной жизнью старшей родственницей с тысячелетним опытом, но совершенно не тронутый увяданием. Её кожа, напоминающая безупречный мрамор, отливала благородной бледностью. Длинные русые волосы хитросплетением тяжёлых прядей укладывались в причёску, щедро усыпанную золотыми шпильками и венцами, которые в полумраке комнаты мерцали, в точности повторяя форму сияющих листьев Великого Древа.

Наряд царицы был данью уважения их первородному предку. Белоснежное, как ствол Древа, платье облегло стройную фигуру. На шее, золотой брошью в виде рогатого льва - герба их древнего рода, крепился тяжелый красный плащ, что ниспадал за спиной кровавым водопадом. У самого пола ткань градиентом перетекала в непроглядную черноту - символ глубоких касаритовых корней, питающих их род.

О её безграничной власти безмолвно кричал не только этот священный наряд, но и тяжелый, всеведающий взгляд. Глаза сияли золотом - тем самым, древним диким огнем, что веками текло по ветвям Древа прородителя и его детей. И когда её губы тронула мягкая, обманчиво ласковая улыбка, показались острые клыки.

- Иблис Бен Касарит, приветствую тебя, кровь моя. Как погуляла?

- Было весело. Поначалу, - честно отозвалась Асгетт.

Бабке лгать было бессмысленно - Висса видела её насквозь.

Асгетт прищурила свои хитрые медные глаза, усыпанные золотистыми крапинками. Их глубокий, пронзительный взгляд вместе с тёплой, карамельно-золотой кожей она унаследовала от отца.

А вот дикая, броская внешность и роскошные длинные волосы - иссиня-чёрные у самых корней и переходящие в холодное, пепельное серебро на концах - достались ей от деда, правителя княжества Катрат.

В залы Катрата князь Раду привносил отчётливый, тревожный дух диких лесов. Он всегда сидел едва прикрытый белоснежной тканью на бёдрах, а его могучий торс лениво обвивали кольца огромной чешуйчатой змеи. Хищная рептилия ластилась к его шее, словно признавая в хозяине существо куда более опасное, чем она сама.

В его вальяжной позе сквозила готовность в одно мгновение, без единого лишнего вздоха превратить это тело в разящий клинок.

Как они вообще умудрились сойтись и нажить с Виссой детей, при этом ни разу не перегрызшись насмерть, оставалось для всех великой загадкой. Именно эта дикая, не знающая поводов порода деда теперь кипела в жилах наследницы Венца, делая её столь же необузданной.

- Твой подарок был просто чудом. Жаль только, что с куклой пришлось попрощаться раньше времени, - Асгетт слегка склонила голову. - Сделаешь мне новую, бабушка?

Царица приглушенно рассмеялась. Звук её смеха напоминал шелест листьев, в которых таилась скрытая мощь ветров.

Она подошла ближе к кровати, плавно покачивая бедрами. Тяжелый, выцветающий в черноту край её плаща мягко шуршал по толстому ковру.

- Потеряла куклу? Надо же. И кто же умудрился довести моё дитя до того, что ей пришлось развеять морок? - она опустилась на край ложа, внимательно разглядывая точёное лицо внучки, обрамленное серебряными прядями. - Неужели в Ямах научились отращивать когти?

- На жнецов напоролась, представляешь? - невинная улыбка тронула пухлые губы Асгетт, на секунду обнажив острые зубки.

- Или это они напоролась на тебя? - в тон ей, с притворной наивностью уточнила Висса. В её золотых глазах вспыхнули искры.

Слова были излишни. Асгетт плавно протянула ей руку. Едва их кожа соприкоснулась, как образы минувшей ночи перетекли в разум царицы чистой звенящей водой.

- Скверно, - тихо выдохнула Висса, разрывая ментальный контакт.

Она медленно поднялась на ноги, ободряюще погладила внучку по макушке и принялась мерно расхаживать по просторной, утопающей в тёплом янтарном свете спальне. Лёгкие пологи кровати едва заметно колыхались вслед за её плавными, царственными движениями, словно сам воздух в комнате покорно расступался перед ней.

- Меня совершенно не устраивает то, что происходит у наших границ в Вольных землях, - заговорила Висса, и её глубокий голос зазвучал весомо, раскатисто. - Выродки из Каменной Долины заполонили Ямы и хозяйничают там, как у себя дома. Они оставляют за собой горы трупов. Империя, которой тесно в собственных границах, потеряла всякий страх. Она лезет в Павиру, точно жирный вепрь в трясину, надеясь урвать лишний кусок земли, и попутно грызётся со святым воинством Триты, которое несёт свою истину, словно пьяные проповедники. А скверна уже терпеливо ждёт во тьме. Копит силы, упиваясь чужой глупостью. Слепые...

Висса резко остановилась и тяжело посмотрела на внучку своим пронизывающим взглядом:

- Скоро эта скверна вылезет наружу, - процедила она. - Великие дома вновь примутся с упоением вырезать друг друга, щедро кормя Бездну. Их роды и так истончились, а если они не остановятся, то от хвалёной крови не останется даже следа на грязном полу. Но лгать не буду, на них мне плевать. Их судьба предрешена их деяниями.

Она отвернувшись, подошла к высокому арочному окну и принялась задумчиво выстукивать ритм по холодному подоконнику. Массивные золотые кольца на её длинных пальцах издавали тихий, мерный звон, словно отсчитывая оставшееся этому миру время.

- Меня интересует Павира - наши ближайшие соседи. Одни из немногих, кто знает о нашем скромном существовании, - продолжала Висса, глядя на раскинувшийся внизу процветающий край. - Я хочу укрепить это добрососедство, отдав Вольные земли под их контроль, первоначально вышвырнув всех заблудших шавок оттуда. Теперь павирцы под нашей защитой, и с этим придётся считаться.

Асгетт подалась вперёд, уперев ладони в колени, и напряжённо вглядывалась в силуэт бабушки, пытаясь разглядеть её истинные мысли.

- Что ты удумала? - в её голосе послышалась тревога, смешанная с невольным предвкушением.

- Подождём Великий Совет. Уже скоро... - по губам Виссы скользнула холодная усмешка. - Когда до бестолковой Империи дойдёт, что они не возьмут своими рогами ворота Павиры, за которыми будем стоять мы, они побегут на ковёр к Хранителям, чтобы жаловаться им на грязных ублюдков, кидая на стол переговоров свитки с требованиями и угрозами. Идеальное время для личного знакомства, не считаешь?

Висса подошла к кровати вплотную, заставляя внучку подобраться и сесть ровнее под давлением её тяжёлого взора.

- Что до морока... Пора начинать свыкаться с этим телом, которое породило для тебя Великое Древо, - вновь заговорила она. - Пора брать силу, что принадлежит тебе по праву рождения. Пора признать: ты больше не дитя, ты - будущая правительница. Венец на твоей голове будет тонок, но бремя его окажется невыносимо тяжёлым, любовь моя. Начинай мириться со своей судьбой.

В воздухе неуловимо похолодело. Явилась та самая редкая, леденящая кровь строгость, перед которой мгновенно отступала любая девичья спесь. Царица плавно, но весомо опустила ладонь на плечо внучки.

- Я уничтожу любого для твоей защиты, если потребуется, ты знаешь это, - произнесла Висса, и в её глазах мелькнуло безжалостное пламя. - Но теперь я хочу, чтобы ты оставалась под сенью Иблиса. Мы сильны, да, но не бессмертны... и жизнь наша долга, - но отнюдь не вечна.

Асгетт была в корне не согласна, но перечить не смела. Только не ей. Будь на её месте тётка Артра или отец, она бы с огромным удовольствием отстаивала свою свободу часами, нагло скаля клыки и доводя их до чистого безумия. Но если уж сама царица требует от неё смирения, значит, ей придётся его познать.

- Они не уйдут добром, - хмуро отозвалась девица, искренне разочарованная потерей чуть ли не единственной отдушины в своей жизни - тайных вылазок в чужие края.

- Добром мы заплатим после кнута, - Висса коварно ухмыльнулась. - Пустоши нам немало богатств предоставят. В пещерах мёртвых земель хранится более чем достойная плата.

Асгетт тут же поморщилась. Она прекрасно знала, что лежит в тех подземных чертогах у самых границ. Кальс. Голубой, слепящий глаза минерал. Ей слишком хорошо было знакомо истинное, грязное происхождение этой дряни.

Пещеры на стыке Пустошей и Вольных земель были рассадником для полчищ ядовитых пауков. Когда Венец ещё не был скрыт пеленой забвения и тумана, отчаянные безумцы сотнями лезли в эти подземелья. Они надеялись унести с собой хотя бы крошечный осколок голубого камня, но выбраться удавалось лишь единицам.

Сами пауки и порождали это проклятое «сокровище». Когда корыстолюбивые скитальцы попадали в ловушку, едкий паучий яд проникал в их тела, заживо кристаллизуя плоть и кости, медленно превращая бьющихся в агонии в голубые глыбы. А тот манящий, призрачный свет, что испускал готовый камень, был вовсе не магией недр, - это слабо тлели остатки запертых душ, мучительно угасающих в этой вечной тюрьме.

Для чужаков за пределами Пустошей кальс оставался самым желанным, недостижимым сокровищем. Злая ирония заключалась в том, что на деле этот трупный камень не стоил и одной ломаной ржавой монеты. Пока правители чужих краёв с гордостью вешали тяжёлые ожерелья из голубого камня на шеи своих женщин, скупая когда-то украденные крупницы за баснословные деньги, в Венце эту гадость побрезговали бы взять голыми руками.

А ведь народы их государства едва ли можно было назвать безгловыми созданиями.

Короткий едкий смешок невольно сорвался с её губ, стоило Асгетт только представить эту абсурдную сделку. Но внезапная мысль о скором неизбежном выходе из тени в истинном облике тут же заставила её сердце болезненно пропустить удар. Чтобы прогнать липкую тревогу, она резко тряхнула головой, отчего пепельно-серебряные локоны рассыпались по плечам.

- Мы прибудем на Великий Совет под гербом Павиры? - спросила Асгетт, косо глянув на царицу.

- Конечно, кровь моя, - успокаивающе произнесла Висса.

Вот только Асгетт не понравилось выражение её лица. Царица всегда знала больше остальных, но, конечно же, никому ничего не говорила. Что она задумала на этот раз?

- А что жнецы? - наконец Асгетт задала вопрос, который, казалось, беспокоил её сильнее всего.

- А что жнецы? - эхом отозвалась Висса, безразлично пожав плечами, словно речь шла о назойливой мошкаре.

Но всё же при одном лишь упоминании Каменной Долины лицо царицы неизменно искажалось в брезгливой гримасе.

- Не полезут ли они следом за Империей? - протянула задумчиво Асгетт, предполагая риски для Павиры.

Страх перед безликими воинами Висса не испытывала, отнюдь. Но одна мысль о чёрных, удушливых тенях, копошащихся под их доспехами, вызывала отвращение. Она категорически не признавала природу их лишённой тепла крови.

Для царицы они были уродливым искажением мироздания, ошибкой, которой не должно быть места под солнцем. Ведь порождения долины были сотканы из самой ночи, что безраздельно правила в их владениях.

- Пусть залезут обратно во тьму, откуда когда-то вылезли, - отрезала Висса. Но тут же неумовимо смягчилась, тепло улыбнувшись: - Отдыхай, милая.

Оставив на лбу внучки нежный тёплый поцелуй, она плавно развернулась и направилась к выходу. Тяжёлый подол её плаща бесшумно скользнул за порог, и дверь спальни закрылась.

Как только створки сомкнулись, Асгетт, точно борясь с невидимой тяжестью, поднялась с ложа из струящейся ткани и, преодолев внутреннее сопротивление, заставила себя взглянуть в холодную зеркальную гладь. В то же мгновение пальцы её судорожно сжались в кулак, а ногти до боли впились в ладони.

На неё смотрело отражение, которое она уже перестала считать своим.

Гармоничный облик предстал пред ней во всём своём великолепии: чёткий благородный овал лица, тронутый едва заметной россыпью золотистых веснушек, точёный горделиво заострённый подбородок, высокие, плавно очерченные скулы, а также тонкий нос и чувственный изгиб пухлых губ.

- Поганный жнец! - рыкнула Асгетт в отражение. Из-за этой твари она лишилась последней радости в жизни.

Позади себя, в призрачной глубине зеркального полотна, она узрела чужое присутствие.

Бог Касарит, хранитель чёрных рек, вальяжно сидел на её кровати, успев сменить собачью ипостась на облик обнажённого юнца.

Собственной наготы древнее божество не стыдилось нисколько - стыд был неведом существу, чьи незримые корни веками покоились в загробных водах, лаская остывшие души на самом дне великой реки.

В этом обличье он казался пугающе похожим на Асгетт. Они смотрелись в янтарных покоях дворца Ца'трии как родные брат и сестра, рождённые одной великой силой Древа Иблиса.

Только вот его гипнотические глаза до краёв были залиты чёрным ядом. Он нёс в себе потустороннюю суть реки: кожа его отливала мёртвенной лунной бледностью, тонкие уши заострились кверху, а голову венчали тяжёлые витые рога. По лицу струились сияющие золотые линии, похожие на трещины в обсидиане.

Два совершенных чудовища замерли друг напротив друга.

- Не расстраивайся, Геда, - голос Бога звучал шипяще и глубоко. - Я принёс тебе подарок.

Он плавно, бесшумно поднялся с постели и, словно плывя по полу, приблизился к Асгетт вплотную. От его обнажённого тела веяло могильным холодом подземных вод и приятным ароматом ядовитой ягоды, что росла в его землях.

Божество нежно обхватило ладонь принцессы своими когтистыми пальцами, подняло её руку чуть выше и скользящим движением надело на тонкий девичий палец массивный перстень

- Нравится? - Его губы растянулись в лукавой, змеиной улыбке, а в глубине залитых тьмой глаз вспыхнул искренний, почти детский восторг от собственной проказы.

Асгетт опустила взгляд и обомлела.

Тяжёлым чужеродным грузом на её руке покоилось новое украшение. Чёрный металл, казалось, всё ещё хранил леденящую прохладу магии теней и едва заметно поблёскивал в тёплом свете спальни.

- Удивил так удивил... Как? - ошарашенно выдохнула Асгетт, заворожённо разглядывая трофей. Она судорожно попыталась осознать случившееся.

Божество мягко улыбнулось.

- Я сожрал настоящий артефакт этого щенка, - он лениво стукнул острым тёмным когтем по перстню на её руке, а затем приглушённо протянул: - Правда, чуть палец ему не откусил, который, к слову, на редкость невкусный оказался.

Нахмурившись, Асгетт пыталась сопоставить воспоминания. Что же тогда забрал жнец?

- Некоторые вещи лучше не знать, - будто прочитав её мысли, он глухо, утробно рассмеялся, обнажив ряд заточённых зубов. - Но уверен, мальчишка был в полном восторге от моего сувенира.

Жнецы оставили слишком много трупов на улочках Ям. И один маленький кусочек плоти с ядом касаритовых рек командир унёс вместо вожака артефакта.

Божество сделало шаг назад, плавно отдаляясь от неё.

- Подобное может позволить себе лишь знатный род. С таким оберегом воин никогда не будет ведать страха перед смертельным ударом. Это верный защитник, отводящий чужую сталь и сберегающий жизнь своего хозяина.

Замерев на секунду, Асгетт заливисто, оглушительно рассмеялась на всю опочивальню. В воздухе звенел чистый, безумный восторг. Хорошая получилась партия. А отсмеявшись,

она резко, точно ужаленная, стянула тяжёлый матовый перстень и брезгливо швырнула его на комод.

В тот же миг её интерес к жнецам окончательно сменился чистой ненавистью. Носить на себе чужой артефакт, который к тому же болтался и был совершенно не по размеру, совсем не хотелось.

Единственное, чего она сейчас искренне желала, - это при первой же возможности лично запихнуть этот перстень в одну очень мерзопакостную задницу.

- Хороший подарок, - Асгетт завалилась обратно в кровать, забираясь под бок к божеству, которое уже успело улечься туда во всей своей бледной наготе. - Спасибо.

Он лишь улыбнулся, глядя на неё своими чёрными глазами. Его когтистая ладонь бережно скользнула по её роскошным платиновым волосам, перебирая пряди. Он просто хотел её порадовать.

Древнее божество не знало привычных чувств, но за годы привязанности уяснило одну истину: когда эта маленькая принцесса грустила, его собственное нутро выворачивало словно от невыносимой, удушающей хвори.

И сейчас, глядя на это счастливое, улыбающееся лицо, Хранитель рек желал лишь одного - найти того безликого жнеца и заживо сожрать. Медленно. С костями и доспехами.

Даже если придётся долго и мучительно давиться.

Глава 3

Великая Империя, считавшая, что весь континент должен принадлежать лишь ей, объявила войну Павире. Император рассчитывал прибрать этот клочок земли вместе с Вольными землями всего за шесть месяцев.

Объединение с имперцами Равель, ныне правящий Шах, считал мудрым и своевременным шагом. Цин же видел в этом лишь очередную глупость - сделку, рождённую не прагматичным расчётом, а наступающим старческим упадком. Каменная Долина и без чужой помощи могла бы поглотить Павиру за одну-единственную ночь.

Безродные дикари никогда не представляли для жнецов угрозы - они казались слишком ничтожными даже для презрения. Но Цина занимало вовсе не это. Вопрос выгоды оставался открытым.

К чему им вообще сдались эти земли?

Долину совершенно не интересовали скудные ресурсы чужих окраин, лежащих далеко от их границ. Беспородные женщины, с отчаянным безумием перерезавшие глотки себе и своим визжащим выводкам ради спасения от неизбежного надругательства, не вызывали у жнецов даже мимолётного вожеления. А мужчин и юношей в рабство они не брали - слишком слабы и бесполезны.

Гораздо тревожнее было иное. За узкими границами этого мелкого, упрямого государства простирались мёртвые земли, о которых даже древние карты предпочитали умалчивать. Безмолвные края, окутанные удушливым маревом, где сам воздух был чистой отравой, а горизонт терялся в серой, безжизненной дымке.

Венец. Якобы так некогда именовалось это могущественное царство, чьё имя теперь хранят лишь пожелтевшие свитки храма Мира. Согласно легендам, которыми матери любят пугать непослушных отпрысков перед сном, его просторы когда-то цвели и вызывали всеобщую зависть. Ни одна война не могла сокрушить это государство, а населявший его древний народ - живший, как и жнецы, тысячами - хранил свою кровь в строгой чистоте, отвергая союзы с иноземцами.

Но затем пришла великая Кара Бездны.

Она пронеслась по всем землям и, подобно неумолимому тарану, ударила в Венец. По воле Бога Касарита государство было стёрто с лица мира и погружено в ядовитые реки. Чтобы не отдать души своего народа Бездне, божество пожрало всё живое, что обитало в тех краях.

С тех пор чёрные воды кишат телами, превратившимися в проклятых чудовищ - искажённых, терзаемых вечным, неутолимим голодом. Конечно, никто никогда не видел этих созданий воочию. Всякий, кто осмеливался приблизиться к берегам, назад уже не возвращался.

Цина сомневался в правдивости древних свитков. За пятьдесят тысяч лет, прошедших с момента последнего визита Бездны, можно и не такие сказки придумать. Свидетелей-то не осталось.

И уж точно он не верил ни в какое божество, скрывающееся в ядовитом болоте. Но был вполне уверен в том, что не испытывает ни малейшего желания проверять, какие именно твари могут выползти из этих вод на свет, если их потревожить.

Хищник слишком хорошо знал цену собственной силе и понимал, когда даже самому могучему зверю следует держаться на почтительном расстоянии от чужих охотничьих угодий, дабы однажды самому не стать добычей.

Дед Равель выслушал доводы всех сторон и вынес приговор, от которого не было отступления. Союзу быть. Империя обещала щедро осыпать жнецов за помощь золотом, однако истинной ценой сделки стала не казна, а кровь. Имперская принцесса, чьё имя уже давно превратилось в легенду - совершенная, недостижимая.

Самому Цине было глубоко безразлично. Он давно пресытился покорной красотой и явно не испытывал ни малейшей потребности в брачных узах. Брак для него оставался не более чем политической необходимостью - инструментом для укрепления власти над Долиной и железным союзом с голодной до чужих земель Империей.

Жена окажется величественной и высокородной, а значит, достаточно ценной, чтобы носить его имя и потрудиться родить наследника.

Вот только кровь не хотела разбавляться, яростно кусаясь. И потому потомство жнецов неохотно шло в этот мир: обычно оно дошло вместе с той, что смогла понести. Случаи, когда иноземкам все же удавалось выносить это бремя до срока, можно было пересчитать по пальцам одной руки. А чтобы сосчитать младенцев, сумевших сделать хотя бы первый вдох, хватило бы и одного пальца.

В Каменной Долине, несомненно, были женщины их собственной, чистой крови. Однако в ничтожно малом количестве: Ночь предпочитала даровать им мальчишек, скупно пренебрегая дочерьми.

И даже если принцесса сотворит невозможное, она все равно неизбежно подохнет в скором времени. Даже помогать не придётся - никто в этом мире не жил так долго, как жнецы.

Только бы ему самому кто-нибудь не помог подохнуть.

Вместо одной-единственной победоносной ночи или шести месяцев, как планировала Империя, Павира преподнесла им совсем другой подарок - три года изнурительной, кровавой войны.

Тысячи имперских жизней стали ценой этой горькой иллюзии. Безликие жнецы, чьё ремесло сводилось к быстрой и беспощадной резне, превосходили любых воинов на континенте, а тем более союзников - закованных в золочёные доспехи имперских рыцарей. Их полное отсутствие ума и блестящие латы лишь облегчали задачу тем, кто умел наносить удары в щели.

Однако даже жнецы, непревзойдённые мастера теней, были неприятно удивлены, когда забирали тела павших братьев с поля боя.

Неорганизованные дикари, которые прежде хаотично и глупо сражались в мелких стычках в Ямах, внезапно явили миру пугающую военную тактику. Слаженно, шаг за шагом, словно научившись терпению, они начали вытеснять чужаков с границ Павиры. А затем и вовсе погнали их по территории Вольных земель, словно волки потрёпанное стадо овец, оставляя за собой лишь выжженные поля и тлеющие трупы, аккуратно сложенные в молчаливые пирамиды.

Худые, высокие бойцы в лёгких, развевающихся накидках поначалу казались воинам Долины неинтересной и лёгкой добычей - жалкой дичью, о которую не стоило даже пачкать клинки.

Но когда эти дикари схватились за копья да взяли в руки по два изогнутых клинка и с безумной, почти священной яростью закружились в смертоносном танце, исход всей кампании начал стремительно и необратимо меняться. Словно сама земля решила напомнить завоевателям, что не всякая кровь проливается легко.

Павирцы двигались неумолимо и безостановочно, сплетая вокруг себя живой стальной щит, из которого невозможно было вырвать ни одного бойца. Никто не мог приблизиться на расстояние удара - их строй оставался целостным, словно состоял не из плоти, а из острых шипов. Их выносливость превосходила всякое разумение, и хотя жнецы ещё могли бы справиться с этим упорством, скорость и реакция павирцев превратились в непреодолимую преграду для захватчиков.

В ближнем бою жнецов спасала лишь тёмная магия теней, которую они призывали с отчаянным хладнокровием. Имперцев же не спасало ничего. Их косили целыми шеренгами, словно бесполезную траву, и золото их доспехов лишь ярче сверкало под потоками собственной крови.

У Цины упорно не сходилась картина этой войны. Дикари не могли научиться так драться за столь короткий промежуток времени. Будто кто-то направлял их клинки, кто-то тенью стоял за спинами, диктует правила игры.

Он раздражённо сжал кулак, и на покрытых рисунками пальцах тупо занял старый след от укуса. Вдобавок ко всему, эта проклятая тварь, что ухитрилась стащить родовой перстень, оставив взамен кусок смердящей плоти. Без оберега приходилось тяжело, и на теле, что давно отвыкло от увечий, проступали новые шрамы.

Наследник Каменной Долины иногда возвращался к тому каменистому обрыву, пытаясь разгадать эту аномалию. Тело морока, рассыпавшееся серым прахом, полное отсутствие искры души, бесследно исчезнувшая псина и этот въевшийся в ноздри запах...

Однако призрачный аромат в его мыслях быстро сменился вполне реальной гарью - плохие вести догнали наследника на полпути к родным землям. Новости прилетели быстрее, чем он успел пересечь границу.

Воины Триты, словно сорвавшиеся с цепи псы, обрушились на приграничные провинции Империи с яростной, почти одержимой жестокостью. Вдохновившись подвигами Павиры, они выжигали сытые, цветущие княжества дотла, оставляя после себя лишь чёрные поля, усеянные обугленными трупами, и дымящиеся руины, над которыми ещё долго висел тяжёлый, сладковатый запах горелого мяса.

Трита, долго терпевшая имперскую возню у своих границ, объявила войну. Обезумевшие от ярости и унижения имперцы не желали сносить новые удары. Властитель ответил на это радикально и без промедления - он созвал Великий Совет.

Закон был непреклонен: при звуке этого зова все цари и подвластные им князья обязаны были немедленно сложить оружие и явиться в священный храм Мира, дабы разрешить спор словом, а не сталью. Никто не имел права игнорировать призыв, не рискуя навлечь на себя гнев всех народов одновременно. Отказ от участия в нем означал не просто вызов - это было равносильно объявлению войны всему живому.

Для Цины это означало лишь одно: война с Павирой временно затихает. Ему придётся сбросить пропитанные кровью доспехи, чтобы, облачившись в тяжёлые парадные одеяния, сопровождать деда на этот фарс, именуемый миром.

Наследник Долины раздражённо повёл плечом, и в полумраке покоев его глаза сузились в холодные, кроваво-красные щели.

В храме Мира соберутся все: имперские петухи в золоте, которым придётся выказывать почтение; эта святая, мать её, сталь Триты; братья по оружию из Вархи; древние, выродившиеся дома Саривии и владыка Павиры со своим отречьем...

Что-то в землях за пустошами начало меняться, и Цине это до бешенства не нравилось.

А ведь именно там, за ядовитой дымкой мёртвых земель, скрывалось от всего мира древнее и благоденствующее государство.

Три года. Ничтожный, мимолётный срок для живущих тысячелетиями созданий. Но для Асгетт, запертой в безмолвии здешних земель, эти годы тянулись безумно, невыносимо долго.

Бессмысленное кровопролитие за границами пустошей она совершенно не понимала. Наполняло гордостью лишь то, что воины Венца были неописуемо слаженны и превосходны в бою.

Великая Цэсса с гербом огненного стихийного исполина, принадлежавшего её отцу, царю Вхару, намертво укрепила рубежи Павиры, облачившись в одеяния союзников и взяв чужие стяги.

Пустынные воины по праву считались вторым из самых страшных и безжалостных клинков. В раскалённых землях они изо дня в день сражались с порождениями песков, выползавшими под покровом ночи. Бесстрашные, закалённые зноем, эти несокрушимые бойцы стали для Павиры главным щитом.

Первым же разящим клинком Венца считался Катрат. Его глухие леса были окутаны душливыми туманами, а топи делали эти края абсолютно непроходимыми. Здешние дебри взрастили существ, которые в своей свирепости были куда опаснее малахоров из касаритовых рек.

Девы с пастью, полной острейших зубов, прямо во время боя легко меняли облик, превращая тонкие руки в длинные когтистые лапы. Они заживо рвали плоть врагов, насылая кошмарные, сводящие с ума видения на каждого, кто осмеливался взглянуть в их золотые глаза.

Женщина, заменившая ей мать, была родом именно оттуда. Древняя, словно само мироздание, она растила Асгетт вместе с её названной сестрой, Сабари.

Творения Иблиса с длинными, ослепительно белоснежными волосами, мать и дочь - как и всякая женщина из Катрата, - обладали тем качеством, которое могло затмить любую чужеземку. Они были способны попросту сожрать конкурентку. В еде эти лесные создания привередливостью не отличались.

Дорогая матушка стала учить Асгетт взывать к дару Великого Древа с того самого дня, как та уверенно встала на ноги. Дитя ещё не говорило, но уже училось охотиться и красться бесшумно, словно дикая кошка. Абсолютная небрезгливость к плоти и крови стала закономерным итогом их совместной жизни.

Не меньше повлиял на её жизнь и Дарий - наследник плодородных равнин, где носились беспощадные ветры и вольные кони.

Княжеский сын, совсем молодой, всего-то четыреста лет от роду, был одним из самых близких наставников девочки. Именно у него Асгетт, заворожённо наблюдавшая за тренировками, переняла эту фанатичную любовь к копьям.

Теперь же во главе одного из легионов, преследовавших чужаков в Вольных землях, стоял именно он.

Первая сталь Просторов обладал той привлекательностью, которая внушала союзникам благоговение. Высокий, статный, с идеальной осанкой рождённого в седле всадника, он нёс себя с истинным достоинством.

Дарий всегда предпочитал свободные одежды, даже в бою - наряды глубокого чёрного цвета из благородных тканей и тяжёлый летящий плащ, скреплённый на одном плече круглой серебряной брошью. Его длинные чёрные волосы шелковым полотном рассыпались по спине, обрамляя точёное, словно высеченное искусным скульптором лицо. В глазах чистого зелёного цвета сквозило величие.

Но за этой обманчивой, изысканной утончённостью скрывался превосходный воин, получивший образцовое воспитание.

Он сражался длинным, идеально сбалансированным копьём, лезвие которого пело в его руках, выкашивая ряды противников на дистанции, недостижимой для их мечей. В его движениях не было хаоса или грязной ярости - каждый выпад, каждый разворот оружия казался выверенным, благородным, почти церемониальным жестом.

Его магия полностью подчинялась этой безупречной дисциплине: удушливый зелёный смог, который он призывал по одному щелчку пальцев, расстился по земле идеальным, плотным ковром. Ядовитая дымка была способна мгновенно заволакивать поля, забивая лёгкие всего живого и выжигая врагов изнутри.

Но в нынешней войне воинам Венца подобная сила не требовалась - они оберегали тайну своего существования и сокрушали противников исключительно сталью.

А теперь, сидя в парадном зале дворца Ца'трии в тяжёлом резном кресле и лениво слушая доклады, Асгетт ловила на себе явные, недвусмысленные знаки внимания от этого безупречного всадника.

Она же при виде его благородных жестов лишь незаметно закатывала глаза, едва сдерживая ироничную улыбку.

Царица действительно как в воду глядела - Великий Совет был созван.

Дарий, как всегда безупречный, холодный и собранный в своих тёмных одеждах, восседал от Асгетт по левую сторону.

А прямо по центру, вальяжно и тяжело откинувшись на спинку, расположился её отец.

Вхар, царь Цэссы, дышал неподъёмным, царственным зноем. В его облике не было ни капли утончённого аристократизма Дария - только давящая, сытая роскошь самого богатого южного дома.

Одеяние царя, состоящее из свободных бежевых тканей, было распахнуто на груди, открывая мощный смуглый торс. Длинные каштановые волосы ложились на плечи тяжёлыми волнами.

Неудивительно, что её мать когда-то ослушалась бабу и завладела этим демоном.

Отец любил золото и носил его с вызывающим, варварским извращением: бесчисленные тонкие цепи путались у него на груди, запястья закрывали массивные резные наручи, а пальцы с чёрными, острыми когтями были сплошь усыпаны перстнями.

Взгляд его глаз, залитых раскалённой медью, был отягощён кошачьей полудремой. У них с Асгетт был одинаково хитрый разрез век, да и нрав во многом совпадал.

Вот только характер у владыки был абсолютно несносным.

- Где твоя бабу? - возмутился он, и его глубокий, вибрирующий голос эхом разнесся под высокими сводами залы.

- Не бабу, а Асеки Иблис бен Касарит, - не поворачивая головы, ровным тоном поправила Асгетт, рассматривая свои ногти.

- Я так и сказал, - отец раздраженно качнул головой, отчего золотые серьги в его ушах негромко звякнули.

На самом деле он уважал божественную суть царицы. Но в песках правил иной бог. Вхар буквально являлся порождением этой силы, созданным из чистого, первобытного огня - сыном беспощадного, карающего пламени пустыни.

И потому ему изначально было свойственно пренебрежение к чужим авторитетам.

В этот момент тяжелые двери залы бесшумно разошлись, и в помещение плавно всплыла царица Висса в своем традиционном белоснежном платье и красном плаще.

Подол её плаща, черный, как корни, мягко скользнул по мрамору.

- Хвала великому Иблису, явилась! - шумно выдохнул Вхар. - Я тут почти закончился, пока ждал тебя.

- Когда ж тот день придёт, когда ты закончишься, - холодно и иронично отозвалась царица, даже не замедляя своего шага. - Одно меня искренне радует в твоём здесь нахождении - это собрание закончится быстро. А не как обычно, на рассвете второго дня.

Висса остановилась у подножия тронов и окинула царя Вхара золотым взглядом:

- В одном помещении с тобой больше двух часов может провести только самый сильный духом. И это, заметь, если ты вообще рот открывать не станешь.

Вхар лишь оскалился в ответ, сверкнув идеальными длинными клыками, и подался вперед:

- Сильна ли ты духом, старуха?

- О, помилуй. Я и часа не выдержу. - парировала царица, и на её губах заиграла тонкая ухмылка. - Нервы с возрастом не к черту. Не мне тебе рассказывать.

- С вашими ебучими собраниями... Думал, приду позже, как раз закончите, а вы даже не начали.

Массивный, седовласый великан Ликой вошёл в залу тяжёлой, грохочущей по мрамору поступью, явно пребывая в скверном расположении духа. Его начищенные до блеска доспехи тускло отсвечивали в полумраке, а аккуратная серебряная борода сердито топорщилась.

Следом за ним, бесшумно и грациозно скользя в тени отца, шла Митэя - двоюродная кузина Асгетт и единственная дочь князя Илеи. Княжна была одета в струящееся лёгкое серое платье.

Её глаза пронзительного, кристально-голубого цвета обрамляла золотая обводка, а локоны венчали голову точно драгоценная корона. Серебряный медальон на тонкой шее мерцал в такт дыханию, выдавая скрытую внутри магическую искру, способную превратить любого в вечный лёд.

Ликой окинул взглядом присутствующих, остановил взор на наставнике Асгетт и осклабился.

- Дарий, дорогой! Как хорош, а, Владыка? - громогласно обратился названный дядя к её отцу.

- Хорош, - лениво подтвердил Вхар, перебирая кольца на смуглых пальцах

- Да-а-арий... Ух, красавец, - протянул Ликой, вальяжно подходя ближе. - Так ты мне уже нравишься, ни дать ни взять. Сколько душ забрал у горного хребта?

- Я не считал, Князь, - ровным, бархатным голосом отозвался Дарий.

Он даже не шелохнулся под этим давящим авторитетом. Его зелёные глаза оставались совершенно спокойными.

- Привратница! - рявкнул Ликой, оборачиваясь к затененному углу залы.

Из тени бесшумно выступила служительница Иблиса. Окутанная в ритуальные золотые одежды, она сверкнула скрытым взглядом и безэмоционально, холодно отчеканила:

- Чертыреста пятьдесят три. Но должен был забрать больше.

- Ну ты посмотри на него. Жеребец! - князь Илеи восхищенно хлопнул себя ладонями по окованным сталью бедрам. - Ещё и скромный! Не хотел на фоне других бахвалиться. Ты ж мой сладенький.

Дарий приглушенно, устало вздохнул, слегка качнув головой, отчего длинные шелковистые пряди его темных волос скользнули по плечам.

- Князь, я начинаю тебя бояться, - невозмутимо заметил он, хотя в его тоне прорезалась тонкая ирония. - Мне уже в моменты уединения твой оскал из кустов мерещится.

Ликой громогласно рассмеялся, и этот треск ломающихся костей в его голосе заставил задрожать золотые подвески в ушах царя Цэссы.

- Кстати говоря, этот племенной красавец отказался от... от скольких девиц он отказался?

- От двадцати двух, - бесстрастно отозвался ровный голос привратницы из-под капюшона.

- От двадцати двух! - взревел Ликой. - Там такие кобылы породистые были, что только поводья держи да ноги свесь, сами куда нужно поскачут. А этот всё на дикую и необъезженную смотрит, вместо того чтобы ей в рот... удила вставить. Семьдесят шесть!

Асгетт, сидевшая в своем кресле, медленно прикусила изнутри губу, пряча ядовитую ухмылку. Она прекрасно понимала, в чей огород сейчас был брошен этот камень.

Митэя, стоявшая чуть поодаль, лишь едва заметно хмыкнула, скрестив руки на груди и наблюдая за отцовским спектаклем.

- О, прошу, не обращайтесь на меня внимания, - Дарий тихо и обреченно прикрыл ладонью глаза, понимая, что Князя уже не остановить.

- Умён, высок, красив. Воспитан! Слышали такое слово? - Ликой зашагал по залу, активно жестикулируя тяжелыми руками. - Чистейшая, кипящая древняя кровь, но при этом спокоен, умеет укрощать свой нрав. И горяч, если нужно укротить чужой! Один из лучших воинов, что наравне сражался с лучшими и учился у лучших. Хоть и силён как тот... этот самый, при этом не-е-жен. Или что там вам, девкам, ещё нужно? Да будь я девицей, я бы прям тут ему отдался, такой он уже хорошенький!

- А как же любо-о-овь? - со смешком протянула Митэя, вальяжно оттолкнувшись от колонны. Она прекрасно знала о холодном равнодушии своей младшей кузины ко всем этим ухаживаниям и намеренно пыталась увести опасный разговор в другое, шутовское русло.

- Любовь? - Ликой резко остановился, и его седая борода воинственно дернулась. - Что от твоей любви останется, когда ты будешь детей рожать своему ободранцу, или кого ты там мне присунешь? Наследников, что на него как отражение водной глади похожи будут. Ждать будешь его в постели, пока он под звёздным небом других трахает и сказки им о любви рассказывает. Те сказки, что он до этого рассказывал тебе. Тут сказочников по молодости - воз и

телега, и нихрена не маленькая. Один лучше другого, хоть басни пиши. На ходу выдумывали, да так складно, что сами Боги верили.

Князь весомо припечатал ладонью по рукояти своего оружия:

- Клятва! Вот это уже совсем другой разговор. А похоть сказочника, что так любит дарить мимолётное в обёртке любви, покинет его уже к утру. Так что же у тебя останется в итоге? Пыль.

- А если у него естество не такое? - задорно поинтересовалась Асгетт, издевательски вскинув бровь и косясь на стремительно бледнеющего от безупречного воспитания Дария.

- Какое не такое? - искренне возмутился Ликой, округлив свои глаза. - Великие боги, да оно у всех одинаковое! Или думаешь, где-то есть волшебное?

Вхар на своем троне не выдержал и громогласно, раскатисто расхохотался, отчего тяжелые золотые цепи на его смуглой груди заходили ходуном.

Асгетт же стиснула зубы, изо всех сил стараясь сохранить царственное выражение лица, хотя внутри неё так же клокотал дикий смех:

- Ну, может, там не дуб вековой, а прутик ивы? - не унималась она. - Как же таким наследников делать, коль так?

- Вы ведь все так скачете этих наследников делать, что аж волосы назад! - громыхнул Ликой, всплеснув руками. - Хрен догонишь, хрен найдёшь. Сук примотает. А если уж КТО-ТО снизойдёт до продолжения рода... ну-у... как-то намолим мы уже тех наследников. Вот все соберёмся и намолим!

Князь сделал весомую паузу, картинно оглядев притихшую залу:

- Если бы я сейчас говорил как отец сына, соверши мой отрок подобные деяния, я бы сказал, что он... ИДИОТ! Но как отец дочери, я говорю, что надо брать! Потому что ТАКОГО идиота мы больше нигде не найдём.

- Прямо сейчас брать? - ядовито поинтересовалась Асгетт, лениво переведя на него свои медные глаза.

- Прямо тут! Кстати о кустах. Всё у него там прекрасно. Я проверил. Так что можешь не переживать. Что смотришь? Для тебя старался, всю задницу ободрал, пока по репейнику ползал, - Ликой утробно рассмеялся, подмигнув наследнице Венца. - Вот такой. Жеребец!

- Вот такой, - внезапно подала голос царица Висса, выходя на середину залы и совершенно бесстрастно разводя ладони, показывая пальцами явно больший размер. - Что смотришь, зять? Мы в тех кустах, в которые ты меня за шиворот тащил по тому самому репейнику, вместе сидели. Пить меньше надо.

В главном зале Ца'трии на секунду повисла оглушительная, гробовая тишина. Вхар даже рот приоткрыл от такого откровения, а Ликой ошарашенно переводил взгляд с ухмыляющейся Виссы на замершего Дария.

- В упор не помню... - наконец пробормотал седовласый титан, растерянно почесав серебряную бороду - А ну-ка...

Князь Илеи шумно подался вперед, буквально наступая на бедного наследника, намереваясь залезть ему в штаны.

- Стоять, - холодно и отчетливо отрезал Дарий.

Он наконец поднял голову, осадив наступающего на него одним лишь царственным жестом руки. В его голосе не было паники - только выдержка первой стали Просторов, привыкшего командовать легионами.

Ликой на секунду замер от такой дисциплины.

- Тишина, - звучным, не терпящим возражений голосом оборвала балаган царица.

Она плавно опустилась во главе массивного стола, и её белоснежные одежды величественно расправились

Висса окинула присутствующих пронизательным взглядом, задерживаясь на каждом чуть дольше положенного.

- Великий Совет начнётся через два дня. Асгетт, сегодня ты отправишься в храм Мира. Кому-то из нашего дома необходимо присутствовать на их вечерней молитве.

- Так как я на дух не переношу эти унылые песнопения, - добавила она, - подобное сомнительное развлечение отныне часто будет входить в твои прямые обязанности.

Асгетт с таким чувством закатила глаза, что ей стоило немалых усилий вернуть их на место.

Она даже откинулась на спинку кресла, будто сама мысль о храме физически её утомила.

- Не делай такое лицо, - Висса усмехнулась. - Оно у тебя всё равно недостаточно трагичное для мученицы.

Асгетт промолчала. Только медный взгляд её на миг стал острее, словно под тонкой кожей терпения уже проступило лезвие.

- Знаю, знаю, ты всю жизнь именно этого и желала, - царица хитро улыбнулась, обнажив острые кончики клыков.

- Стоять среди служительниц, слушать, как храмовые певчие тянут одну и ту же ноту до тех пор, пока душа не начнёт сама искать выход из тела... Мечта, а не вечер. - продолжил расписывать перспективы Вхар.

- Заодно погуляешь, развеешься. На отпрысков великих домов поглядишь, со спины. Вдруг приглянется чей-то... - Висса явно планировала закончить фразу не так, как подобает царице.

- Не начинай... - глухо и уныло прервал её Вхар и устало потёр переносицу.

Разговоры о мужчинах, коих с завидным упрямством совали его дочери чуть ли не силой, начинали царя откровенно утомлять. Ему искренне нравился благородный Дарий. Более того, он лично тренировал жеребчика. Но при этом его вполне устраивала отрешённость дочери к противоположному полу. Успеет ещё девка влезть во все эти узы по самую шею.

Сама же Висса, которая в последнее время втайне начала подозревать свою драгоценную кровь в любви к девицам, после слов царя Цэссы решила благоразумно и очень красноречиво промолчать. Она лишь сделала крошечный глоток из своего кубка.

«Кровь густеет и требует новой», - отрешённо подумала Царица, глядя на зятя. Трагическим и жестоким доказательством этой истины послужила судьба матери Асгетт - Башши, чья жизнь оборвалась при родах. Это стало невиданным, оглушительным горем для их рода. Башши с самого начала знала, чем всё закончится. Два огненных рода, разница между которыми крылась лишь в ярости их пламени. Две древние силы, что сплелись воедино - и этим неистовым жаром дотла выжгли жизнь из той, что взрастила их общий плод. Дар провидения ясно показал ей грядущую смерть, но она всё равно зачала это дитя, упрямо пойдя наперекор воле самой Виссы.

Царица понимала: раз её дочь осознанно пошла на такую жертву, значит, так было пред-
решено самим Древом. Иблис никогда не дарил подобную силу просто так. Это было одновременно величайшим благословением и страшным проклятием.

Проклятием стала безвременная потеря обожаемого дитя. Даром - рождение внучки. Воистину, за всю историю в этих землях ещё не пробуждалось такой силы. Такова была непомерная цена её появления. Дети и так даровались потомкам Иблиса в муках. И чем дольше девицы противились продолжению рода, продолжая ждать столетиями лучшей табуретки, чтобы поудобней присесть - тем более кровавую дань они после платили за потомство. Царица больше не собиралась платить эту цену, и уж тем более не желала подобной участи для своей любимицы.

Но наследница доводила до раздражения, до желания схватить её за плечи и развернуть к зеркалу: смотри же, дурочка, какое оружие тебе выдали боги.

Но юное дарование, разумеется, гнушалась собственного дара. Её взгляд скользил сквозь шелка, ленты, парадные украшения и чужие восторги - она выискивала любые намёки на очередную беду, в которую можно было влезть с головой. Митэя же, её старшая внучка, в этом плане была куда умнее.

Она прекрасно знала цену своей силе. Знала, как чуть склонить голову, чтобы серьги поймали свет. Как улыбнуться не слишком широко, но достаточно, чтобы молодой воин забыл, зачем пришёл. Как позволить ресницам опуститься на миг дольше положенного, как говорить тихо - так, чтобы мужчины сами наклонялись ближе и потом считали это собственной идеей.

Эта сила, по мнению Митэи, была не даром. Дар - это то, что можно растратить по глупости. Это был инструмент. Монета, которую принимали в любом зале, у любых ворот и почти в любой постели. И если уж судьба вручила тебе такое богатство, следовало тратить его как подобает.

Она бросила последний взгляд на внуку, поправила складку на рукаве и улыбнулась - мягко, почти по-матерински.

- Я всё подготовила, ступай. Взрослые ещё немного поговорят о делах.

Это она сделала с удовольствием. Асгетт поднялась и, нарушая воцарившуюся в зале тишину, мерно зашагала к выходу. Тяжёлые двери беззвучно сомкнулись за её спиной.

В прохладных коридорах дворца пахло вечерней свежестью и едва уловимым, кисловатым ароматом Великого Древа.

Желания присутствовать на песнопении не было, а перспектива дышать одним воздухом с высокородными иноземцами вызывала искреннее отвращение. Но вот притворяться дикаркой из Павиры уже звучало интересно. Почти родственники, если подумать.

Может быть, тот жнец из Ям тоже будет присутствовать там? Его зад ей уж точно приглянулся, главное - перстень не забыть с собой прихватить.

Она коротко встряхнула головой, прогоняя пустые, неуместные мысли. Время для игр ещё придёт.

Пора выполнять свой долг, принцесса.

Глава 4

Пространственные переходы ордена Хранителей работали безупречно.

Без вспышек, без грохота, без торжественных завихрений воздуха, которыми так любили хвастаться маги помельче. Они размыкали саму ткань мироздания - тонко, аккуратно, почти вежливо, словно отодвигали перед гостем тяжёлый полог.

Ещё секунду назад над головой шумела раскидистая крона Великого Древа, а в следующее мгновение в лицо уже дохнуло вековой прохладой пантеона.

Холод здесь был особенный. Не зимний и не подземный - храмовый. Настоянный на камне, благовониях, старом золоте и тысячах молитв, которые веками впитывались в стены.

Асгетт невольно задержала дыхание.

Перед ней раскрывался главный зал священных чертогов: высокий, строгий. Колонны уходили вверх так далеко, что терялись в сумрачной голубизне сводов. Между ними висели длинные полотнища с вышитыми символами древних богов - неяркие, выцветшие от времени, но оттого лишь более весомые. Под ногами тянулся пол, испещрённый тонкими прожилками серебра; в этих линиях угадывались то корни, то реки, то трещины на старой карте мира.

Другим властителям, чтобы попасть на Великий Совет, приходилось проделывать путь куда менее изящный. Они стягивали войска к границам, выслушивали оскорбительно вежливые расспросы на контрольных рубежах, исходили желчью перед закрытыми заставами и, сжав зубы, ждали высочайшего позволения Хранителей на активацию сложной системы переходов. Их послы мерзли в пограничных павильонах, их маги спорили с храмовыми писцами о печатях и допусках, их воины бряцали оружием ровно до тех пор, пока не вспоминали, что на землях храма Мира даже цари обязаны говорить тише.

Но для Венца из Пяти Ветвей эти законы не писались.

Венец не просил дороги - ему её открывали. Не потому, что боялись. Во всяком случае, не только поэтому.

Отношения между дочерьми Иблиса и Хранителями храма издавна были тёплыми, почти родственными; настолько древними, что никто уже не помнил, где в них заканчивалась дипломатия и начиналась кровь или клятва.

Их связывали старые войны, забытые договоры и имена богов, которые в разных землях произносили по-разному, но всё равно узнавали с первого звука.

Как и всякая, коей предстоит носить сан Асеки Иблис бен Касарит, Астетт уже посещала эти священные чертоги раньше.

В детстве - чтобы склонить голову там, где требовал обычай. Позже - чтобы проявить должное уважение к древним богам храма, которые, если говорить прямо, были её богами.

Тут они были не главными. Не первыми. Не теми, чьи имена произносили в доме перед рождением, смертью и войной. Тут её боги были лишь тенью. Но всё же достаточно почитаемыми, чтобы не отворачиваться от их алтарей.

Древо Иблис - божество жизни и душ, что однажды расцветут вновь. Его ветви держали над миром золотой свод, его огнево густой смолой текло в крови потомков, а его цветы раскрывались там, где душа была готова вернуться.

Не той же самой - нет, такие глупости оставляли храмовым утешителям, - но очищенной, перемолотой временем, обретшей новый корень, новое имя, новую плоть.

А под Древом, в темноте, куда не доставал ни солнечный свет, ни милосердие молитв, уходили корни Касарита.

Касарит был богом смерти. Не величественным. Его ядовитые корни держали тех, кто уже никогда не возродится: души предателей, душегубов, клятвопреступников и тех несчастных, чья сущность истончилась настолько, что новый цветок из неё уже не мог подняться.

Там, в чёрной глубине, смерть не карала и не прощала. Она удерживала.

И в этом, пожалуй, заключалась вся суть веры Иблис бен Касарит: жизнь не отрицала смерть, а смерть не враждовала с жизнью. Древо тянулось вверх только потому, что корни уходили вниз. Цветение было возможно лишь потому, что под ним лежала тьма, принимающая всё, чему больше нельзя возвращаться.

Хранители же, как и вся Трита, молились сёстрам-богиням - Ведающей и Карающей. Одной, что знала сокровенное и помнила забытое. Другой, что приходила следом, когда знание уже не могло спасти. Они верили истово и без тени сомнения: в их жилах течёт кровь этих богинь, и сами они - прямые их потомки.

В храме их имена произносили с благоговением. В Трите - с голодной, фанатичной преданностью.

Но истина лежала гораздо глубже: сёстры не стояли над Древом и не были богинями в том смысле, в каком их привыкли величать. Они сами были детьми Древа - его порождением, волей и кровью.

Вернее сказать - дочери Иблиса и были ими.

Не избранницами. Не отражениями божественной воли. А её живым продолжением - плотью от плоти Древа, памятью его и судом его.

Хранители же, как и все иные, обитавшие за пределами пустошей, были травой, взошедшей на почве, вскормленной под тенью Иблиса.

Увы - большая часть этой травы давно обратилась сорной: растущей вдали, жадной до света, но утратившей память о корне.

Народы Венца, напротив, были ветвями и листьями, густо усеявшими могучую крону. А стволом, держащим всё это величие, оставалась сама царица.

И даже если великое Древо однажды начнёт умирать, гниющие листья без остатка отдадут свою силу ветвям, а ветви - исполинскому стволу. Но если и он обратится в труху, в самой глубине, под надежной защитой древних корней, уцелеет один крошечный росток. И даже на мертвой, выжженной дотла земле он когда-нибудь обязательно взойдёт.

У каждого своё место.

И потому, входя под своды храма Мира, Асгетт всегда склоняла голову безупречно низко. Почти достаточно, чтобы скрыть усмешку.

Здесь молились её богам.

И, в некотором смысле, ей самой.

Но всё же каждый раз, ступая в святилище, она чувствовала одно и то же: раздражающее, почти детское желание выпрямиться, поправить рукава и не дышать слишком громко.

Эти стены умели напоминать даже самым гордым, что до них здесь уже молились, предавали, клялись и прощали.

И будут делать это ещё долго после того, как очередной Великий Совет превратится в пару сухих строк в храмовой летописи.

Невыносимо долгая ночная молитва закончилась лишь на рассвете, но оказаться в своих покоях Асгетт удалось далеко не сразу.

Лишь ближе к полудню, когда храмовый комплекс окончательно ожил, Хранители лично провели принцессу через тайные переходы. Они намеренно миновали общие залы и галереи - те места, где высокородным гостям полагалось чинно сталкиваться друг с другом под прищмотром десятка лишних глаз.

Её разместили в самых роскошных покоях, скрытых от посторонних и утопающих в прохладе белого камня, шёлке, золоте и благовонном полумраке.

До официального начала Совета оставался один день, и девица могла бы наслаждаться всеми благами храма Мира в абсолютном уединении.

Если бы, конечно, не один наглый спутник.

Божество увязалось за ней вопреки всем правилам приличия, здравого смысла и, вероятно, сразу нескольким священным запретам. Он счёл забавным прийти в храм, где молились ему и его детям, - и теперь развлекался тем, что с видом оскорблённого гостя находил недостатки буквально во всём.

- Вино разбавлено, мясо пережарено, а от ароматических масел в этих чашах у меня разовьётся чесотка, - пожаловался он, ковыряя когтем дорогую резьбу на стене. - В касаритовых реках грязь и то была душевнее.

Асгетт скользнула взглядом по блюдам.

Насчёт мяса она была полностью согласна. Принцесса предпочитала, чтобы оно ещё немного бегало по тарелке - или хотя бы убедительно делало вид, что недавно могло. Эту пересушенную подошву есть было попросту невозможно. Благо, еда им требовалась не так уж часто.

Бог тем временем поддел крошечный завиток резьбы, отколол его с тихим хрустом и задумчиво рассмотрел.

- И кто это делал? - спросил он с искренним отвращением. - У мастера были руки или храмовые обеты запрещают пользоваться пальцами?

- Потерпи. Скоро придут имперцы. Выберешь себе кого-нибудь пожирнее и успокоишься, - Асгетт, стоявшая перед огромной кроватью, устало вздохнула.

Перед ней, на бархатной подставке, уже покоилась ритуальная маска - тяжёлая, глухая, полностью скрывающая лицо. Тёмный металл почти не отражал света, лишь тускло ловил дрожание свечей по краям. Узкие прорезы для глаз казались слишком строгими, а внутренняя сторона пахла старой кожей.

Древний, нерушимый закон был прост: до официального объявления Великого Совета, все без исключения правители, князья, наследники и свита обязаны были носить закрытые одеяния и маски.

Никаких лиц, гербов, родовых цветов, узнаваемых украшений. Никто не имел права знать, кто именно проходит мимо него по коридорам дворца, молится в соседней нише или стоит за спиной у окна.

Лишь во время ритуала всё становилось явным.

Маски клали на длинный стол в середине зала, одну за другой, и только тогда властители называли свои имена, земли и регалии. До этого мгновения в храме существовали не личности, а тени будущих переговоров - равные, безликие и, как надеялись Хранители, достаточно сдержанные, чтобы не вцепиться друг другу в горло раньше времени.

Служители говорили, что этот обычай учил смирению.

Принцесса же полагала, что причина была куда проще: так храм избегал кровной мести, случайных дуэлей и драк ещё до того, как властители успевали сесть за стол переговоров. Под маской можно было пройти плечом к плечу с врагом своего дома - и узнать об этом лишь тогда, когда убивать его становилось уже крайне невежливо.

Времени в запасе оставалось достаточно, и Асгетт решила посетить купальни.

Ей жизненно необходимо было охладиться: едва она увидела, какие именно вещи царица велела собрать ей в дорогу, по телу тут же разлилось обжигающее пламя.

Она всерьёз обдумывала возможность ходить вовсе без одежды. В этом, по крайней мере, было бы больше честности, потому что от присланных тряпок не было ровным счётом никакого толка.

Одеяния, бережно уложенные в дорожные сундуки, были сотканы из тончайшей, невесомой и пугающе прозрачной белой ткани. На первый взгляд - храмовая скромность, чистота, благочестие. На второй - издевательство, достойное царицы.

Свободные рукава, струящиеся юбки, умопомрачительно глубокие вырезы и неприлично высокие боковые разрезы, оголяющие бёдра при каждом шаге, - эти платья почти ничего не скрывали. Ткань льнула к телу от малейшего движения, подчёркивала изгибы, ловила свет и становилась ещё прозрачнее там, где приличие требовало хотя бы капли милосердия.

Асгетт мрачно посмотрела на одно из платьев, зажатое в пальцах. Если закон храма Мира предписывал носить закрытые одеяния, то царица, очевидно, решила истолковать это требование как можно более творчески. Формально ткань присутствовала. Практической пользы от неё не было никакой.

Она слишком хорошо разгадала затею. Коварная бабка, признававшая только собственные законы, явно рассчитывала, что в таком виде её внучка станет главным развлечением дальних коридоров храма.

Если её там не пустят по кругу, то точно будут провожать взглядами и мысленно раздевать, хотя царица и без того почти избавила всех от лишней работы.

Одна из служительниц, Вита'е Арбрис, сжалилась и даровала несчастной собственный ритуальный плащ с капюшоном - плотный, грубый, грязно-соломенного цвета.

Из всего этого безобразия он стал единственной вещью, которую Асгетт готова была признать пригодной для жизни.

Платья же она продолжала перебирать с таким выражением лица, будто царица прислала ей не дорожные одеяния, а личное оскорбление, заботливо сложенное в сундуки.

- Поганая бабка! - яростно прошипела Асгетт, отбрасывая в сторону очередную тонкую тряпку.

Белая ткань невинно вспорхнула в воздухе, скользнула по краю ложа и осела на пол почти прозрачным облаком.

- Не поганая бабка, а Асеки... - начал Бог Касарит, развалившийся на диване с видом существа, которому чужой гнев заменял хорошее вино.

Он улыбался во весь рот - широко и совершенно счастливо.

- Я так и сказала, - отрезала Асгетт, даже не повернувшись.

Она ещё несколько мгновений смотрела на содержимое сундука, будто пыталась взглядом поджечь эти жалкие лоскуты вместе с замыслом бабки, а затем резко перевела глаза на божество.

- Ты можешь её сожрать?

- Могу, - божество заинтересованно приподняло голову. - Костлявая, правда... Но если очень сильно желаешь...

- Желаю.

Схватив ритуальную маску и накинув на голое тело шёлковый халат, который просвечивал на свету как решето и, разумеется, был белым, Асгетт взглянула в зеркало.

Свободная, струящаяся ткань молочным туманом легла на её плечи. Глубокий вырез едва прикрывал грудь, а очертания её наготы проступали сквозь шёлк так отчётливо, будто царица лично позаботилась и об этой мелочи.

Даже наброшенный сверху грубый плащ не спасал положение: полы халата при каждом шаге издевательски скользили по телу, заставляя рычать от досады.

Едва она переступила порог, служительницы храма вызвались проводить принцессу до самых дверей и настойчиво, с приторными улыбками принялись зазывать на сегодняшнюю вечернюю молитву. Асгетт отнекивалась всеми правдами и неправдами.

Наконец избавившись от настырных провожатых, она с облегчением выдохнула, твёрдо решив, что просидит в воде до тех пор, пока не покроется чешуёй или не превратится в жабу - лишь бы её больше никто не трогал.

Купальни встретили благословенной прохладой. Огромные чаши из белоснежного мрамора были до краёв наполнены чистейшей водой, над которой поднимался едва заметный пар, пахнувший диким лотосом и мятой.

С тихим стуком опустив маску на бортик, сбросив плащ и ненавистное просвечивающее одеяние, Асгетт плавно скользнула в воду. Холод сомкнулся вокруг тела мягко и властно, забираясь под кожу. Запрокинув голову, она закрыла глаза и почувствовала, как отступает раздражение, уступая место покою.

Кажется, прошла целая вечность, и вокруг заметно стемнело, когда она решила наконец выбраться - или, скорее, не очень грациозно выползти - из чаши. Освежающий, резкий запах мяты намертво впитался в её кожу и волосы.

Коротко выжав тяжёлые пряди, Асгетт накинула прямо на влажное тело длинный халат и небрежно завязала его узлом на талии. Но едва она, потянувшись за маской, замерла - прямо за её спиной неожиданно раздался тихий голос.

- Здравствуй, дитя.

Асгетт резко обернулась.

«Это всё потому, что ты мало молишься, бесстыдница», - ехидно пропел внутренний голос.

Он прозрачно намекал, что отбить колени на нудной ночной молитве сейчас было бы настоящим спасением, а не наказанием.

Высокая фигура в серой мантии стояла и преграждала дверь.

- Что за юное, прекрасное создание? - гостя стояла на месте, не делая попыток приблизиться. - Интересно, чья же это кровь?

- Лиха лесного, - нагло отрезала Асгетт.

Ей сейчас хотелось бежать, как перепуганной горной козе, оставляя за собой характерный след, но гордость и остатки здравого смысла удержали её на месте.

Ну конечно. Тени Первозданных.

Кто же ещё.

Она никогда не видела их воочию. Эти святые признавали только собственные храмы и обычно по чужим обителям не шлялись, зато наслышана о них Асгетт была достаточно. О белоснежной, как мел, коже, словно каждая из этих дев вылеплена из воска; о полупрозрачных, выцветших зрачках, в которых давно остыл любой огонь желания. Их голоса - хрупкие, шуршащие - напоминали сухой вереск, скользящий по столетней бумаге.

И главное - они умели смотреть на свежую кровь так, будто в тёмной влаге уже читали выписанный судом приговор: сколько осталось ударов сердца, сколько вдохов, на какую чашу склонится чья-то жизнь.

Пиявки.

У неё на них будто имелась врождённая непереносимость. Она чуть склонила голову, изображая почтение настолько оскорбительно, насколько могла.

Накинув маску безразличия, она чуть вскинула подбородок и заговорила, намеренно растягивая слова:

- Неужто это сама тени? Те, что по собственной воле пришли в здешнее место греха, а нерушимой верой своей до краёв наполнили эту недостойную обитель? Чем же заслужено подобное благословение?

Она сделала паузу, чувствуя, как бешено колотится сердце, и хлёстко добавила:

- Что вы вообще тут делаете? Заблудились?

- Великий Совет обязывает присутствовать всех, - раздался скрипучий голос другой женщины, явно старше первой.

Она медленно, с величавой неторопливостью выступила не пойми откуда, будто сама тень арки сгустилась и обрела плоть.

Её мантия была чёрной. Высший сан теней - Раа'си Ра'ми.

- Чудо, не иначе, - издевательски протянула Асгетт и всплеснула руками, ничуть не заботясь о том, что халат при этом опасно съехал с плеча и едва не позволил её груди лично поприветствовать святых. - Нужно немедленно вписать столь великое событие в золотые трактаты. Помните, у служительниц Вита'е Арбрис есть целых четыре свободных часа в сутках. К чему им праздный сон? Теперь они могут с пользой потратить ночные часы на молитву, восхваляя поистине знаменательный день.

- Каков нрав, - голос Раа'си Ра'ми проникал в самые потаённые уголки купален. - Неудивительно, ведь невиданный прежде союз, словно боевой клич, течёт в этих жилах. Великие дома так любят бахвалиться своей родословной, но по сравнению с этим густым вином их кровь - лишь подкрашенная, разбавленная вода.

Она медленно принюхалась к замершему воздуху.

- Кисло-сладкий яд, упрямство могучих ветров и, полагаю, сами богини, которые крепко вплели свои хитрые нити в это наследство. Очень опасная смесь. Но это лишь растёкшиеся капли, застывшие внутри гравировок на лезвии. Сам же клинок выкован совсем из иного материала - его основа скрыта в тонком стане.

Женщина сделала плавный шаг и её чёрный подол зашуршал по мрамору. Она улыбнулась, едва заметно - не губами, а голосом.

- Основа - в своенравии и мятежном характере. А на дне глаз, что словно омут затягивают, неоспоримым правом повелевать всем, на что упадёт взгляд, таится само дикое огнево, что есть сердцевина. И горит это пламя не маленьким костром, а неукротимым лесным пожаром.

Она склонила голову - медленно, с пугающе безупречной учтивостью.

- Приветствуем. Для нас честь.

На губах Асгетт расцвела острая улыбка.

- А вы проникательнее, чем кажется на первый взгляд, - протянула она, окинув чёрную фигуру медным взглядом. - Неужто в ваших краях ещё осталась истинная сталь, а не только тупое, негодное железо?

Раа'си Ра'ми тихо усмехнулась. В этом звуке не было обиды - лишь признание удара.

- Как ни прискорбно это признавать, очень мало. Оттого она и столь ценна. Но смею заметить, ваш кузнец куёт непревзойденно.

- Чтобы стать по-настоящему хорошим клинком, наша сталь сама выбирает мастера, что приложится к ней, - ответила Асгетт.

- Сталь воистину превосходна, и не наглядеться, сколько ни любуйся, - продолжала Раа'си Ра'ми. - Сталь, что не принимает удары, а наносит их первой. Как, впрочем, недурна и наша сталь, что не боится ни сколов, ни сокрушительных ударов. Та самая, первозданная сталь, которую всё ещё можно отыскать среди дрянных клинков.

Асгетт начала в ускоренном порядке воскрешать в памяти все уроки тётки по словесному фехтованию:

- Ваши клинки - это множественность тел при единстве идеи, лишенной творца. Ибо вложена в это оружие лишь одна, пусть и прочная, но бездушная сталь. Словно отражение одного в бесконечности многих, они не имеют ни изящества формы, ни удобства рукояти.

Какой клинок ни возьми, он заставит плечо ныть от непослушания, а твердая рукоять оставит лишь кровавые мозоли. Так к чему же девичьей ладони оружие, что не принесёт удовольствия?

В повисшей тишине шорох ткани прозвучал неожиданно резко.

- Девичья ладонь попросту ещё не знала столь грубой силы, - женщина в сером, что до этого безмолвно стояла у двери, начала медленно подходить ближе. - Ей неизвестно, как свыкнуться с тяжестью такой стали, ибо это придёт лишь с опытом. А отсутствие драгоценных камней и мягкой кожи на рукояти просто не радует взор, что наверняка привык к «изысканной» красоте.

Принцесса медленно, выдерживая дистанцию, стала обходить массивную мраморную чашу по кругу.

Её тихие шаги эхом отражались от каменных стен, пока она старалась оказаться как можно дальше от двух неотступных святых. Девушка искоса поглядывала на воду в купели, подумывая о том, чтобы попросту в ней утопиться - лишь бы избежать продолжения этого разговора.

- Девичья ладонь предпочитает оружие, что ляжет продолжением руки, словно верный союзник, а не мучительным бременем, с которым нужно через силу свыкаться. - лениво парировала Асгетт.

Она небрежно повела плечом, всем своим видом демонстрируя смертельную скуку, пока мокрый халат предательски прилип к спине, смазывая весь эффект высокомерия.

- Как отратно, что этот мир всё ещё полнится сталью. Уверена, вам уже совсем скоро начнут настойчиво предлагать все эти... изящные, маленькие и тонкие стилеты, что, несомненно, идеально подойдут под столь крохотную девичью руку, радуя её послушанием и лаская ладонь. Даже швы в устье ножен не растянут. Тут явно нужно что-то побольше. - тень Первозданных явно потешалась. - Так утолите же наше любопытство. Какой клинок в союзе с вашей рукой принёс бы вам удовольствие?

- Вы мне начинаете нравиться. Но моя рука не планирует размышлять о подобных союзах ещё десятки лет, ибо с удовольствием она пока вполне неплохо справляется сама. И вам размышлять об этом, право, не стоит. - ответила Асгетт с самым невозмутимым видом.

Параллельно она лихорадочно пыталась сообразить, что ближе: дверь или окно, в которое можно было бы выйти с минимальным ущербом для достоинства и халата.

Хотя, да боги с ним, с тем халатом. И с достоинством тоже.

Просто выйти. Немедленно.

- Даже наш суровый клинок можно обучить искусству приносить не только боль, но и удовольствие. В тёплой девичьей руке он смог бы стать немного податливее, послушней... - женщина в серых одеяниях шла за ней по кругу, нарочито медленно сокращая дистанцию.

Запутанность уверток в речах уже пробила свод и уверенно стремилась к небесам.

Асгетт остановилась, вздохнула и смерила собеседницу откровенно скептическим взглядом:

- Позвольте поинтересоваться, а за всю историю мироздания хоть один ваш клинок стал немного податливее и послушней в тёплых руках ваших девиц?

- Нет, увы. Девичьих рук-то у нас... почти и не осталось, - притворно вздохнула тень Первозданных, ни на секунду не выходя из образа, - Да и клинки предпочитают рукам лишь девичьи ножны, в которых они твердеют. Но вот в ваших руках... Но ежели пожелаете ощутить эту истинную твёрдость стали, и вы вольны вставить клинок в свои ножны.

- Как бы ножны от удовольствия по швам не пошли. - «ну вот, заразилась.» - пронеслось в девичьей голове.

Асгетт неожиданно для самой себя начала получать извращенное удовольствие от этого странного диалога. Паника окончательно испарилась, уступив место азарту.

- Ножны растянутся, со временем. По размеру того клинка, что в них войдёт. Нужно лишь немного смирения, за ним всегда следует награда. - тень Первозданных произнесла это с таким непроницаемо-благочестивым видом, будто зачитывала выдержку из священного писания.

- Поверю на слово. Ах, госпожа, как умело вы направляете скромные девичьи мысли в сторону греховных помыслов, - Асгетт издевательски приложила ладонь к груди, изображая крайнюю степень смущения. - Как же приятно встретить того, кто способен доставить удовольствие не только своим большим клинком, но и правильно подвешенным языком. Редчайшее умение для обделенных такими талантами краёв. Надеюсь, вы передали этот дар своим потомкам?

Она выдержала паузу, наслаждаясь произведенным эффектом:

-И как же отратно, что великие мастера всё ещё делают поистине подходящие и смиренные для этой стали саркофаги. По размеру. Даже растягивать не придётся, ибо изначально они рождены принимать эти большие клинки во всю их грозную длину. Так пусть же они там и хранятся. Желательно - никогда оттуда не вылезая.

- К чему ей оружие, когда она способна сечь словом. - с хриплым смешком подала голос Раа'си Ра'ми.

- Хоть смирением предки её и обделили, благоразумно отдав всё нам, но вот непокорного огня влили с избытком. Спасибо, что уделили нам время. - тихо и с явным удовольствием подытожила тень Первозданных, плавно склонив голову.

- Я бы вам поклонилась, да прошу простить, спина болит после долгой ночной молитвы, - Асгетт наконец дошла до дверей, оборачиваясь к ним в последний раз. - Боюсь, соверши я такой поклон, назад меня не сможет разогнуть ни один великий клинок, даже если он весьма стремительно войдёт в мои ножны. Госпожи.

Маску и плащ, заблаговременно подхваченные, она натягивала прямо на ходу, выпорхнув из купален так стремительно, словно шальная муха, что долго билась о стекло и наконец-то нашла открытые ставни.

«Иди и молись. Сию же секунду.» - билась в голове единственная здравая мысль, пока Асгетт неслась по темным коридорам.

И молиться желательно до самого начала Великого совета. Исключительно на коленях и ни в коем случае не поднимая головы.

Глава 5

Отрезвление пришло вместе с прохладой дальних галерей. На ходу затягивая завязки плаща, Асгетт замедлила шаг.

Она направилась к молитвенному залу по полутёмным переходам, искусно обходя шумные компании прибывших гостей Храма.

Окутанные полумраком залы кишели фигурами в закрытых личинах. Чужаки сбивались в тесные стайки, чтобы неумолкая сплетничать и делиться первыми впечатлениями от съезда.

Прошмыгнув мимо очередной кучки высокородных дев, Асгетт за эти недолгие секунды узнала столько важных тайн, что едва сдержала едкий смешок под своей непроницаемой маской.

Из их шушуканья она в деталях выяснила, как выглядят и какие анатомические особенности скрывают у себя в штанах молодые наследники запредельных земель, какие из заграничных принцесс считаются первыми красавицами, у какой из них грудь висит ниже второй, и ещё множество абсолютно бесполезных, глупых мелочей чужой жизни.

«Им бы с теньями Первозданных пообщаться, они им такого понарасказывают», - мысленно хмыкнула Асгетт.

Свернув с главного маршрута, принцесса углубилась в дальний конец храмового комплекса. Здесь, в пыльном полумраке глухих коридоров, не было ни единой живой души - по крайней мере, по её мнению.

Она двигалась совершенно бесшумно, лишь влажная ткань халата под плащом едва слышно шелестела, то и дело распахиваясь при каждом шаге.

Из темноты за спиной донеслось:

- Служанка.

В другой ситуации Асгетт бы и ухом не повела, проигнорировав оклик. Но прислуги в этих чертогах отродясь не водилось - храм обслуживали исключительно служительницы Вита'е Арбрис и орден Хранителей. Ей стало уж очень любопытно, какая ещё, к иблисовой матери, служанка ухитрилась тут нарисоваться.

- За мной, - говор был неприятный, привыкший повелевать.

Крупный мужчина сделал шаг вперёд, уставившись на неё сквозь прорези своей маски. Он явно обращался именно к ней.

Асгетт на всякий случай оглянулась через плечо. «Он что, пошутил?»

- Ты, - громила раздраженно рявкнул, нарушая гробовую тишину коридора. - Видишь здесь кого-то ещё?

Озадаченно проморгавшись, она рассматривала массивную тушу наглеца. В его облике крылось что-то неправильное, и это «что-то» выходило далеко за рамки обычной невоспитанности.

Асгетт в очередной раз прокляла свое неумное любопытство - и в очередной раз перед ним капитулировала. Ладно, служанка так служанка. В такие игры она ещё не играла.

Шагнуть в неизвестность оказалось делом пары мгновений - идти пришлось недалеко. Когда массивные двери за её спиной с глухим стуком захлопнулись на тяжёлый засов, а дорогу назад моментально перегородили двое рослых мужчин в закрытых наглухо одеяниях, Асгетт даже бровью не повела под своей маской.

Лишь сухо и ёмко подытожила у себя в голове: «Дерьмо. Вот и помолилась».

Глядя на женщину, склонившуюся у ног развалившегося на диване внушительного мужчины в самом конце тёмного зала, Асгетт уже мысленно присоединялась к этой неистовой молитве. И делать это она будет усердно, до самого начала Великого Совета исключительно на коленях и ни в коем случае не поднимая головы.

Вот только под этим таинством она как будто бы имела в виду нечто совсем иное.

В обособленном от посторонних глаз зале стоял удушливый, тошнотворный смрад. Запах дорогого хмеля мешался здесь с тяжёлыми испарениями пота. На глубоких, обитых тёмной кожей диванах вальяжно расположились гости из чужих земель со скрытыми лицами.

Судя по надменному поведению, Асгетт имела сомнительную честь созерцать элиту какого-то знатного рода. Наплевав на нерушимые каноны, половина этих ублюдков уже предалась разврату.

Прямо на низком длинном столе из резного камня, что стоял посередине зала, трое пьяных высокородных господ остервенело, со звериным хрипом овладевали какой-то девицей.

Та не сопротивлялась, но и удовольствия явно не получала - лишь тихо хныкала под одобрительный гогот собравшихся.

Цена праздно созерцал происходящий хаос, пока какая-то шлюха покорно доставляла ему удовольствие, судорожно вцепившись пальцами в его колени. Из-под тёмной маски на вошедшее прямо сейчас свежее мясо взирали красные, скучающие глаза.

Наследник Каменной Долины сделал едва заметный жест рукой.

- Пусть развлечёт нас, - обратился он к подвластному воину. - Эти уже поднадоели.

Прикидываться душой Асгетт искренне любила - а может и являлась ей, поди разбери. С дурочек в этом мире спрос меньше. Поэтому она изо всех сил старалась сохранить самообладание.

Этот низкий, скрежещущий голос она узнала сразу. Жнец из Ям. Ей сегодня везло, как никогда в жизни. Осталось только о саму Бездну споткнуться, чтобы уже наверняка.

Жест ладони, обтянутой чёрной кожей, заставил тело марионетки прийти в движение. Воин, что привёл девушку, подошёл и одним движением расстегнул её плащ - ткань тихо сползла на пол. А в следующий миг он грубо схватил её за горло и швырнул на столешницу. Словно прорезая пространство, он тут же навис сверху, прижимая пленницу спиной к холодному камню.

Раздались мерзкие смешки - голодные глаза собравшихся, скрытые под литым металлом, жаждали зрелища.

Что-то эта игра переставала быть забавной. Проклина в душе себя и бабку с её прозрачными тряпками, Асгетт пыталась понять, что ей делать.

Начать орать как умалишённая? Сквозь массивные двери её никто не услышит.

Позволить себя опорочить? Ну нет, на такое она не подписывалась.

Наплевать на все запреты, разозлиться как следует и попросту поджечь тут всё? Была вероятность спалить за компанию половину святилища. Вместе с гостями - со всеми высокородными гостями! - и служителями.

Когда тяжёлая, покрытая жёсткими мозолями ладонь громилы бесцеремонно скользнула под тонкий, струящийся шёлк халата, Асгетт обдало удушливой волной брезгливости.

Злость всё же хлынула по венам раскалённой лавой, мгновенно выжигая остатки контроля. Этот первобытный порыв вмиг смел всё лишнее, расплавил сомнения, и в висках запульсировала кристально чистая мысль.

Она грохотала знакомым, скорым на расправу отцовским голосом:

«Вот видишь, как замечательно! Все померли - и никаких проблем».

И тут же поверх этого гула скользнула вторая мысль. Остужающая. Зазвучавшая мягким тоном любимого дяди:

«Ты - клинок в бархатных ножнах, девочка. Не хочешь пачкать лезвие - бей плашмя».

Нельзя из-за гнева выпускать то, что таится в ней. Для этой публики у неё припасено кое-что другое.

Из её горла, вибрируя от сдерживаемой силы, вырвался первый звук. С губ слетел напев - тихий, зловещий, балансирующий на грани глухого, утробного рыка.

Слово в слово, как когда-то учила матушка Кула:

Черной реченьки вода

И темна, и глубока

Унесло тебя течение

Далеко от берега...

Громила замер. Правда, Асгетт рассчитывала на куда более впечатляющий исход - как минимум на конвульсии или кровавую пену у рта.

Окружающие притихли, отрываясь от своих непотребств. Цина сидел неподвижно, но едва ли теперь испытывал удовольствие: что-то неприятно, словно когтями, проскреблось в его черепе. Служанка... она что-то сделала.

Воспользовавшись секундной заминкой, Асгетт приподнялась на локтях и резким движением сорвала маску с ублюдка.

Белки его глаз полностью затопил густой, маслянисто-чёрный туман, напрочь стирая зрачки. Вот оно что. В чужой плоти уже прочно обосновалась знакомая паскуда - этот жнец в любой бочке затычка.

- Мечта, а не вечер. Всё в точности как отец и пророчил. - прошептала Асгетт.

Пухлые губы дрогнули и растянулись в оскал. Она сняла свою маску, отбросив её на стол, сделала глубокий вдох и запела вновь.

Её голос набрал чудовищную силу - сам воздух в комнате зазвенел, наливаясь давящим, осязаемым гулом.

Бездонный яд в её глазах

Лунный сад на сияющей коже

Шепчут губы не уходи

Прильни головой к моей груди...

Освобождённый гипнотический взгляд мгновенно пригвоздил марионетку к месту, окончательно подчиняя тело власти её глаз.

Астгетт зарылась пальцами в жёсткие, сальные волосы на затылке воина, ощутив всю тяжесть его покорно склонившейся головы. Она продолжала петь баюкающим полушёпотом, в котором сквозила опасная нежность:

В сладкий сон он уйдет без следа

О супруге забыв навсегда

Холод пальцев ее как лед

Поцелуй искушение и мёд...

Подавшись вперёд, она навалилась на воина всем телом. Яростно припав к чужим губам, силой заставила его колени подогнуться. Громила тяжело, словно набитая песком тряпичная кукла, осел на холодные плиты пола, увлекая Асгетт за собой.

Этот поцелуй не имел ничего общего с нежностью - целовалась она неумело. Её учили совсем иному искусству: ласкать чужой слух сладкими речами, а не дарить ласки чужим устам.

Физический контакт был лишь мостом. Настоящая битва развернулась внутри.

Что Асгетт действительно хорошо умела, так это перекраивать чужой разум, наводя там собственный порядок. В глубине этого сознания магия жнеца мгновенно ошетинилась в ответ, сопротивляясь вторжению.

Две чуждые, несоизмеримые силы столкнулись в безмолвном поединке, но исход был предreshён: в этой голове мог остаться только один победитель.

Опустошенная оболочка окончательно обмякла. Массивное тело с глухим стуком рухнуло на пол, а остекленевший взор уставился в потолок.

В этот же миг по залу прокатилась волна судорог. Высокородная шваль разом задержалась, хрипя и отчаянно пытаясь вернуть рассудок. Каково это - чувствовать, как внутри черепной коробки закипает и плавится собственный мозг, превращая связанные мысли, гордыню и воспоминания в серую кашу?

Цена резко мотнул головой. Сука не просто вышвырнула его из тела марионетки, а нагло забила острые раскалённые иглы прямо в его разум. Прошедшая минута казалась целой вечностью, а каждое мгновение отзывалось в висках тяжёлым пульсирующим молотом.

Затуманенным взором он прошелся по залу. Имперская свита и привезенные ими кур-тизанки, словно разом прибитые обухом по голове, повалились на пол - с диванов, столов и

с постов у дверей. Все до единого. По всей видимости, подниматься сегодня они больше не планировали.

Грубым движением Цина оттолкнул обмякшую между его ног шлюху, так и не принесшую никакой пользы. Не спеша запахнув полы темного одеяния и скрыв обнаженную плоть, он начал подниматься.

Расправились широкие плечи, и грозная фигура, окутанная осязаемыми тёмными волнами поднимающегося гнева, начала стремительно заполнять собой всё пространство.

Но в глазах всё по-прежнему плыло.

«Неплохо сходил в гости к имперцам скуку развеять, - мрачно подумал он. - Тебя разнесли на твоей же территории. Прими поражение».

Только в последнее время его слишком часто щелкали по носу в его же играх. Терпение, копившееся веками, окончательно иссякло. Плевать на правила. Эту дерзкую служанку он собирался разорвать на куски.

- А ну-ка иди сюда, - угрожающе прорычал Цина.

Асгетт нарочито медленно повернулась к жнецу, попутно скользя взглядом по помещению: сборище бесстыдно раскидалось по полу в самых нелепых позах.

«Пить меньше нужно. Как маленькие, ей-богу»

Её глаза запылали, а на губах блуждала одержимая улыбка. Молниеносным движением она выхватила стилет из ножен лежащего на полу воина, легко вскочила на стол и пошла по каменной столешнице навстречу жнецу.

Шаг за шагом, сокращая дистанцию под его почти слепым взглядом. Она ещё не закончила песню:

Он всё борется, но тонет в ней...

Она приближалась, глядя сквозь влажные, упавшие на лицо пряди волос. Её взгляд был прикован к его высокой фигуре. Тонкие пальцы медленно, ласково поглаживали шероховатую рукоять оружия.

Переступив через тело голой женщины, бесчувственно растянувшейся на столе, Асгетт раздражённо подумала: «Ну ты посмотри на него... Стоит как каменный, хоть бы пошатнулся!»

Силы, увы, не бесконечны. Нужно было подойти ближе. Ещё ближе. Прикоснуться к нему.

Голос разума кричит

Давай убей...

Плавно, словно змейка, соскользнув со стола, она приблизилась к жнецу. Упёрлась ладонью в его широкую грудь и со сконцентрированной силой толкнула назад, заставляя опуститься на мягкий диван.

Он тяжело дышал, до скрежета сжимая челюсти под маской и отчаянно борясь с волнами дурманящего наваждения, которое Асгетт непрерывно посылала в его разум.

Силён, выродок. Мысленно ругая себя за то, что так плохо постигала дар Древа, она понимала: подчинить его не удастся. В этой закалённой боями голове порядок не навести - мозги ему явно отбили ещё до неё.

«Ну ничего, и пустая голова может болеть», - эта мысль заставила ухмыльнуться.

Оседлав жнеца, Асгетт крепко сжала колени и начала нарочито медленно, дразняще двигаться. Она запустила ладонь под ткань: тонкие пальцы скользнули по шее, огладили тугие канаты вен и оттянули ворот тёмного одеяния, чтобы оголить кожу.

Цена, уже почти покорившийся непреодолимой власти её рук, которая сквозь самую кожу овладевала его волей, взвился. В нём боролись ярость и вынужденное наслаждение. Его вело, словно под узду.

Пальцы стальной хваткой впились в девичьи бёдра. Он грубо притянул служанку к себе, заставляя двигаться стремительнее и прижиматься к его паху ещё сильнее. Швы жёстких перчаток безжалостно резались в её нежную плоть, оставляя горящие красные борозды.

Асгетт лишь скривила губы, чувствуя, как поводок слабеет. Погрузив весь зал в ночной сон, она не могла справиться всего с одним засранцем. Приходилось греть себя мыслью, что жнец делал именно то, что она милостиво ему позволяла.

От досады тем временем захотелось вцепиться в его глотку. А кто, собственно, запрещает?

Песня продолжилась:

Клыки блеснули

И вонзились с болью...

В один миг Асгетт отпустила его волю, и со всей силы, по-звериному, вгрызлась в шею жнеца.

Цина утробно зарычал от неожиданной вспышки боли. Схватив эту тварь за длинные волосы, он рванул их назад, пытаясь оторвать дикарку от себя, но та присосалась намертво. Казалось, эта безумная планировала сожрать его заживо, упиваясь вкусом холодной крови.

Сполна наигравшись этим насилием, Асгетт наконец перестала терзать израненную плоть и приставила к горлу жнеца стилет. На её губах остался металлический привкус, а по татуированной шее пленённого мужчины медленно потекла багровая струйка, исчезая под воротом тёмного одеяния. Сталь холодила кожу у самого кадыка, заставляя его замереть и ловить каждое её движение.

Прильнув к уху жнеца, едва касаясь губами мочки, она тихо, ласково и пугающе интимно прошептала последние строки:

Смешался вкус

Страсти с нежной болью

В глухой реке чужих не примет дно

Он станет прахом под зловещей властью

Оставив кости там, где так темно...

Таковы были правила. Песню всегда нужно доводить до конца.

В огромном зале, где недавно гремел пьяный хохот, висела оглушительная тишина. Они остались вдвоём. Ну и эти — там, на полу.

Асгетт больше не пыталась призывать силу - выдохлась. Но жнецу об этом знать вовсе не обязательно. С него на сегодня хватит впечатлений, а то ещё чего доброго войдёт во вкус.

Тело под ней содрогнулось. Грудь мужчины загнанно вздымалась, пока он сжимал в кулаке намотанные волосы и по-прежнему придерживал её другой рукой снизу - даже почти бережно.

«Фу, какая дрянь, - Асгетт изо всех сил боролась с искушением сплунуть на пол. - Говорил же мне отец: не бери в рот всякую гадость».

Поборов этот позыв и слегка наклонив голову набок, она посмотрела сверху вниз на тяжело дышащего жнеца в маске и поинтересовалась:

- На ком я сижу, позвольте узнать?

- На наследнике Каменной Долины, госпожа-а... - прошипел Цина с сочащейся издёвкой. Госпожой он её, разумеется, не считал и в помине. Он без колебаний назвал свой титул, прекрасно понимая: служанка отсюда своими ногами уже не выйдет.

Демонстративно, неохотно Цина убрал забытую ладонь с её задницы. Следом разжал пальцы, выпуская серебряные волосы, но напоследок резко дёрнул руку, вырывая с корнем несколько прядей. Девка даже не пискнула.

Он отчаянно боролся с закипающим гневом. Его тело всё ещё мелко потряхивало, а взор никак не желал фокусироваться. Цина пытался разглядеть её лицо сквозь прорези своей тёмной маски, уставившись в эти медные, хитрые омуты.

Желание убивать рвалось наружу, готовое окутать весь зал чёрным мраком, но ледяная сталь, прижатая к его горлу, успокаивающе советовала не дёргаться. Он мог бы без особого труда перехватить её запястье и выбить оружие.

Вот только такой силы ему ещё не встречалось за все пять столетий жизни. И потому приходилось выжидать, чтобы успеть заткнуть этой твари рот до того, как она вновь завоет свою проклятую песню.

Слишком много сил ушло на битву за оболочку марионетки. А теперь приходилось воевать со своим собственным сознанием, возвращая ему контроль и ясность. Разум казался вспаханным, точно тяжелым плугом.

- Какая честь, - ядовито протянула Асгетт, ни на толику не отводя лезвие стилета от его горла. - И как же быстро его устами я была вознесена до госпожи. Глядишь, ещё немного тут посижу, и сама дочерью какого-нибудь царя стану.

Она тихо, дразняще рассмеялась, и этот мягкий смех прозвучал в замершем пространстве как откровенная пощёчина.

Асгетт искусно держала лицо, но внутри всё встрепенулось. Осознание того, на ком именно она сейчас восседает, ледяной спицей прошило разум, едва не выдав её внезапную тревогу.

Наследник Долины.

«Вот же дерьмо!» - мысленно выругалась она, сильнее сжав рукоять стилета, чтобы пальцы не задрожали.

- Не знаю, как насчёт дочери царя, но если вы, госпожа-а, - Цина вновь выплюнул это обращение с показным почтением - ещё немного поёрзаете на моём члене, то точно в скором времени станете женой преемника Шаха.

Под маской пряталась улыбка, и едва ли она была нежной. Взор его наконец начал проясняться, прогоняя туман, и перед ним предстало поистине интересное зрелище.

Эта бестия была красива. Эдакая запретная реликвия, обитающая в стенах храма.

«Знал бы раньше - давно посетил бы эту святыню. Пожалуй, даже уверовал бы. Кому они там вообще молятся? Каким-то богиням? Дайте две».

Глаза жадно скользнули по её гибкому телу, тонкой талии и высокой груди, почти полностью оголившейся из-за недавней возни у его шеи.

И в этот момент догадка наконец озарила его разум - на нём сидела вовсе не служанка.

- Ух. Жена самого преемника Шаха, - Асгетт коварно сощурила глаза и подалась вперёд.

Она бесстыдно и плотно прижалась к твёрдому бугру между его ног, намереваясь сделать побольнее. Раз уж увязла по уши в болоте и упорно продолжала идти на дно, стесняться ей было поздно. А терять уже нечего.

- Какие же чудеса ваше естество умеет творить. А будущему Шаху Каменной Долины досталось ещё что-то выдающееся, помимо каменного члена?

Размеры противника действительно поражали. Скрывать очевидное было глупо - жеребчик Дарий явно уступал. Если, конечно, бабка не набрехала.

- Точно не каменное терпение, - ответил Цина, и его низкий голос завибрировал, - всякое видел, но чтобы столь прекрасная девица скрывала такую красоту под маской - впервые. Все служанки тут настолько хороши?

- Сходи ещё полови, - предложила Асгетт, наклонившись ближе к его маске, ничуть не заботясь о халате, уже сползшем на манер юбки, - Всякое видела, но чтобы высокородный сынок скрывался в чужом теле - впервые. По красивому личику выбирал, потому что твоё красоты никогда не знало, жнец?

Вновь полезла её спесь. Приговор она подписала себе ещё в тот момент, когда вошла в эти двери, так что теперь можно со спокойной совестью развлекаться.

- Такними мою маску, девочка, взгляни. Может, тебе и это, не знавшее красоты лицо понравится? - он завёл ладонь между лезвием и своим горлом, медленно отводя сталь в сторону.

Логика была проста. Если бы девчонка действительно хотела, она бы до сих пор играла с его головой. Но она этого не делала. Значит, попросту не могла.

И это осознание разожгло в нём тёмное, порочное желание проверить пределы её беспомощности.

Вторая рука скользнула выше, нагло и уверенно исследуя каждый изгиб её тела. Пальцы по-хозяйски сомкнулись на груди, грубо сжимая мягкую плоть.

Цина чуть приподнялся - намеренно, - и толкнулся навстречу, заставляя кожей почувствовать, как сильно она на него действует.

- К чему же калечить будущего Шаха, милая, если мы можем подарить друг другу наслаждение? - вкрадчиво прошептал он.

- О, поверьте, господи-ин, - процедила сквозь зубы Асгетт, напрягая руку, которая сжимала оружие. - Вам уже более чем достаточно.

Лишь коротко усмехнувшись, Цина перехватил свободную руку Асгетт, что всё это время упиралась ему в грудь, и зафиксировал тонкое запястье словно в стальной замок.

Не оставляя девочке ни единого шанса на сопротивление, он силой принудил её ладонь опуститься вниз и прикоснуться к плотной ткани, которая опасно натянулась от бешеного желания.

- Разве может быть член того, кому достаточно, таким твёрдым? - за маской Цины расцвела ухмылка.

Не дожидаясь ответа, он рывком увёл стилет от своего кадыка и швырнул его прочь. Железо в отместку скользнуло по шву перчатки, прорезав плоть и оставив на ней тонкую алую линию.

- Поосторожнее, великий Шах, не стоит кусать то, что не сможешь проглотить. Потом сплёвывать придётся, - голос Асгетт стал ниже, почти бархатным.

Она попыталась высвободить перехваченное запястье, но куда уж там. Пальцы, заключённые в его волчьей хватке, сжались вокруг твёрдой плоти с такой отчаянной силой, будто она действительно хотела оставить в его памяти самые незабываемые впечатления.

Оставила. Жнец издал низкий, протяжный стон, от которого по её спине медленно прокатилась волна холодных мурашек. Этот звук был настолько сытым, порочным и откровенным, что Асгетт едва удержала маску безразличия, готовая в любой момент вытаращить глаза.

«Он совсем одуревший», - мелькнуло у неё в мыслях. У неё решительно всё шло как-то не так. С самого рождения.

- Сплевывать будешь ты, девочка, - хрипло пообещал Цина.

Он быстро, словно терпения больше не осталось, откинул маску в сторону и тут же впился в её губы. Зубы с силой ударились друг о друга, а дыхание смешалось в рваном, судорожном ритме, став общим.

Обычно он брезговал лезть в чужой рот, но сейчас желание оказалось сильнее привычки.

Цина жёстко направлял девичью руку, полностью подчинив её движения. Он заставлял сжимать и ласкать себя через ткань, одновременно сминая её губы и зарываясь пальцами в волосы, пока она отчаянно пыталась отстраниться, упираясь свободной рукой в его твердую, как гранит, грудь.

Острая боль расцвела во рту, мгновенно наполнив его солоноватой жидкостью. Цина отпрянул, почти до хруста сжимая девичью ладонь на своей плоти.

Эта дикарка прикусила ему язык.

- Вот так сплёвывать, господин? — тихо спросила Асгетт, захлопав длинными ресницами.

Тёмные капли стекали по его подбородку, оставляя полосы. Тонким пальцем она медленно провела по нижней губе, собирая багровую росу».

«Как такой гад ползучий умудрился уродиться таким симпатичным?» - пронеслось в голове.

- Или... всё же лучше глотать? - невинно поинтересовалась Асгетт.

Перехватив девичью руку у самого лица, Цина медленно, не отрывая взгляда от манящих глаз, провёл прокушенным языком по чувствительной подушечке пальца с почти греховной нежностью.

Любая другая на её месте уже давно была бы мертва. Но эта... эта так легко не отделается. Смерть станет для неё милостью, но для начала девчонку следовало наказывать.

Насильно сведя её руки вместе и легко перехватив оба тонких запястья одной широкой ладонью, он намертво зажал их на своём торсе.

- Глотай, - его низкий голос вибрировал у самого её лица, а коварная улыбка обнажила ряд ровных, испачканных кровью белоснежных зубов.

Он вновь подался к её губам, и в этом поцелуе больше не было пощады. Язык проникал глубже, настойчивее, заполняя её рот вязкой влагой.

Ему даже не требовался дар теней для её подчинения - у пленницы не осталось никаких сил.

Прервавшись на краткий миг, Цина зубами рванул жёсткую перчатку с руки и, нагло, с размаху, ударил по её ягодицам, заставив девчонку вздрогнуть.

Шёлк халата жалобно зашуршал, когда его пальцы проникли под ткань. Проведя ледяной ладонью по вспыхнувшей от удара коже, он скользнул ниже, под самые бёдра, и с силой их сжал, до боли оттягивая плоть.

Под злобное шипение девицы Цина стремительно добрался до лона и с нажимом очерчивал круги на самом нежном, уязвимом месте её тела.

С трудом заставив себя разорвать поцелуй, он оставил её влажные, измазанные кровью губы и прильнул к набухшей груди. Жадно вбирая упругую плоть, он прикусывал и терзал её, пока в нос ударял дурманивший аромат мяты, исходящий от девичьей кожи.

Асгетт до белых костяшек сжимала кулаки, запертые в его хватке, и изо всех сил упиралась в твёрдый торс мужчины. С тихим, задушенным стоном она тщетно попыталась приподняться, стремясь спасти сокровенное от его наглых пальцев.

Ублюдок лез туда, где его совершенно не ждали. Вот теперь по её венам хлынуло настоящее, первобытное огнево.

Отпустив грудь, Цина повел языком по шее, к подбородку.

- Какая ты стала горячая... Нравится? - выдохнул он и вновь безжалостно вцепился в её губы, полностью игнорируя полыхающие гневом глаза и готовое сорваться с губ оскорбление.

«Нравится, прям пылаю. Буквально, - думала Асгетт, примеряясь, какую его часть тела поджечь. Руки опасно нагревались. - Интересно, а в Каменной Долине водятся евнухи? Или этот станет первым?»

Словно из-под самого дивана выползла тёмная фигура в мантии ордена Хранителей и беззвучно возникла за спиной жнеца.

Длинная, неестественно гибкая рука, будто отдельное живое существо, медленно скользнула по его плечу.

Чужеродное движение на теле заставило Цину выругаться про себя и отпрянуть от девицы, обрывая этот насильственный поцелуй.

- Вот это вы разошлись, детки - раздался сзади совсем недобрый мужской голос.

Цина хотел развернуться, но незнакомец позади него действовал на опережение. Сильная рука молниеносно сомкнулась на его горле, а локтевой сгиб, словно стальной хомут, вдавился в кадык, наглухо перекрывая доступ к воздуху.

- Советую не двигаться, щенок, - голос за спиной тихо прошептал прямо в ухо, - я сегодня очень злой...

- О, я вполне сама справлялась - Асгетт победно ухмыльнулась, уже предвкушая развязку.

- О, я заметил. Чего ж меня не позвала? Мне, может, тоже хотелось? - поинтересовалось божество, с откровенным весельем разглядывая из-под капюшона всё это безобразие.

- На этих коленях больше нет свободного места, - Асгетт расплылась в полностью блаженной улыбке, глядя на дорогого друга.

Мысль о том, что ей не придётся потом выслушивать верещание родни из-за спаленного дотла храма, очень грела душу принцессе.

- Тоже мне проблема. Я сзади пристроюсь. - божество провело длинным языком по щеке жнеца, заставив того дёрнуться и напрочь позабыть о недавнем возбуждении. - Сзади жнеца, разумеется.

Картинно окинув взглядом валяющиеся на каменных плитах тела, божество резюмировало:

- На безрыбье и рак рыба.

Явно выбрав клинком в глаз и признавая полную капитуляцию, Цина медленно разжал пальцы, освобождая запястья девицы, и послушно приподнял руки. Его взгляд оставался прикован к девушке.

- Оставь, - спокойно произнесла Асгетт, плавно слезая со жнеца. - К чему калечить будущего Шаха, если мы уже доставили друг другу столько наслаждения?

Соскользнув с него на пол, она по-дружески хлопнула наследника Долины по колену, словно между ними только что произошла обычная, вполне приятная встреча.

- Хорошего вечера, Господи-ин. - за улыбкой сверкнули клыки - Думаю, мы сможем благоразумно забыть это маленькое недоразумение и впредь не доставлять друг другу лишних проблем?

Она игриво подмигнула мужчине, небрежно накинула висящий на поясе халат на плечи и, развернувшись, направилась к выходу, позабыв о плаще служительницы. На нём мирно спал тот, кто привёл её в это прекрасное место.

Бог Касарит отпустил жнеца, и пока тот пытался вспомнить как дышать, с лёгкой грацией перелез через спинку дивана и, спустившись на пол, будто ничего не произошло, неспешно двинулся следом за Асгетт.

Цина откинулся назад, обессиленный, но, невзирая на неудачу, с явным удовлетворением на лице. Хранитель храма Мира явился очень не вовремя. Девчонке несказанно повезло.

А над ним нависли очень большие проблемы.

Узнай дед, который прибудет поутру, что его внук тут делал, - и на Цину обрушится наказание. Не за деяния - за то, что не сумел убрать за собой грязь без шума.

Но девице удалось по-настоящему его заинтересовать и оттеснить вглубь тревоги о последствиях. А в этом мире мало что могло вызвать у него подобное чувство.

Цина хрипло проговорил, не отрывая взгляда от уходящих спин:

- Скажешь своё имя и род?

- Ты у всякой служанки имя спрашиваешь, жнец? - спросила Асгетт у самой двери, обернувшись на прощание.

- Только у тех, кого жажду наблюдать со спины, пока буду вжимать в постель, - голос Цины звучал низко и надтреснуто.

Он едва заметно наклонил голову, приносясь к тяжёлому воздуху.

Атмосфера в зале стала настолько плотной, что дышать сделалось практически невозможным. И дело было далеко не в извращённом удовольствии от удушья.

Божество в мантии Хранителя, застывшее рядом со своей любимицей, не сдвинулось с места. Но его вывод по этому поводу превратился в силу, что наотмашь хлынула в это помещение, принося с собой невидимые утопленные души из касаритовых рек.

Щенка сейчас хотелось долго и упорно бить лицом об камень пола. До последнего его вздоха. А после - упокоить в чёрной ядовитой воде.

Не обращая внимания на привычную тягостную ауру Бога, Асгетт, привыкшая оставлять последнее слово за собой, смолчать не смогла. Слабости выходцев Каменной Долины знала каждая собака - их абсолютную ненависть ко всем грязнокровкам и дикарям.

Она заглянула прямо в его горящие красные глаза и, искусно пародируя бабкин тон, произнесла:

- Прошу простить, господи-и-н. Но у павирских женщин нет ни имени, ни рода, - и тут же отвесила поклон такой глубины и почтения, какого от неё не удостаивался ещё ни один живущий.

Едва разогнувшись из-за спазма, пробежавшего по спине, и сполна насладившись тем, как будущего Шаха, считающего себя высшим существом в пищевой цепочке, передёрнуло, а его губы скривились от чистейшего отвращения, она развернулась к двери.

Асгетт отодвинула засов и вышла навстречу спасительной прохладе пустых коридоров, стремительно меряя их широкими шагами.

Она отчаянно молилась богам - на всякий случай всем сразу, и ныне живущим, и давно забытым, - лишь бы эта ночь обошлась без новых катастроф.

Наполненные презрением глаза жнеца будто преследовали её, но она упорно пыталась обогнать все навязчивые мысли.

- Ну как он тебе? Хорошо постарался? - Божество буквально липло к ней, шагая следом и глядя из-под капюшона наглыми, любопытными глазами.

- Иди в бездну, - огрызнулась Асгетт, даже не повернув головы.

Сладкое послевкусие от недавнего триумфа стремительно выветривалось. На смену ему подступало почти осязаемое раздражение.

И, что злило сильнее всего, тело предательски хранило память о каждом прикосновении, о каждом вздохе, которые разум отчаянно пытался вычеркнуть.

«Вот какие у тебя теперь пристрастия, принцесса? - внутренний голос ехидно скользнул по сознанию, смакуя каждое слово, словно пробуя на вкус. - Не от того ли это, что в детстве ты слишком часто падала с деревьев головой вниз?»

- Вот только там меня ещё не было, - хмыкнуло божество, ничуть не задетое её тоном.

Он откровенно забавлялся. А затем буднично, словно размышляя о погоде, добавил:

- Нужно было заиметь от него дитя, раз уж уселась так удобно.

Принцесса замерла так резко, что речной бог со всего маху влетел ей в спину, охнув.

Она медленно повернулась.

- Эта ледяная, паршивая кровь... - процедила Асгетт, и в её голосе явственно послышался скрежет стали.

- Как в сухую землю зайдёт, - бесцеремонно перебил бог, упиваясь её реакцией.

Смерив нахальное божество тяжёлым, обещающим скорую расправу взглядом, Асгетт развернулась и молча двинулась дальше по коридору. Шаги её стали ещё шире.

Единственное, чего она действительно сейчас страстно желала, - оказаться за закрытыми дверями купальни. Побыстрее смыть с себя чужие запахи, липкие ощущения прошедших часов и навсегда запечатать память, чтобы больше никогда не возвращаться мыслями к подобному непотребству. А после - забыться во сне, до самого рассвета.

Завтра она стойко пересидит весь Великий Совет, а после кинет в наследника Долины его перстень и никогда в жизни больше не допустит в разум ни единого воспоминания об этом змее. Будь он хоть трижды прекрасен, но едва ли от этого перестает быть высокомерным ублюдком.

Направляясь в покои, Асгетт силой вбивала эту истину в разум, словно гвоздь под ударами тяжёлого молота.

Глава 6

Цина так и не смог уснуть. Без каких-либо внутренних терзаний покинув зал, в котором так и осталась лежать без сознания имперская свита, он отправился в покои в надежде забыться в постели.

Хранители не явились по его душу из-за нарушенных правил, но сон не шёл вовсе не из-за страха перед орденом и проблемами, что они могли принести с собой. В голове постепенно нарастала боль.

К утру, когда в храм прибыл его Шах, Цина, следуя за ним в зал Совета, почти рычал от злости и был готов убивать из-за шума, который поселился внутри черепа. Этот внутренний гул стал ещё невыносимее, когда они наконец вошли внутрь.

Чертог, которому сегодня предстояло принять Великий Совет, поражал своим масштабом. Казалось, под его вековыми сводами без труда могло бы укрыться население целого города. Вдоль массивных стен тянулись ряды резных кресел, предназначенных для многочисленной свиты тех великих домов, что стояли во главе государств и княжеств.

В самом сердце этого колоссального пространства покоился монолитный стол невообразимых размеров, изогнутый безупречной дугой с одним лишь узким проходом. Прямо в центре этого рукотворного кольца возносились кверху каменные ступени. На них уже замерли Хранители храма Мира, которым сегодня предстояло стать живым воплощением беспристрастного разума, призванного усмирять чужую гордыню.

За столом постепенно собирались венценосные особы: цари и их вассальные князья, наследники и советники. Здесь концентрировалась сила, готовая расколоть мир, - те, кому суждено было обвинять, и те, кому предстояло защищаться.

Империя, обуемая гордыней и не желавшая дожидаться официального начала Совета, с вызовом бросила на каменную твердь целый перечень требований к Павире. И точно такой же бескомпромиссный список лег перед послами Триты.

Теперь два толстых свитка безмолвно покоились на гладком камне. Никто из присутствующих даже не помышлял сорвать с них сургучные печати: все искренне страшилось удушья в бескрайнем полотне имперских претензий.

Единственным соседом этих зловещих документов было оружие - фамильные клинки, кинжалы и ятаганы, которые по незыблемому уставу храма грозным стальным рядом выстроились перед своими хозяевами.

Правители лично отвечали за покорность приближенных. Каждый из них был обязан проследить, чтобы его свита безропотно рассталась со сталью. Ведь если в этих священных стенах прольется хотя бы капля крови, кара падет на головы самих властителей. В ту же секунду Хранители перестанут быть милосердным голосом разума, обратившись в безжалостных судей.

Все представители великих домов предстали перед Советом без доспехов. Под простыми тканями плащей скрывались изысканные наряды, а под ритуальными масками - лица, искаженные потаенной злостью и благородной скукой. Ни сакральный закон, ни закрытые одеяния не могли сдержать лавину взаимной ненависти. Словно дворовые псы, извечные враги безошибочно находили друг друга по одному лишь запаху.

Пока половина имперской свиты, едва воскресшая поутру после ночного забытья и тщетно пытающаяся вспомнить хоть что-то, с яростным упорством изрыгала витиеватые оскорбления и пустую бравладу, Трита демонстрировала поистине святую непоколебимость. Посланники Триты хладнокровно, размеренно и, уже в сотый раз, в малейших подробностях разъясняли оппонентам, куда именно и с какой скоростью им надлежит отправиться.

И лишь немногочисленная свита Павиры, состоящая всего из трёх безмолвных фигур, замерла в абсолютной неподвижности. Окутанные гробовым молчанием, они терпеливо ждали, когда фарс уступит место истинному началу.

Затянувшееся безмолвие павирской троицы Цина списывал на первобытную дикость: эти животные, очевидно, попросту не владели всеобщим наречием.

Цина сидел и презрительно шурился на беснующегося соседа. Вот бы и Империя наконец познала этот полезный дар - помалкивать.

Голова его начала раскалываться на части, а внутри словно ворочались валуны. Стараясь не делать лишних движений и сдерживая нервный тик, он из-под прикрытия маски наблюдал за собственным Шахом. Его дед, Равель, раздражающе барабанил пальцами по каменной столешнице.

Девки среди павирской свиты не оказалось. Цина тщетно силился изгнать воспоминания ушедшей ночи, но те настырно лились в помутившийся разум. Гадину хотелось прирезать, и больше совершенно не хотелось поиметь. Она испачкала собой и своим происхождением его самолюбие. Как подобная диковина, наделенная столь сильным даром, умудрилась уродиться среди безродных дворняг, его не заботило - видимо, раз в столетие и сухая палка цветёт.

Он просто ждал, стараясь сохранять самообладание, которое должно было стать его броней - защитой от глупости и от порыва, который заставил бы его схватиться за рукоять, едва эта павирская тварь переступит порог зала, и заживо распять ее собственным клинком прямо на каменном столе. Мысль о том, чтобы пролить кровь в святыне, манила его, заставляя пальцы судорожно сжиматься в кулаки.

Ненавидел. До кровавой пелены в глазах ненавидел всю эту падаль из Павиры и Триты с их грязной, плебейской кровью - отбросы, с которыми ему сегодня придется делить один стол.

Ненавидел этот Храм, куда ступил впервые в жизни, с его молитвами и ложными боже-ствами, перед которыми его заставили склонить голову при входе, и перед которыми наверняка заставят преклонить голову при выходе. Ненавидел Империю с её глупыми, недалёковидными решениями - ведь именно из-за них они все оказались в этом месте.

Но сильнее всего он ненавидел эту шлюху - ту самую, которую еще вчера так страстно, до дрожи желал. Тварь, которая посмела переиграть его.

Цина протяжно, болезненно застонал, откинув голову на жесткую спинку кресла и зажмурив глаза.

- Что с тобой, мальчик? - дед наклонил к нему голову, и сквозь прорези его маски блеснули алые глаза.

- Все в порядке, мой Шах, - Цина с трудом разжал кулаки, пальцы которых уже онемели и болели от напряжения.

- Сейчас все присутствующие здесь равны, нравится нам это или нет. Усмири себя, - дед говорил едва слышно, но его тихий голос казался древним, точно сам камень этих стен.

Правящий Шах Каменной Долины выказывал относительную снисходительность к чужой крови. Он не сомневался в собственном величии, считая себя выше всего сущего и когда-либо жившего, однако не опускался до того, чтобы предаваться долгим размышлениям о чьём-то там происхождении.

Ему было плевать. И это высокомерное безучастие доводило Цину до бешенства. Будь он на месте Равеля, с его силой и прожитыми веками, давно бы уничтожил всю мерзость, что обитает вокруг.

- Они никогда нам не станут равны, - губы под его маской скривились, когда мысли невольно сорвались вслух.

Под столом Шах Равель вцепился в запястье внука, заставив того поморщиться. Тон главы рода был полон горького разочарования и скрытой угрозы, обещающей серьезные неприятности.

- Молчать. Забылся, мальчишка? Или страх потерял? Придётся напомнить: ты не дома.

Цине хотелось зарваться, оскалиться. Только вот показывать зубы деду могло стоять этих самых зубов. Иерархия была неоспоримой. Когда преемник станет Шахом, его потомство будет так же склоняться и подставлять загривок для заслуженной трéпки.

- Я вас понял, мой Шах, - Цина вынужденно наклонил голову.

Старик выпустил его руку. Неторопливо откинувшись на спинку кресла, правитель Каменной Долины добавил ледяным тоном:

- Блуд с имперскими девками накануне помолвки с принцессой - глупый просчёт. Оставь свои мысли о шлюхах, хотя бы пока мы не закрепим этот союз или не разорвем его. Я достаточно ясно выразился?

Цина покорно кивнул. И правда. Хватит думать о шлюхах.

- Начинаем, - голос одного из Хранителей прогремел по залу. - Всем занять свои места.

Ругань наконец утихла, и свита послушно заняла кресла вдоль стен. За столом переговоров установился порядок: по восемь мест было выделено для делегации каждого государства - строгий, веками не менявшийся регламент.

Все, кто должен был сегодня восседать здесь, встали в полный рост. В зале воцарилась тишина.

Собравшиеся замерли, ожидая заветного слова Хранителей, позволяющего снять маски - не перед лицом врагов или союзников, ведь их имена и истинные лица предназначались исключительно богам, незримо взиравшим на них из темноты под куполом.

Прошла минута. Пять. Десять. Тишину начал прорезать недовольный ропот, глухо доносившийся из-под масок.

На местах, где полагалось стоять представителям Триты, не хватало двоих. Делегация Павиры и вовсе отсутствовала в полном составе - лишь их безмолвная свита спокойно восседала в дальнем конце чертога, не шевелясь.

В огромном помещении начала стремительно повышаться температура - ярость сотен мужчин физически раскаляла воздух. Делегации великих домов закипали от бешенства из-за наглого отсутствия тех, кто должен был представлять обвиняемые государства.

И пока в зале проклинали их души, сама Асгетт шла следом за только что прибывшей матушкой, разглядывая её спину. Ей отчаянно хотелось обогнать женщину, которая внезапно стала невыносимо медлительной.

- Нас наверняка уже ожидают. - тонко намекая на необходимость ускориться, выговорила она.

Кула развернулась и одним плавным, быстрым движением поймала подбородок принцессы, заставив её поднять голову.

- Привыкай, Иблис бен Касарит. Та, кто рождена править, всегда приходит последней. Чужое ожидание - не твоя забота.

Лик Кулы был лишён возраста и живых эмоций. Под её золотыми глазами залегли темные тени ритуальных отметин, а на лице застыло жуткое и одновременно изящное украшение - острые наросты, напоминающие тонкие ребра и лапы насекомых, выходили будто из скулы и виска, оплетая ухо.

Её шея была заключена в воротник из переплетенных костей и окаменевших сухожилий. Это ожерелье словно проростало сквозь плоть, заменяя собой кожу. Волосы - прямые, мертвенно-белого цвета - были зачесаны назад и удерживались тонким, едва заметным обручем.

- Они не моя паства, матушка, - тихо, но твердо ответила Асгетт.

Она невольно залюбовалась этой дикой девой из лесов Катрата. Платье Кулы было изрезано на длинные лоскуты и при каждом шаге ткань наглядно являла окружающим, чем женщина отличается от мужчины.

Кула никогда не стеснялась наготы. Напротив, в гробу она видала все приличия, предпочитая при любой возможности сбрасывать одеяния и нагишом бегать по лесам. Так было куда удобнее охотиться.

Матушка отпустила лицо Асгетт, на котором красовалась тонкая металлическая нить, пересекающая переносицу. Все эти украшения - строгие традиции Катрара. Подобные цепи символизировали связь с предками и покорность законам крови.

- К счастью, - сказала Кула, считавшая, что выше дочерей Иблиса только небосвод. - Тебе такие паршивые овцы в стаде не сдались.

Обхватив ладонь дочери, она повела её за собой. Проявилась почти кошачья нежность: на ходу матушка мягко ласкала её пальцы, украшенные массивными золотыми кольцами. Те переходили в длинные изогнутые металлические когти, плотно облежавшие фаланги.

Они вышли в широкий коридор, ведущий к массивным дверям зала, где вот-вот должен был начаться Великий Совет. Здесь их уже поджидали с белоснежными плащами и золотыми масками.

Венец явно не намеревался следовать общим правилам и надевать такие же обрядовые атрибуты, как и все остальные. В честь чего это?

Накидки держали те, кого царица Висса отправила для поддержки Павиры: тётушка Артра и её старший брат Миракс, приходившийся Асгетт родным дядей. Лучше этой парочки на дипломатическом поприще говорила разве что сталь.

Что же до Кулы... Асгетт не сомневалась: та шла на Совет лишь ради одного сценария. Если переговоры зайдут в тупик, она просто превратит этот зал в пиршество и сожрёт всех до единого.

- Милая, а чего-то более... скромного не нашлось? - Артра недовольно оглядела платье племянницы, задержав взгляд на змее, обвивавшей её талию.

- Это твоя мать выбирала, - Асгетт изящно покружилась, заставив цепи на запястьях тихо звякнуть, демонстрируя все прелести наряда.

Платье было сшито из лёгкой ткани - безупречного, чистого белого оттенка. Глубокий вырез на груди переходил в плавные драпировки, подчёркивая хрупкость плеч и шеи. Высокий разрез, берущий начало от самой талии, при каждом шаге дразняще уходил вниз, оголяя бедро. И всё же этот наряд, по сравнению со сквозящими лоскутами Кулы, выглядел почти целомудренно.

- Прекрасное платье, - мгновенно подвела к итогу Артра, покосившись на брата из-под золочёной маски. Сомневаться во вкусе царицы, который почему-то внезапно стал извращённым, она не посмела. По крайней мере, вслух.

- И правда, замечательное, - тактично подтвердил дядя Миракс. Он мысленно порадовался, что маска скрывает его изумленно взлетевшую к самой линии волос бровь. - Матушка, как всегда, удивляет своим поистине царским вкусом.

У дверей замер сам владыка Павиры в окружении советников, с ног до головы закутанных в такие же белёсые одеяния. Но по-настоящему Асгетт удивило другое: прямо за ними неподвижно высились две тени Первозданных. На фоне светлой толпы они в своих чёрно-серых мантиях казались провалами в пустоту.

- А эти две что тут забыли? - Асгетт шагнула ближе к тётушке, едва слышно прошептав.

- Сегодня мы все на одной стороне, - тихо проговорила Артра. - На стороне тех, кого будут обвинять. И потому войдём вместе. Надевайте накидки.

Взглянув на теней Первозданных, Артра поджала губы. Они с братом уже успели поговорить со святыми. Те впились, словно сомнения в душу. Разговор удовольствия не доставил, слишком уж хитры и назойливы были эти женщины.

Но идея выступить единым фронтом была здоровой. Столь дотошный и упрямый альянс гарантированно вымотает Совет, заставив всех присутствующих свернуть обсуждение как можно быстрее.

Сама же она изо всех сил старалась не выдавать тревогу, которую поселили в её разуме эти святые.

- Какая приятная компания сопровождает нас под ликами Богинь, - главная жрица Раа'си Ра'ми в черной мантии отвесила церемонный поклон.

- Мы тоже безмерно рады встрече, - проговорила безмерно радостная Артра, подходя к дверям, из-за которых уже доносилось возмущение. - Что ж, приступим.

Ровно в тот момент, когда представители Великих Домов уже мысленно потянулись к оружию, створки дверей с грохотом врезались в стены. Судя по силе удара, вошедшая следом фигура в белом открыла их пинком.

Позади неё в зал неспешно прошествовали еще девять силуэтов. Двое из них были укутаны в мантии Теней Первозданных, остальные - в такие же белоснежные плащи. Похоже, этим не совсем достопочтенным господам забыли объяснить здешний устав. Впрочем, не Цине было судить невежд: на все эти предписания он клал ровно то же, что и вновь прибывшие.

Подойдя к столу и заняв место представителей Павиры, фигура небрежно сбросила накидку и стянула с лица маску. Тяжёлый металл с резким звоном ударился о каменную столешницу, заставив слабодушных вздрогнуть.

Оглядев присутствующих пронзительным взглядом, гостя не просто села, а устроилась в кресле точно на законном престоле и надменно произнесла:

- Снимайте уже маски. Или вы намерены заставить нас ждать вечность?

Незнакомка оказалась женщиной - не дурна лицом, молода и давяще высокомерна. От её тона собственная спесь Цины на мгновение пошатнулась.

«А так можно было?» - озадаченно подумал он.

Представители Империи, возмущенные присутствием нахальной бабы за столом на сугубо мужских переговорах, едва не взорвались от негодования. Однако по-настоящему всех озадачило другое - молчание Хранителей. Ни единого замечания, ни тени упрека.

И хотя этот орден никогда не выбирал сторону, их немое одобрение подобной дерзости заставило многих усомниться в их хваленой беспристрастности.

Следом подтянулись остальные. Заняв предписанные места в древнем кругу, они единым жестом сбросили тяжёлые ритуальные облачения. На свет явились пять мужчин и ещё четыре женщины - абсолютно безоружных.

Последние были единственными представительницами своего пола во всём этом колоссальном пространстве, если не считать храмовых служительниц, Вита'е Арбрис, скрывающихся во мгле нефов. Именно на этих дев сейчас в немом шоке взирали собравшиеся.

По залу прокатался тихий, свистящий выдох удивления. Советники Империи переглянулись, словно ожидая, что своды храма вот-вот рухнут от подобного святотатства.

Однако центром всеобщего притяжения стали двое: женщина в причудливых шейных украшениях и юная сереброволосая девица. Золотые когти и тонкая цепочка, тянувшаяся змейкой по прелестному лицу девушки, приковывали к себе взоры.

Сама же она равнодушно окинула взором чертог и замерла, глядя в никуда сквозь полупущенные ресницы, демонстративно игнорируя чужое липкое любопытство.

Но если эта особа казалась чем-то экзотически съедобным, тем, что хотелось попробовать, то сидевшая рядом с ней женщина выглядела существом, способным перекусить каждым в этом зале - неторопливо, не оставив даже костей.

«Тварь, до чего же хороша», - мысль ударила под дых, заставив Цину на мгновение замереть. Он пытливо, с почти болезненным восхищением скользил взглядом по лицу, изучая её черты при полноценном, ярком освещении.

Эти едва заметные россыпи веснушек на карамельно-золотой коже... Этот омут по-настоящему медных глаз, усыпанный крапинками чистейшего золота, в которых хотелось утонуть прежде, чем вырвать их напроочь.

Слепящее желание пустить ей кровь неохотно отступило в тень. Ровно настолько, чтобы позволить хищнику вдоволь насладиться красотой своей жертвы.

Из всей делегации Павиры на ногах остался лишь один мужчина. Цина напрягся, стоило ему внимательнее присмотреться к чужаку. Знакомый отлив прядей, узнаваемые черты - сходство было слишком очевидным.

Воспоминание о мягком весе девичьего тела на его коленях и о том, как эти самые волосы скользили по пальцам, заставило сильнее стиснуть челюсти.

Высокомерная гостя, первой ступившая в зал, этот незнакомец и девка с золотой нитью на лице - все они явно были мазаны одной кровью.

Высокая фигура мужчины излучала суровую грацию. Длинные волосы, небрежно перехваченные на затылке, волнами спадали на широкие плечи. Он замер вполоборота, облаченный в строгий темный мундир, чью мрачность разбивал лишь холодный блеск золочёных наплечников.

Однако всё это меркло перед его ликом: узкие, пронзительные глаза светились диким янтарным огнем, словно у затаившегося зверя.

Тяжелую тишину разорвал безупречно поставленный голос:

- Мое имя Миракс. Сегодня я буду говорить от лица властителя Павиры, Сура.

Из его узких, жёстких губ этот короткий манифест прозвучал невероятно притягательно. Мужчина плавно опустился в кресло по правую руку от самого правителя и едва уловимым, величественным жестом велел Хранителям начинать.

Имперская сторона тут же разразилась протестами - почему безродный выскочка смеет говорить за владыку этих земель? Однако этот выпад все проигнорировали. Самые сообразительные и искушенные в интригах умы быстро осознали глубину нанесенного оскорбления.

Варвары не просто демонстрировали пренебрежение этикетом. Они презирали чужую культуру и принципиально отказывались ломать языки о всеобщее наречие, считая его грязной скверной, недостойной их уст.

Владыки стали поочередно представляться: они открывали лица, распахивали накидки, а затем занимали свои места вместе с приближенными. Делегация Вархи восседала рядом с имперцами, безмолвно демонстрируя им полную лояльность.

Эти прирожденные палачи мало чем отличались от самих жнецов - безжалостные, лучшие в своем деле наемные убийцы, способные бесследно сливаться с темнотой.

Делегация Саривии, пришедшая из залитых солнцем земель, напротив, то и дело бросала изучающие взгляды в сторону Павиры. По логике вещей, им не должно было быть до происходящего ровным счётом никакого дела: столетиями, сквозь кровь, разруху и пепел чужих войн, древнейшее царство сохраняло абсолютный, незыблемый нейтралитет.

Однако теперь, судя по тому, каким взглядом наследный принц Саривии буквально пожирал сребровласую девчонку, впервые в истории назревало нечто немыслимое.

А то, что Трита уже спелась с Павирой, было очевидно даже последнему идиоту. Тени Первозданных молчаливо доказывали это своими ухмылками. Эти святые вовсе не были уродливыми чудовищами, какими их расписывали в слухах. Напротив, они манили взгляд.

Но крылось в их облике, в текучей пластике движений нечто настолько странное и жуткое, что по спине любого воина пробежал холодок, заставляя инстинктивно и брезгливо передергиваться.

- Мы слушаем Империю, - слова прозвучали сухо и бесстрастно, тяжело скатившись по холодным каменным ступеням, где возвышались Хранители.

Грузная фигура Императора качнулась, когда он наконец оторвал взор от правителя Павиры и едва заметно кивнул своему советнику. Это был до омерзения противный, тощий мужчина, задрапированный в роскошные, кричащие ткани. В его высокий воротник были вшиты редкие камни кальяса, чей блеск подчёркивал статус владельца.

Вот только стоило женщинам Павиры заметить эти драгоценности, как их губы одновременно растянулись в таком устрашающем, хищном оскале, что чиновник моментально растерял всю храбрость. Он поспешно отвёл глаза, решив больше не смотреть на этих неофитов цивилизации - задача почти невыполнимая, учитывая, что он должен был обращаться непосредственно к ним.

Уголок губ Цины дрогнул в презрительной усмешке.

«Надо же, как глазки загорелись, - высокомерно подумал он, наблюдая за ней. - Интересно, как быстро эта девка раздвинет ноги перед первым встречным, который осыплет её подобной роскошью? Наверняка прежде, чем последний камень коснётся её тонкой шейки».

По правде говоря, он всегда был уверен, что цена павирских баб куда ниже.

Цина с показным пренебрежением скользнул по девице оценивающим взглядом и тут же резко отвернулся, мрачно вперившись в имперцев. Он мысленно поклялся больше не устраивать дикарей ни единым вниманием.

Пустой звук, а не клятва.

Вопреки доводам рассудка, взгляд предательски, с каким-то мазохистским упрямством возвращался к девушке. А эта дрянь за всё время даже не соизволила повернуть голову в его сторону.

Всё её внимание было приковано к смазливому принцу Саривии. И, судя по искрам этого безмолвного, едва уловимого диалога, они уже успели мысленно раздеть друг друга и прийти к выводу, что вполне соответствуют взаимным ожиданиям.

«Вот же блядство», - мысленно сплюнул Цина.

В груди ядовитым варевом закипала ярость. Этот лощёный наследничек явно имел и средства, и власть, чтобы осыпать дикарку всеми благами мира, возведя её на самые немыслимые вершины.

Цине было плевать на её возвышение. Пусть забирает. Но только после него.

Желание было первобытным и грязным: грубо присвоить, сломать эту надменность и выжечь на ней своё клеймо прежде, чем до её кожи дотронутся выхоленные ручки этого мальчишки. От одних лишь мысли о том, как он овладеет этой безродной девкой, раздутое эго Цины с треском рвалось по швам.

Внутри шла ожесточённая война между тошнотворным отвращением и пульсирующим вожделением. Его поражало, как же быстро острая неприязнь мутировала в животную жажду. Ей хватило лишь лица и тела, чтобы в прах растоптать устоявшиеся принципы и вековые предпочтения.

Из этого наваждения его вырвал дребезжащий, фальшиво елейный голос имперского советника. Собрав остатки мужества и стараясь смотреть исключительно на Хранителей над

головами павирцев, тощий вельможа наконец заговорил, оглашая волю своей короны. Каждое его слово так и сквозило скрытым ядом, раня слух своим притворством.

Из его уст лилась искусная скорбь: он вещал о бедствиях Империи, терпящей урон от рук дикарей, чья власть простёрлась над Вольными землями. Торговые пути перерезаны, караваны блуждают в обход, а гордая имперская армия предана не земле, а огню и поруганию. Однако в этой речи не нашлось места правде.

Разумеется, он не проронил ни слова о том, что эту кровавую войну развязала сама Империя. И уж тем более - что на Вольных землях величественное государство промышляло торговлей бойцами для арен, беззащитными женщинами и детьми.

Грязная изнанка политики, которую сочли сущей мелочью для присутствующих.

Миракс вполголоса переводил владыке Павиры самые абсурдные и любопытные моменты имперской речи. Тот - длинноволосый молодой мужчина - когда-то наверняка был красив.

Теперь же его лицо напоминало карту жестоких сражений: оно было усеяно шрамами - от тонких серебристых нитей до грубых багровых рубцов, стягивающих кожу у самой скулы.

Голос Миракса звучал ровно и монотонно, но в глубине его глаз плясали искорки мрачного веселья.

Арта устало тёрла переносицу, пытаясь утихомирить Кулу. Та искренне не понимала, зачем терпеть, если можно не терпеть. В её звериных глазах застыло недоумение пополам с раздражением - эмоции, слишком простые и честные для этого зала.

Тётушке стоило немалых трудов объяснить ей, что ломать хребет имперцам прямо сейчас - далеко не лучший дипломатический ход и нужно немного подождать.

Трита на этом фоне казалась скалой - неподвижной, невозмутимой: она лишь терпеливо ждала момента, когда советник перейдёт к прямым нападкам на них. Но имперец вещал без остановки - его голос, тягучий, словно патока, заполнял Чертог, обволакивая собравшихся липкой пеленой пустословия, и конца этому потоку не предвиделось.

А впереди ждала ещё более изнурительная пытка - свитки с официальными требованиями, чей исполинский объём внушал искренний ужас. Они громоздились на столе, точно надгробные плиты, и один лишь вид этих туго перевязанных пергаментов заставлял Кулу тихо, но очень многообещающе рычать сквозь зубы.

Асгетт, в которой наследный принц Саривии своим немигающим взглядом успел прожечь настоящую дыру, наконец-то соизволила обратить внимание на настырного поклонника. Стоило ей повернуть голову и встретиться с ним глазами, как глубоко внутри вдруг что-то звонко щелкнуло. Словно сорвало старый, заржавевший замок.

До неё отчётливо дошло: именно в эту самую секунду в ней проснулся совершенно новый интерес к мужчинам. Правда, исключительно к лучшим из них, если уж не кривить душой.

У него были правильные пропорции лица, четко очерченные губы и безупречная, волевая челюсть. Контраст между его ореховыми волосами, загорелой кожей и светлым, пронзительным взглядом завораживал.

Тяжёлая золотая парча парадного костюма сидела на принце идеально. Покручивая массивное кольцо на пальце, он не разрывал зрительного контакта ни на секунду. А затем уголки его губ дрогнули в едва заметной, мягкой улыбке, и он чуть склонил голову - это был безмолвный, будоражащий знак одобрения.

- Какая хорошая кровь. Древняя, - с едва уловимым сладострастием выдохнула Раа'си Ра'ми.

Перед взором предстало лицо женщины, прожившей не один век, но сохранившей то, что время не решается разрушить, а лишь гравировать благородными линиями. Седые волосы обрамляли бледную кожу, а высокие, острые как клинки скулы придавали облику царственную суровость. Тонкие губы были сжаты в бескровную линию. Глубоко посаженные, непроницаемо тёмные глаза смотрели сквозь присутствующих, словно прозревая самую суть мироздания.

В её застывшей маске - одновременно холодной полуулыбке и бесконечной печали - сквозила вековая мудрость и читалось бремя неведомых знаний и мрачных тайн, которые живым лучше никогда не будить.

- Этот клинок нелёгок, дитя... Но если твои пальцы лягут верно, он будет рубить по твоей воле, - она продолжала вкрадчиво шептать.

Раа'си Ра'ми, восседавшая бок о бок с принцессой, безошибочно проследила за её взглядом и не удержалась от мудрого комментария. Жалкое блеяние имперского советника жрицу совершенно не занимало. Эта политика казалась ей лишь мышиною вознёй; на всё, что вершилось под сводами храма, у неё имелась своя собственная, непреложная и святая истина.

- Думаете? - голос Асгетт сочился откровенной язвительностью, когда она приподняла бровь, бросая вызов старшей.

- Уверена, - женщина ответила без малейшей заминки. Её губы дрогнули, и по лицу скользнула едва заметная улыбка - быстрая и бесшумная, словно ночной ветер, перебирающий пески дремлющих барханов.

Она перевела внимательный взгляд на делегацию Каменной Долины. Там, среди суровых мужей, царило глухое, давящее молчание. Они сидели неподвижно, словно были высечены из той же безжалостной горной породы, что и их неприступные крепости.

- А вот эти клинки уже не перековать... Их не исправит ни пекельный огонь, ни само время, - негромко продолжила Раа'си Ра'ми. В её тихом шёпоте вдруг явственно послышался лязг металла, скрежещущего по граниту. - Но именно среди них можно сыскать самую острую и безжалостную сталь, которая с одинаковой лёгкостью пустит кровь и врагу, и своему владельцу.

Асгетт принципиально не смотрела в сторону жнецов, отгородившись от них невидимой стеной, но слова жрицы пила жадно.

- Жизнь такова, дитя, - меланхолично подвела итог Раа'си Ра'ми и плавно, словно отползающая рептилия, отстранилась от девушки. - Чтобы заполучить оружие, беспрекословно послушное твоей воле, его придётся выковать самой, в собственном пламени. А потому не примеряйся к рукояти. Мерь по глубине своих ножен. Больно будет в любом случае. Весь твой выбор сводится к одному: стиснуть зубы и перетерпеть эту боль единожды или же позволить чужой стали терзать тебя бесконечно.

Липкие, навязчивые мысли о ножнах и крови, посеянные жрицей, отступили, когда тётушка решительно поднялась со своего кресла. Очередной пассаж имперца прошёл мимо ушей девушки, но воинственный настрой Артры намекал: невидимая черта только что была пересечена. Кажется, они с Кулой всё же сошлись во мнении, что пора начать убивать.

- Что ты несёшь, советник? - властный, грохочущий голос тётушки ударил по ушам присутствующих.

С неё явно хватит. Лимит выдержки был исчерпан до дна. Раз уж вся эта разодетая публика так жаждет небылиц, Артра с превеликим удовольствием выйдет на сцену и устроит им представление.

Главной и единственной её целью сейчас было полное уничтожение источника этого отвратительного голоса, который выедал ей мозг.

- Истину. Сядь на место и молчи, женщина, - с презрением выплюнул Император, словно на язык ему попала грязь. Его расплывшееся, полное лицо исказила гримаса отвращения к чужой дерзости.

- Истину? Во всём потоке, что грязной рекой излился из рта вашего подданого, не проплыло ни единой чистой истины. Как жаль, что в вашей великой Империи - Артра изящно развела руки, и её светло-русые локоны волной посыпались по спине, - Что ещё ждать от мужчин, в коих телах из двух голов, хорошо если работает хотябы та, что снизу.

От такой неслыханной наглости у присутствующих перехватило дыхание, и зал сковало оцепенением.

Шах выразительно изогнул густые брови и с легкой, почти одобрительной усмешкой качнул головой: Павира определённо умела впечатлять.

Багровея от ярости, над столом начал медленно подниматься сам Император. Его глаза метали молнии - он готовился обрушить всю мощь своего монаршего гнева на потерявшую страх нахалку.

- Сядь, Государь, - голос принца Саривии ударил как хлыст, заставив владыку осечься.
- Ты неужто с женщиной воевать собрался?

- Золотые слова. Неужели для великого властителя здесь не найдется дичи покрупнее? - с откровенной издевкой протянул Миракс.

- Хранители, это же уму непостижимо! Чтобы какие-то немытые дикари и их распоясавшиеся женщины смели... - срываясь на жалкий визг, проголосил советник. Он затравленно озирался, отчаянно ища защиты у хозяев святыни.

- Сядьте на место. Оба, - этот голос не был просто громким, он обладал архаичной мощью. Зычный, рокошующий бас самого главы ордена храма Мира обрушился на зал, мгновенно раздавив лепет имперца и впечатав присутствующих в кресла.

Речное божество непостижимым образом возвышалось прямо на центральном пьедестале главного Хранителя. Как подобный абсурд вообще мог произойти, Асгетт понятия не имела и, если уж на чистоту, знать совершенно не желала. В уме она истово молилась Иблису лишь об одном: чтобы настоящий лидер ордена оказался жив.

К Касариту же взывать не было ни малейшего смысла. Какой прок молить о милости, если вот он - стоит собственной персоной и нагло ухмыляется из-под глубокого капюшона, явно наслаждаясь происходящим?

Асгетт подалась вперёд, опершись ладонями о гладкую столешницу. Игра началась. И она, не раздумывая, делала ставку на свою тётку.

Глава 7

- Не хватит и вечности, чтобы рассказать всё то, что хранит чаша, на дне которой золотыми нитями истины оседает первородная колыбель мироздания.

Слова Артры лились непрерывным потоком, не давая слушателям ни секунды, чтобы осмыслить масштаб услышанного. Она шла вокруг стола так близко к представителям великих домов, что задевала их кресла. Её голос не просто звучал - он тяжеломерно бил в высокие своды.

Оглушительное эхо рикошетило от каменных стен и с размаху вбивалось в барабанные перепонки, начисто выжигая саму способность мыслить. От этой вибрирующей звуковой пытки Цина был готов завывать в голос. Он стиснул зубы с такой силой, что во рту появился привкус крови от крошащейся эмали.

«Святые Богини и Великие Боги, заткните её, умоляю», - эта судорожная, злая мольба иступленно билась в его сознании, едва заглушая боль. Под этим акустическим гнетом весь его извечный цинизм временно капитулировал. Цина готов был уверовать в любого демона, лишь бы это прекратилось.

- Сосуд исписан ядоносными сказаниями, которые можно вплести, словно лозы, в любой диспут. А свитками, что заполнены великой мудростью, можно укутать все земли. Или же вызвать неподдельную тошноту даже у самых искушённых садовников, что так умело стелят ковры из ложных истин.

Воистину, к горлу подступала тошнота, вызванная невыносимым напряжением. Но даже сквозь эту физическую муку Цина, вопреки собственным предубеждениям, ловил себя на мысли: для дикарки, чьё место в грязи, эта женщина демонстрировала слишком изощрённую логику. Это был заточенный, гибкий и таящий в себе угрозу ум.

Он скользнул потемневшим взглядом по фигуре серебряной девчонки, и губы его тронула кривая усмешка. Теперь он отчетливо видел корни её дерзости. Стало совершенно ясно, в кого эта девка уродилась с такими длинными клыками и языком.

- Мне сполна дали испить из чаши, чтобы заполнить то, что пусто, тем, что не помещало бы. А после завернули в шкуру барана, из которой я впитала его крайне противоречивую здравому смыслу упёртость и, как вы уже поняли, отсутствие инстинкта самосохранения. Боги же одарили меня весомой ссудой времени и, увы, интеллектуальным беспутством. И потому я сейчас трачу эту ссуду на кого-то вроде вас. Но не буду лгать, моя крайне мерзопакостная натура не может упустить возможность получить удовольствие.

Страдания публики действительно приносили ей искреннее, почти порочное, возбуждающее наслаждение. Она закрыла глаза и сделала глубокий, шумный вдох.

Казалось, она физически впитывала каждой клеточкой кожи тот густой, вибрирующий коктейль из напряжения, которым сейчас был пропитан воздух зала.

- Но вот в чём вопрос: есть ли подобная ссуда у вас? Впрочем, это уже неважно. Ведь через полчаса от моей безостановочной мантры слабые духом сорняки в состоянии полной прострации и дурноты начнут спрыгивать с балконов Храма в надежде спастись. А через час тут останусь только я, мои благие намерения нести истину целую вечность и... гирлянда лозы. Из повесившихся на ней тел.

Теперь она говорила ровно, безжизненно, словно зачитывала приговор:

- И потому, во избежание непоправимого - что за два часа этого балагана уже кажется неизбежным - настоятельно прошу прекратить распылять из своего рта «истину». Она, словно маяк, манит опьяневшие умы в удушающую ловушку, извращённо забивая гортань и оседая саваном отравы.

Артра коварно улыбнулась, продолжая обходить стол и направляясь к узкому проходу:

- Пыль коварной истины мне не страшна, во мне яда побольше, чем в любом из вас. А шею своей лианой передуть у вас не получится. Умение бесконечно и томительно содрагать помещение пустыми речами выработало полезную способность подолгу обходиться без воздуха.

Интересно, а каков предел вашего дыхания?

Встав в самом центре прохода, Артра тяжело оперлась на края огромного стола. Её правая рука с силой вцепилась в край стола с той стороны, где восседала Каменная Долина, а левая - там, где замерла Империя. Нависая над ними, словно судья, она поочередно одарила каждого долгим, пронизывающим взглядом и продолжила говорить:

- Ибо если вы ещё раз сойдёте с поля переговоров и отклонитесь в сторону окутанных дурманом лесов... Я вам эту истину, словно соцветия цикуты, в самую глотку пропихну. Так глубоко, как ни один ваш мужчина со своим большим самомнением и маленьким стеблем никогда бы не смог затолкать. А от яда цикуты, словно от умелой любовницы, кою ваш гнилой цветник никогда не лицезрел, вы получите такое немыслимое удовольствие, коего вам не сможет даровать даже самый искусный лист сансевиерии на бархатном пути в ваши сады наслаждения. Правда, посмертно. Но за эти ощущения, за эти мгновения...смерть - ничтожно малая цена, не так ли?... Истина, господа. Пейте. По капле.

Тени Первозданных взирали на Артру с родительской гордостью - так, словно именно они веками натаскивали её в изошрённом искусстве выжигать чужой разум кислотой ядовитого красноречия. Да и сам владыка Долины откровенно залюбовался этим зрелищем. В непроглядной глубине его древних, повидавших крах империй глаз мелькнуло нечто совершенно немыслимое. Уважение.

- Она высечена из того же камня, что и наши женщины, не находишь? - негромко, с затаённым восхищением обронил Шах, обращаясь к внуку и ни на секунду не отрывая взгляда от беснующейся представительницы Павиры.

- Чем же? - на лице Цины отпечатался настолько откровенный скептицизм, что его, казалось, можно было потрогать руками.

Шах в ответ лишь усмехнулся и с размаху, увесисто шлёпнул внука по ноге. Наклонившись к самому его уху, старик обдал Цину горячим дыханием и понизил голос до хриплого шёпота:

- Яйцами, мальчик мой. Которые, сдаётся мне, будут покрепче и побольше твоих.

Коротко, беззвучно хохотнув, Шах обнажил зубы в довольной хулиганской ухмылке и заговорщически подмигнул своему преемнику.

Если уж дед Равель ставит в один ряд эту женщину с их матерями и сёстрами... Вывод напрашивался сам собой: старый властитель окончательно выжил из ума. Однако Цина совершенно не спешил предаваться скорби. Судя по тому, с какой скоростью его собственные мысли скатывались в бездну, очень скоро он и сам составит компанию главе рода в этом коллективном сумасшествии.

Он мазнул цепким взглядом по лицам присутствующих, мгновенно считывая расклад. С одной стороны - налитое дурной кровью, багровое лицо Императора, чьи желваки ходили ходуном от едва сдерживаемого бешенства. С другой - расслабленные, донельзя довольные ухмылки саривийцев, которые откровенно смаковали каждую секунду этого публичного унижения монарха.

Хранители же, проглотившие дерзкие выпады в адрес имперской короны, хранили безмолвие, а павирцы демонстрировали полное бесстрашие. В их расслабленных позах читалась абсолютная уверенность тех, кто уже прочитал последнюю страницу истории и знает исход всех будущих войн.

Взгляд Цины скользнул дальше и споткнулся о повелителя Вархи. Владыка шурился тяжело, по-волчьи. Так смотрит зверь, ожидавший растерзать беззащитную овцу, но внезапно осознавший, что перед ним из тьмы восстало шестилапое, клыкастое чудовище.

Он источал неправильную, искаженную ауру, от которой веяло хтонической жутью. Мозг Цины ещё не успел облечь тревогу в слова, а тело уже среагировало: мышцы натянулись, как корабельные канаты, а древние, первобытные инстинкты взвыли об угрозе.

- Что-то не так, мой Шах, - едва слышно выдохнул Цина, подавшись к деду ровно настолько, чтобы слова растворились в воздухе, не достигнув чужих ушей.

- Знаю, - отрезал Шах глухим тоном, отсекающим любые расспросы.

Старик остался неподвижен. Ни дрогнувший мускул, ни изменившийся взгляд не выдали его внутреннего напряжения. Он продолжал неотрывно следить за залом, казалось, полностью игнорируя внука.

Но Цине этого было достаточно: он безошибочно понял, что дед тоже учуял в воздухе отчётливый металлический привкус надвигающейся бури.

Артра тем временем медленно прошла взором по каждому в этом зале. Когда её взор скользнул по делегации Вархи, губы женщины тронула мягкая, снисходительная улыбка - так мать смотрит на провинившееся, непутёвое дитя.

Замерев посреди прохода и приковав к себе всеобщее внимание, она плавно перевела взгляд на Павиру и Триту:

- Цветы завяли, зубы показаны, - её голос прозвучал негромко, но разнёсся по всему залу.
- Полагаю, настало время перейти к сути, не находите? Открывайте свитки.

Все присутствующие посмотрели на свёртки
с абсолютно одинаковым выражением лиц и с одной-единственной мыслью:

«А может, ну его в бездну?»

Тётушка, выразительно закатив глаза к сводчатому потолку, решительным шагом миновала ступени Хранителей. Сорвав тяжёлую сургучную печать со свитка с требованиями для Павиры, она эффектно взмахнула руками, швырнув край пергамента вниз.

Задумка была поистине грандиозной, но реальность внесла свои коррективы. Окованные металлом края с оглушительным грохотом брякнули о каменные плиты, и свиток, словно живой, резво покатился через весь зал длинной ковровой дорожкой, упорно не желая останавливаться. Лицо тётушки, ошарашенно провожающей взглядом эту бесконечную бумажную реку, вытянулось и стало настолько комичным, что Асгетт пришлось до боли закусить губу, спасаясь от неуместного приступа смеха.

Вслед за первым свитком по каменным плитам с сухим шелестом пронеслась точно такая же простыня, предназначенная уже для Триты. Она легла параллельным курсом, усеивая пол текстом.

- И не отсохла же у кого-то рука столько... марать бумагу, - совершенно искренне и на весь зал поразила Артра, задумчиво рассматривая масштабы исписанного пергамента.

Однако стоило Артре опустить взгляд, как её величественная снисходительность мгновенно испарилась. Глаза женщины сначала изумлённо округлились, а затем сузились, словно в этих строчках притаился её кровный враг.

Яростно щурясь, она едва ли не носом уткнулась в бумагу, отчаянно сясь расшифровать убористые каракули, нацарапанные издевательски мелким, абсолютно нечитаемым бисерным почерком.

На лицах представителей Триты синхронно отразилось точно такое же глупое, беспомощное замешательство.

А вот юный принц Саривии и вовсе с лёгким сердцем наплевал на строгий этикет. Прогноировав предостерегающе вскинутую руку своего отца, он проворно нагнулся, юркнул прямо под стол и вынырнул уже с другой стороны.

Встав ногами аккурат между раскатившимися свитками, он с любопытством заглянул в текст. Секунду спустя гулкую тишину зала разорвал его смех - чистый, звонкий, мальчишеский и до безумия заразительный.

- Я искренне прошу прощения, - подала голос тень Первозданных, и её мягкий шёпот мгновенно разнёсся под сводами. - Не подскажете ли, любезные, чьё перо породило этот шедевр? Мы, признаться, понятия не имеем, что это за язык.

- Признаться, достопочтенная, сие безобразие и мне не под силу разобрать, - насмешливо, с лёгкой досадой протянула Артра.

Сложив руки за спиной в обманчиво расслабленном жесте, она неспешно двинулась вдоль бесконечной бумажной простыни.

Артра шагала так, словно прогуливалась по весеннему саду, при этом отчаянно высматривая в море нечитаемой писанины хоть что-то, отдалённо напоминающее знакомые буквы.

Асгетт нагло косилась в свиток Триты, уже прикусывая изнутри щёку, чтобы сдержать рвущееся наружу веселье.

Расслабленно откинувшись в кресле, она впервые за всё время перевела взор на наследника Каменной Долины. В этом взгляде читался откровенный вызов - дерзкий, прямой, лишённый даже намека на девичье смущение.

Преемник Шаха, казалось, только и ждал этого момента. Он ответил ей улыбкой - дразнящей, откровенно упивающейся всеобщим замешательством. Его глаза сощурились, и из-под густых чёрных ресниц полыхнуло искушающее алое пламя.

Желваки едва заметно перекатывались под кожей острых скул: он явно прилагал немалые усилия, чтобы не растянуть свои полные, манящие, словно созданные для греха губы в ещё более широкой ухмылке.

«Вот же змей, - подумала она, пока по её спине пробегала волна мурашек. - Откусить бы ему что-нибудь ради приличия».

Разумеется, сама Асгетт ни секунды не сомневалась в том, какая именно плоть пала бы жертвой.

Строки вились по пергаменту на забытом, мёртвом языке Ночи. Его тайны знали только наёмники Вархи и жнецы, веками делившие одну мать-тму.

Мудрецы-Хранители, зарывшись в свои бездонные архивы, несомненно, взломали бы этот шифр. Вот только на кропотливый перевод ушли бы долгие, мучительные недели. И в этом крылась гениальность плана: по незыблемым законам храма Мира, пока брошенный вызов лежал на столе, а спор считался открытым, никто из присутствующих не имел права сделать и шага за порог. Капкан захлопнулся, превратив святыню в роскошную, душную клетку.

- Мы зачитаем вслух, избавьте себя от лишних тревог, - с мерзкой, масляной ухмылкой протянул имперский советник. - Из уважения к вам мы выделим лишь ключевые пункты. Примите наши искренние извинения за это недоразумение.

Вельможа натянул на лицо фальшивое смущение.

- Понимаете, мы были уверены, что вы... ну, скажем так, не обучены грамоте. А раз так, то какая разница, на каком языке составлен свиток?

Цина тихо хохотнул, снисходительно оглядев советника.

Замысел Империи шился белыми нитями. Спектакль для дураков: советник зачитает пустяковые уступки - клочки земли, квоты на ресурсы, горстку рабов взамен погибших солдат. Они быют на то, что никто не станет гнить в этом зале ради перевода и сверки каждой строчки.

На деле же в свитках крылись условия для тотального рабства Триты и Павиры, а вовсе не для мира. Ловушка, в которую они должны были ступить добровольно. Неописуемо жестокие тиски, на которые Империя жаждала получить слепое согласие.

Чтобы сразу после Совета, заключив союз с наёмниками из Вархи, победным маршем пройти по землям врага, сея чуму и смерть. А если Трита и Павира рискнут созвать новый Великий Совет, этот свиток станет неопровержимым доказательством: враги сами подписались под своей участью.

Девять великих государств. Столько Империя уже сожрала с помощью этой уловки. Те соглашались на любой позор, потому что им нечего было выставить против ненасытного чудовища.

Но у Павиры и Триты монета была другой - они пока сполна откупались сталью, всаживая её по самую рукоять в брюхо имперцев. Именно поэтому врагам пришлось так изощрённо исхитриться теперь.

Опустив глаза, Асгетт принялась неспешно, с нежностью выводить невидимые круги металлическими когтями по каменной столешнице. Тихий скрежет стали о древний камень заставил ближайших соседей поежиться.

- Хранитель, подойди, - велела она. Её голос прозвучал негромко, но настолько отчетливо и властно, что не допускал ни малейших промедлений.

Главный Хранитель неспешно спустился по ступеням, увлекая за собой длинные, шуршащие шлейфы раскатанных свитков.

Коротко, по-стариковски шикнув на саривийского принца, топтавшегося прямо на документе, глава ордена - а в действительности само древнее божество - скалился во тьме капюшона.

Улыбка была настолько ликующая, что у него едва не сводило щёки. В сознании бессмертного сладким эхом отдавался мотив молитвы, которую пели ему его дети:

Под сплетением древних древ
В царстве вечной немоты
Спит рогатый древний зверь
Царь преданий и черты
Души мёртвых он сзывает
И пасёт в чёрных волнах

Слог бессмертный берегает
Что чужд призрачным умам
Боже наш в веках забытый
Первый стих и корень жил
Путь во тьме глухой, сокрытой
Нам сквозь мрак ты укажи...

Тот, чьё рождение случилось на стыке первозданных эпох, знал природу каждого звука, ведь все языки рождались при нём. Неудивительно, что тайны мёртвого языка Ночи он открыл принцессе ещё в детстве.

Девочка бредила безликими жнецами, а потому она поглощала знания с таким рвением, что несчастное божество уже стократ прокляло своё решение.

Благо, корпеть над свитками, осваивая чтение и письмо, маленькая паршивка категорически не желала. Куда больше ей нравилось просто чесать языком. Да и чем, в конце концов, ещё развлекаться будущей правительнице? Не крестиком же на холсте вышивать, ей-богу.

- Переведи только самое интересное, о великий Хранитель, - с явной, неприкрытой насмешкой тихо скомандовала Асгетт. Изящным движением она откинула мешающие пряди за спину.

- Вот так всегда ко мне и обращайся, - донесся из-под плотного капюшона довольный шёпот Бога. - И руку поцелуй для приличия.

- А больше тебе ничего не поцеловать? - ехидно изогнув бровь, поинтересовалась девушка. На её губах заиграла откровенно плутовская улыбка, далекая от этикета.

- Ну не при всех же, бесстыжая, - довольно прошипел Бог.

Он буквально упивался растерянностью и паникой, которые медленно расползались по залу от их тихой беседы. Воцарился абсолютный ментальный тупик - никто не понимал ровным счётом ничего.

Сам глава священного ордена стоял, скорючившись полубоком и вполуприсядку у стола и увлечённо что-то втолковывал девчонке, активно тыкая пальцем в свитки.

Только представители Павиры сидели относительно спокойно. Немного окосели, правда, поглядывая на это, но вполне держали лицо. Бедняги, они же до этой минуты понятия не имели, что прямо перед ними возвышалось их собственное Божество.

- Позволено ли будет узнать, чем именно вы собираетесь заняться? - сухой, ровный голос Шаха нарушил повисшую тишину.

- Переводить собираемся, властитель, - небрежно бросила Асгетт, скользнув по нему быстрым, оценивающим взглядом.

Старик буквально источал угрозу. Высокомерный, с лицом, изрезанным глубокими морщинами, словно трещинами на древнем камне, он казался слишком статным и холёным для

своих тысячелетий. Она мысленно хмыкнула: в лучшие годы этот дедок, без сомнения, мало чем отличался от своего преемника. Порода-то одна.

Вслед за словами девушки представители Каменной Долины и Вархи разразились дружным, раскатистым хохотом, заставив имперскую свиту болезненно поморщиться.

Этот смех был полон мужского превосходства. Они откровенно сомневались, что её скудного ума хватит на то, чтобы распутать тайны истлевшего, мёртвого наречия.

Наблюдавший за ней Цина никак не мог согнать с лица ухмылку. Кажется, за этот день он исчерпал весь свой запас улыбок, накопленный за все пять веков существования.

В нём даже проснулось желание помочь девчонке укротить их язык. Способная, за пару совместных ночей схватит основы.

- Я ни в коем случае не принижаю глубоких познаний почтенных Хранителей, - заговорил Шах, когда смех поутих. - Наверняка глава ордена со временем выдаст нам вполне сносный перевод. Но к чему терять драгоценные дни? Не будет ли разумнее обратиться к совести и языку «Великой Империи»? Всё же, это именно они диктовали условия советникам Вархи от первого до последнего слова.

Божество попросту проигнорировало деда. Ещё бы он тратил своё драгоценное внимание на всякие старые мухоморы!

А вот неестественно добрая улыбка и дьявольский прищур властителя Долины откровенно подействовали Асгетт на нервы. Не желая уступать, она растянула пухлые губы в точно такой же притворной гримасе и сощуриив глаза до тонких щелочек, заговорила - плавно, на безупречном древнем наречии:

- Зачем нам просить о снисхождении Империю, если под боком есть Великая Каменная Долина? Скажите-ка мне, господин, - умышленно урезав титул великого Шаха до рядового обращения, Асгетт обвела замерших жнецов взглядом. - Во фразе «мы надругаемся над каждым жителем Павиры, от ущелья Руты до северных земель» каков, по-вашему, точный порядок действий?

Шах резко облокотился о стол, подавшись вперёд, будто пытался получше разглядеть девчонку. Наглая улыбка в миг слетела с его губ, и лицо старика превратилось в абсолютно непроницаемую маску.

Цина уставился на деда, словно прося подтверждения, что это лишь слуховая галлюцинация. Но чуда не произошло. В этот момент он предельно четко осознал: его снова где-то очень виртуозно и красиво развели.

- Я считаю огромным допущением, что здесь не указано, с кого именно воинство начнёт в первую очередь, - яд сочился из гортани Асгетт, переплавляясь в слова. - Кого же они предпочитают больше: стариков, женщин, младенцев? Или, может быть, мальчиков? Будьте так любезны, расскажите о вкусах солдат, господин. Вы-то наверняка знаете.

Представители Долины окаменели. Зал заполнил лишь свист воздуха, который они яростно втягивали ноздрями. Металл на столе принял зловещий, антрацитовый оттенок, покрываясь шевелящимися, живыми тенями.

Делегация Вархи заозиралась на своего владыку, но тот ответил лишь жуткой, перекошенной улыбкой. В его глазах плясала призрачная белая дымка, а взгляд обещал скорую и мучительную смерть.

«Отлично сработано, принцесса. Вызверивать чужаков и наживать смертельных врагов - твоя лучшая привычка», - мысленно съязвила Астетт, осекая себя.

Взгляд Цины тут же полыхнул красным огнём. Облизав сухие губы, он поймал себя на странном, непривычном возбуждении. Плоть оставалась спокойной, но разум ликовав - девчонка виртуозно вела свою партию, искусно, шаг за шагом, доставляя ему удовольствие. Её слова дразнили.

Эгоистичный ум, всегда деливший реальность по строгому принципу «есть только моё мнение и есть неправильное», мгновенно включился в игру и заработал на пределе возможностей.

Вместо ожидаемой вспышки гнева Шах вдруг разразился хриплым, каркающим смехом, от которого у многих по спине пробежал неприятный холодок.

Он небрежно обвел взглядом свою делегацию - напряженную, ошетинившуюся, словно стоя гиен перед прыжком. Усмехнувшись, старик бросил им с нескрываемой подначкой, безукоризненно выговаривая слова на языке Ночи:

- Ну что, великие воины? Поведайте же девице, чего застыли?

Челюсти нервно заходили ходуном, а пальцы сжались в кулаки. Вся делегация как по команде уставилась в одну невидимую точку, упорно играя в молчанку.

Никто не смел даже пискнуть. Открыто рассуждать о подобном в присутствии Шаха было бы самоубийством.

- Какие праведники, ты только погляди, - Шах с наигранным восхищением покачал головой. - Наши великие воины наверняка свято блюдут обеты безбрачия и ни в коем разе не марают руки развратом или насилием над беззащитными. Истинные святые во плоти.

Старик выдержал паузу и медленно повернулся к преемнику:

- Так, может, хоть ты просветишь нас, внук? - голос его на последнем слове дрогнул почти ласково, но в этой ласке было больше угрозы, чем в оружии на столе.

- Сдаётся мне, мой Шах, что отныне вкусы этих мужей сузятся исключительно до павирских прелестниц, - с приторной, обманчиво покорной улыбкой протянул Цина, многозначительно выделяя каждое слово.

- Вход строго по одному и только после окончания Великого Совета, - Асгетт манерно, с донельзя фальшивым смущением опустила пушистые ресницы. - Но при одном крошечном условии: кандидаты должны быть хотя бы немного симпатичнее, чем наследник Каменной Долины. А это, согласитесь, планка не то чтобы высокая.

Шах внезапно поймал себя на мысли, что смотрит на неё с несвойственной ему теплотой - словно на собственную внучку. Эта девчонка, с её колючим языком и строптивым нравом, определенно пришлась ему по душе.

И на удивление, оскорбление не разозлило Цину - напротив, оно разожгло в его глазах ещё больший, фанатичный азарт. Он шумно вдохнул сквозь зубы и покачал головой. Эта девичья дерзость ударила в голову, опьяняя сильнее любого выдержанного вина.

Он медленно наклонил голову, ловя её взгляд и беззвучно артикулируя губами ответное, явно нецензурное обещание, а затем развязно откинулся на спинку кресла, всем видом показывая, что вызов принят.

Эта девка не могла уродиться в Павире. Попросту невозможно. Цина был уверен в этом. Понять бы только, откуда она вылезла и как теперь залезть туда самому...

Домыслы о её происхождении не давали Цине покоя. Вековые чистки Империи, капля за каплей выжигавшие древние династии, казались безупречными лишь на первый взгляд. Даже железная хватка завоевателей порой ослабевала, позволяя уцелевшим потомкам угасших королевств укрыться на глухих окраинах мира - в Вольных землях или той же Павире. Именно там, на задворках цивилизации, благородная кровь могла смешаться с грязью дикарей. Но Цина был готов закрыть на это глаза. Пусть она всего лишь полукровка, этот осколок бывшего стоил того, чтобы простить ей досадную скверну. Дело оставалось за малым - выпытать у неё правду.

Едва этот бесконечно долгий Великий Совет подойдёт к концу, он выследит её и загонит в ловушку в тёмных храмовых коридорах, где не будет лишних глаз. Впечатает спиной в шершавый камень стены, намертво перекрывая любые пути к отступлению своим телом и устроит ей допрос, позаботившись о том, чтобы она не могла воспользоваться своей дурманящей песней. Долгий. Изнурительный.

До животного трепета жёсткий и ритмичный.

Цина уже физически ощущал это тепло, эту скользкую испарину на обнажённых ключицах. Представлял, как сдавит ладонью её горло и сквозь тонкую кожу пальцами будет ловить каждое движение - то, как её гортань судорожно, на пределе сил сжимается, пытаясь принять в себя это навязанное вторжение.

И лишь иногда он милостиво будет освобождать её пленённый, саднящий рот: только для того, чтобы она могла с хриплым, влажным стоном сделать вдох и выдохнуть прямо ему в бедро ответы на вопросы, которые так сводили его с ума.

Мысли текли слишком быстро, подстёгиваемые желанием. Медленно выдохнув, Цина превратился в оголённый нерв, безошибочно улавливая малейшие колебания в настроении собравшихся.

Он физически осязал немую злобу имперцев - их запечатленную в свитках речь Хранитель прямо сейчас монотонно оглашал на весь зал. Видел откровенный, почти неприличный восторг Саривии: их правитель увлеченно шептался с сыном, многозначительно стреляя глазами в сторону юной девицы. Замечал и тот благоговейный трепет, с которым послы Триты взирали на павирских делегатов.

Но всё это померкло, стоило Цине перевести взгляд на правителя Вархи, а затем на свой брошенный на столе меч.

«Что с тобой, Владыка? Одурманили? С чего вдруг ты так покорно проглотил язык?» - билась в голове тревожная мысль. Пальцы невольно сжимались, мышцы вновь налились свинцовой тяжестью, предчувствуя скорую кровь.

Затаив дыхание, он напряженно вслушивался в каждое чужое слово, которое эхом отскакивало от холодных каменных стен.

Глава 8

Мужчинам Павиры и Триты - кандалы и пожизненное рабство в каменоломнях. Женщинам и детям - показательное, ломающее волю насилие на площадях. Старикам - нож.

Свитки, что были скреплены тяжелыми имперскими печатями, диктовали полное, безоговорочное подчинение земель, лишаящее их даже унижительного статуса колонии. Вольные земли подлежали тотальной зачистке: павирское войнство следовало выследить до последнего бойца и истребить. Выкачать редкие ресурсы, оголить шахты, пустить по ветру пепел сожженных полей.

Император жаждал видеть новый мир, укрытый саваном непрекращающихся истязаний. И это были лишь сухие тезисы.

Цина примерно представлял, что скрывается за строчками чернил. И все же извращенная, масштабная фантазия Императора поражала даже преемника Шаха. Принести подобное на Совет, пусть даже надежно укрытое за вязью мёртвого языка, граничило с безумием.

Он ни на миг не сомневался в конечном триумфе Империи. Пусть война затянется на десятилетия - ее финал предрешен.

Вот только эти свитки, к величайшему несчастью для завоевателей, Хранитель умудрился перевести. Императору, который привык брать врага за горло быстро и намертво, теперь придется познать игру в долгую. И, кажется, он только что нажил себе лишних врагов.

Правитель Саривии с нарастающим ужасом осознал: они могут быть следующие в очереди на заклание. Он чувствовал, как под тяжелой парчой парадного одеяния по спине струится холодный пот.

Чудовищные аппетиты Империи были ненасытны - эта гидра не успокоится, пока не поглотит весь континент до последнего клочка земли, перемолов его независимость в прах.

Теперь стало предельно ясно: любые мирные соглашения, пакты и скрепленные клятвами союзы с завоевателями - не более чем клочки бумаги, дарующие лишь временную отсрочку перед неминуемой казнью всего народа.

- А хер им в рот положить там не написано? - поинтересовалась Асгетт.

Она даже не подняла головы, продолжая усердно ковырять ногтем камень стола.

Святотатственный вопрос был задан с такой детской невинностью, что, пожалуй, все в зале мысленно разделили её любопытство. Даже имперцы, к которым эта реплика относилась напрямую. Последние усердно делали вид, будто впервые слышат подобные требования, словно свитки подменила сама проклятая бездна.

Кула ласково погладила дочь по волосам, закрепляя эффект от её слов:

- Наверняка написано. Обещаю, когда мы доберёмся до этой строчки, выполним имперское требование в первоочередном порядке.

- Благодарю, Хранитель, этого достаточно, - оборвала его Раа'си Ра'ми.

Жрица приподнялась. В наступившей тишине она властно провела ладонью по раскинутым на столе свиткам.

- Не ищите себе врагов, словно любовниц по всем углам, у вас и так их уже достаточно. И будьте осмотрительны, когда сойдёте с изломанного хребта своей жертвы. Ибо последний противник, всё это время стоявший за спиной, полон сил и чистой ярости. Он - сама пустота, облеченная в сталь.

Она устремила взор на имперского правителя.

От волн чистой, необузданной силы, хлынувших от этой женщины, всем присутствующим в зале мгновенно стало дурно. В ушах оглушительно зазвенело. Кровь бешено бурлила, будто стремясь разорвать сосуды и хлынуть наружу.

- Для вас игра лишь нужда. Его же право на игру - то суть, рожденная из хищного первородства, что пульсирует под кожей боевым кличем.

Раа'си Ра'ми говорила спокойно, но во взгляде бушевала буря.

- Враг, которого вы столь неосмотрительно пригнали на своей шахматной доске, скрывает лезвия под маской смирения. Как подлинный вертоградарь, он знает по именам, лицам и вкусу всё, что дышит и растёт. И может без страха прикоснуться ладонью к дурной траве. Ибо истина в том, что не он её боится, а она - его.

Гордо вскинув подбородок, она изрекла непреложную волю, не терпящую возражений:

- Мира на твоих условиях не будет. И лучше бы тебе помнить, Император, как твои воины подышали на собственных границах от нашей стали. И поверь, они будут подыхать так и впредь.

- Советую вспомнить и о геройствах на наших границах, - подхватил Миракс. - Мы там оплакивали лишь твоих бойцов. Что же до Ям - нас мало заботят нужды жнецов и невозможность для Империи развернуть работорговлю. Вольные земли останутся под стягом Павиры. Так есть, и так будет.

Лицо Императора исказила жуткая, безумная улыбка, обнажившая кривые зубы.

- А вы не забывайте, что я еще даже не начинал эту войну - девять десятых моих сил всё еще ждут приказа, - владыка посмотрел в глаза Раа'си Ра'ми. - Помимо кроме крови и плоти, в глубоких подземельях Империи сидят на цепях создания, чья природа куда интереснее твоей, жрица.

О жутких тварях, которых Император собирал в свою коллекцию, шептались во всех уголках континента. Однако миролюбивый владыка редко спускал их на поле боя, жалея невинные жизни. В самом деле, к чему бессмысленно рвать плоть несчастных на куски, если живой

товар можно выгодно продать в рабство? Поистине, безграничное милосердие и высшая степень государственного гуманизма. Но именно сейчас этот добрейшей души правитель предельно ясно дал понять: время милосердия вышло. Он готов спустить всех своих кошмарных зверушек с цепей. В конце концов, питомцам тоже нужно размять лапы и вдоволь порезвиться на свежем воздухе.

- Оставьте души себе, мне они ни к чему. Дешевый и совершенно паршивый товар, - лениво бросил Шах, бесцеремонно врываясь в разговор. Он медленно повернул голову, и его пронизательные глаза остановились на замершей Асгетт. - Твоя дочь?

Кула напряглась. У нее и без того был отвратный характер, а от долгого пребывания в местах, где слишком много болтают, она и вовсе зверела. Когда же дело доходило до ее детей...

- Моя, - невозмутимым тоном отозвался Миракс.

И едва ли он лгал: он первым взял её на руки, первым поцеловал в макушку. Именно он дал ей имя, которое не успела подарить умершая мать. Пока овдовевший царь Цэссы едва соображал от горя, дядя сам баюкал дитя и искал ту, что способна заменить малышке родную кровь. Будучи младшим братом-близнецом погибшей, Миракс перенёс эту утрату тяжелее остальных. Он поклялся любить племянницу как родную дочь - в память о Башши, и эту клятву сдержал сполна. Её он и впрямь любил больше всего на свете, даже больше родных сыновей.

- Отдать не хочешь? - произнёс Шах так ровно и обыденно, точно речь шла о покупке хорошей лошади на ярмарке.

- Мы связаны пактом, Шах! - Император рывком поднялся на ноги, его голос предательски дрогнул от закипающего бешенства. - Тебе не дозволено заключать сепаратные соглашения с врагом!

- Свои обязательства в этой войне я выполнил сполна, - Шах тоже поднялся, упираясь тяжелыми кулаками в каменную столешницу. Нависая над столом, он словно сминал Императора своей массивной фигурой и вперил в союзника тяжёлый, немигающий взгляд. - А вот когда Империя соизволит выполнить свои? М-м? Вот с чего тебе следовало начинать этот разговор. И не смей диктовать мне, что я могу делать, а чего нет.

Крыть Императору было нечем. Он откровенно тянул с обещанной помолвкой, цинично прикидывая, на чей член будет выгоднее насадить свою дочь, обделённую правом на престол. Точно так же самая богатая на континенте казна поскупилась выплатить полную сумму за кровавую работу армии Долины. Война, которую имперцы планировали как самую молниеносную в истории, обернулась для них дорогой бойней в грязи, где золото утекало сквозь пальцы быстрее, чем успевала сохнуть кровь на клинках врагов.

- Каков твой ответ? - голос Шаха прозвучал жёстко и требовательно, не оставляя пространства для маневра и не терпя отказов.

Старик вперил в Миракса неотрывный, давящий взгляд, и эта немая, хищная зоркость выдавала в нем того, кто готов в любой момент перерезать партнеру глотку.

Цена сидел неподвижно, подперев кулаком челюсть, с интересом разглядывая деда.

«У старика точно кровля протекает», - усмехнулся он, но протестовать не собирался. Перспектива приручить эту девку манила его слишком сильно, будоража кровь порочным предвкушением. Нужно было просто выторговать её на выгодных условиях.

- Мы не продаём своих дочерей, Шах, - ответил Миракс, спокойно выдерживая испытующий взгляд. Голос его лился мягко, словно дорогой шёлк, но за этим дружелюбием скрывалась непреклонная воля.

«Расскажи это кому-нибудь другому», - мысленно хмыкнул Цина, прекрасно зная, что у всего в этом мире есть своя цена. Для него отказ Миракса был лишь началом торгов.

Равель чувствовал нутром, что девчонку нужно заполучить, какой бы ни оказалась цена.

- Я не предлагаю банальную продажу... - попытался перехватить инициативу Шах, чуть нахмурившись и неторопливо поправив перстни на пальцах.

- Это одно и то же, - наотрез отсекла Кула, не дав ему закончить фразу.

Она подалась вперёд, и в её прищуре промелькнуло нечто настолько первобытное и злое, что наступившая тишина сделалась удушающе густой.

- К чему тебе девочка? - словно между делом вступил в разговор царь Саривии, откидываясь на спинку кресла и скреживая пальцы.

Для него явно не было секретом, что жнецы из-за своей крови почти не способны дать потомство от чужеродных женщин. Любое дитя от такого союза было обречено ещё в утробе. Поэтому интерес Шаха сейчас выглядел крайне подозрительно - ведь девица из диких земель не способна была принести даже того малого, что обычно ценилось в союзах: ни золота, ни статуса. Вопрос царя Саривии теперь звенел как обвинение в скрытых и опасных намерениях.

- Для созерцания. В Долине не растут красивые цветы, - произнес Шах с такой безупречной, почти правдоподобной печалью, что в нее действительно можно было поверить. - Неужто и ты возжелал в свои сады столь редкую диковину?

- Мы не покупаем чужих дочерей, - ответил властитель Саривии, и на его губах заиграла снисходительная улыбка. - К счастью, у нас достаточно собственных.

Пока Цина со стороны наблюдал за этим обменом любезностями, внутри него всё сильнее закипал азарт. Пока старики мерились гордостью своих государств, девка по-прежнему оставалась ничьей.

- Боги, да пусть забирает! - Артра расплылась в широкой, предвкушающей улыбке, весело зыркнув на правителя Каменной Долины. - Даром отдадим, ещё и сверху приплатим.

Лишь привычно вздохнув, Асгетт продолжила своё занятие. Родственники бы и самой Бездне её продали, исключительно ради удовольствия лицезреть, как древнее зло будет на коленях умолять о пощаде и просить забрать это чудовище обратно.

В зале на мгновение повисла оторопелая пауза: никто не ожидал, что в разгар тяжелейшего политического кризиса эта семейка начнёт откровенно забавляться.

- Принесите, - словно не обращая внимания на назойливый шум, скомандовал Миракс, коротким жестом отсекая лишние разговоры.

Из тех же дверей, что впустили Хранителей, безмолвно вынырнула вереница крепких носильщиков. Они тяжело, хрипло дышали, сгибаясь под непомерным весом исполинских сундуков, накрытых плотным, лежащим глубокими складками рубиновым бархатом. С глухим, сотрясающим пол стуком они расставили свою ношу идеальным кольцом прямо в самом сердце зала Совета, у всех на виду. Медные скрепы на сундуках зловеще блеснули, заставив присутствующих податься вперед.

- Открыть, - упало в звенящую тишину короткое слово.

Стало отчётливо слышно наглое жужжание одинокой мухи, потирающей лапки где-то под сводчатым потолком. Рубиновый бархат с тихим, шуршащим вздохом спал на пол, и зал коллективно ахнул: сундуки были до самых краев набиты чистейшим кальсом.

Вместо жалких, мутных осколков внутри лежали массивные камни, пульсирующие неземной, глубокой голубизной. От этого холодного свечения, затопившего зал, тени у стен сделались угольно-черными, а воздух над сундуками едва заметно задрожал, словно от невидимого жара.

Свита, жмущаяся у стен, жадно вытягивала шеи, всматриваясь в сокровище безумными, голодными глазами. Имперские вельможи оцепенели, напрочь забыв, как моргать, а у главного советника при виде этого немыслимого богатства едва ли не капала слюна на расшитый воротник. Каждый в этом зале понимал: в сундуках лежало богатство, превосходящее горы имперского золота, - чистая, ослепительная власть.

- Ровно столько же мы даруем великой Империи сверху, если прямо сейчас на стол ляжет договор от Павиры и Триты, а вы его незамедлительно подпишете, - в голосе Миракса не было никакого торжества, лишь непоколебимая уверенность.

Собственное потрясение скрыть не удалось: Цина застыл, не в силах отвести взгляда от сундуков. Казалось, его глаза ещё никогда в жизни не распахивались так широко - до ломоты в веках, до рези, словно само тело отказывалось принимать открывшуюся картину. В горле мгновенно пересохло, будто он разом проглотил горсть раскалённого песка, и язык прилип к нёбу, отказываясь шевелиться.

Кальс выглядел живым, пульсирующим и притягательным - в его сапфировых глубинах томились настоящие души. Они перетекали и беззвучно кричали, запертые в гранях, точно насекомые в янтаре. Те жалкие крохи камня, над которыми веками тряслась казна, и близко не излучали подобной магии. Откуда у них такие залежи?

Мысль билась в черепной коробке, точно пойманная птица, и не находила ответа. За это богатство можно было купить весь мир, причём вместе с обитателями. Дважды.

Взгляд его инстинктивно метнулся к девчонке. Мозг уже пытался высчитать её новую, поистине астрономическую стоимость. Но сияние камней безжалостно развеяло его амбиции: с такими ставками ему придётся просить саривийского принца войти в долю и скинуться по-братски. Сбережений Долины теперь не хватило бы даже на то, чтобы выкупить право просто дышать с ней одним воздухом.

- Так что же? - Миракс выдержал паузу, медленно обводя взглядом замерших имперцев и намеренно затягивая их пытку. - Этого будет достаточно, чтобы с лихвой окупить все потери Империи?

- Достаточно, - тихо и хрипло признал Император.

Он нервно откашлялся, но его взгляд оставался намертво прикованным к пульсирующим сапфировым глубинам, а в расширенных зрачках одержимым блеском отражалось это сияние. Священный свет сокровищ мгновенно затмил и растоптал всю его гордыню, превратив могущественного владыку в безвольную марионетку, готовую предать всё ради одного прикосновения к этим камням.

Артра плавно, с кошачьей грацией выложила на стол заранее подготовленный договор. Делегация Павиры прописала каждое слово ещё до того, как переступила порог храма. Трита же хладнокровно добавила свои условия под шумок, пока Хранитель усыплял бдительность зала чтением имперских свитков. Всё было оговорено, просчитано до секунды - идеальный политический капкан. И он сработал.

Император, одурманенный зовом кристаллов, даже не вчитался в текст. Один из Хранителей безмолвно шагнул вперёд и, взяв с заваленного оружием стола ритуальный клинок, поднёс его правителю. Дрожащими пальцами владыка перехватил рукоять, без раздумий полоснул по ладони и тяжело припечатал окровавленную руку к пергаменту, навсегда скрепляя чужую победу своей кровью.

В зал втащили новую партию калья, при виде которой даже у бывалых воинов перехватило дыхание. На этот раз обошлись без сундуков: огромные глыбы, грубо замотанные в плотную ткань, с тяжелым, оглушительным стуком опустились прямо на столешницы, заставив затрещать массивную мебель. Но когда покровы были сорваны, зал содрогнулся от ужаса.

Под полупрозрачной сапфировой толщей пульсирующего минерала застыли имперские воины. Их лица исказила немая агония - они ещё не успели до конца обратиться в камень, застряв на границе между жизнью и вечным пленом. Сквозь кристаллическую плоть зловеще просвечивали застывшие жилы и широко распахнутые, остекленевшие глаза.

Тощий советник Империи издал сдавленный хрип и в приступе панического безумия принялся судорожно срывать с собственного воротника драгоценности, словно те внезапно начали жечь ему кожу. Его пальцы в кровь раздирали дорогую ткань, а сорванные камни со звоном раскатывались по полу.

- Они еще не готовы, - негромко произнес Миракс, и на его губах заиграла тонкая усмешка, в сиянии калья обнажив острые, неестественно белые клыки. - Придется запастись терпением. Но вы уже можете предать своих людей земле, как и завещали ваши исконные обычаи.

Он медленно поднялся, его тёмные одежды бесшумно скользнули по полу. В абсолютной, парализованной ужасом тишине он отвесил безупречный, церемонный поклон:

- Договор исполнен. Отныне в мире нет никого богаче Императора.

Правда, теперь эти проклятые камни вряд ли кто-то решится купить. Но едва ли это было их заботой.

Асгетт, не удивлённая таким исходом, лишь стойко дожидалась, когда всё это закончится, и искоса поглядывала на владыку Империи.

Император выглядел слепым к происходящему. Словно надышавшись дурманящих курений, он завороченно и абсолютно блаженно созерцал блеск кристаллов, полностью отрешившись от реальности.

Не выдержав, Цина взорвал оцепенелую тишину жутко расхохотавшись во весь голос. Поднявшись с места, он торопливо стянул кожаную перчатку и прикоснулся к холодным, шероховатым граням кальяса. Его обнажённые пальцы скользили по минералу, и восторг захлёстывал его с головой. У этих гениев извращённой войны определённо стоило поучиться! Они не просто заключили сделку - они заставили Императора выкупить собственную уничтоженную армию. Сработано было настолько чисто и изящно, что ему безумно хотелось заплодировать, выражая своё почтение, но тяжёлый взгляд деда быстро остудил этот порыв - за подобную вольность можно было легко хлопотать по затылку.

Брезгливость определённо не входила в число добродетелей и саривийского принца. Он склонился над камнем, беспардонно цокая по нему фамильным кольцом и едва ли не обнюхивая. Его глаза горели азартом исследователя, а цепкий, оценивающий взгляд скользил по кальясу, подмечая мельчайшие трещинки и переlivы света, играющие на застывшем лице мертвеца.

В этот момент оба престолонаследника, позабыв о придворном этикете и царской осанке, больше всего походили на уличных мальчишек, которые нашли на пустыре диковинную, блестящую игрушку и теперь наперебой прикидывали, как её разобрать.

- Ну что ж, раз условия оговорены, полагаю, пришло время расходиться? - неторопливо произнёс Миракс, обводя взглядом присутствующих.

Его взор остановился на делегации Вархи, и благодушный тон мгновенно испарился. Лицо исказила суровая, жесткая маска, а в глубине глаз вспыхнул опасный огонь:

- Мы ведь со всем разобрались, не так ли, Владыка?

- Да-а, мы всё реши-или...

Этот звук не имел ничего общего с речью, и его невозможно было перепутать ни с чем, даже если слышал впервые в жизни. От этого скрежета по стенам зала с треском побежали иглы инея, а пламя факелов испуганно пригнулось к самому камню и в один миг окрасилось в

грязно-серый цвет. Сердца присутствующих пропустили удар, скованные внезапной судорогой удушья, будто воздух из лёгких разом выкачали.

Так звучала Бездна. Голодная пустота, лишённая света и надежды.

Правитель Вархи резко дёрнулся. Его голова с сухим, отчётливым хрустом наклонилась под неестественным углом, будто шейные позвонки были раздроблены в труху. На глазах у замершего зала облик владыки начал стремительно меняться.

Радужки подёрнулись мутной, белёсой пеленой, став похожими на бельма дохлой рыбы, выброшенной прибоем на берег. Он со свистом приоткрыл рот, точно из лопнувших кузнечных мехов вырвался воздух, и по подбородку, заливая расшитую грудь одеяния, струёй потекла вязкая чёрная кровь. Она была почти смоляной и стекала медленно, тягуче, оставляя на коже глянцевые дорожки.

В то же мгновение просторный зал заполнил удушливый, тошнотворный запах - сладковатый смрад разложения.

За столом вспыхнул хаос. Присутствующие с грохотом повалили стулья, отпрянув от покойника, причем советники из делегации Вархи побледнели и попятились быстрее остальных - для них перерождение их владыки стало неприятной новостью.

Среагировав первым и рванувшись вперед, Цина со скользящим металлическим скрежетом выхватил собственный клинок с заваленной оружием столешницы, отчаянно призывая послушные ему тени. Чёрные сгустки тут же отозвались на зов, с яростным шипением расползаясь от его ног по каменным плитам.

В этот миг он как никогда остро, до боли в каждой жиле, ощутил дикое, животное желание выжить. Но не успел он сделать и шага, как железная хватка деда сомкнулась на его запястье, будто стальные кандалы. Старик посмотрел на него тяжёлым, предостерегающим взглядом, приказывая не делать глупостей.

Шах знал: против Бездны сталь бесполезна.

- Для трупа он сохранился на удивление недурно. И сколько же времени ты уже гнездишься в этой падали, дрянь? - старшая Раа'си Ра'ми даже не шелохнулась.

Её голос прозвучал ровно и бесстрастно, в нём не было ни единой ноты удивления или страха - лишь глубокое, брезгливое отвращение к существу, посмевшему нарушить их покой. Она смотрела на изрыгающего вязкую кровь мертвеца так, словно перед ней сидел назойливый, грязный нищий, а не древнее зло.

Бездна бы их всех побрала, но потрясением тут и не пахло. Ни у кого. Кроме Асгетт и наследника Каменной Долины, с которым она сейчас переглядывалась, объединённая общим, на редкость идиотским чувством собственной неосведомленности. В этот миг их взгляды скрестились над столом, и в глазах обоих читалось одинаковое ошеломленное: «Ты тоже ни хера не понимаешь?».

Асгетт закрыла глаза и медленно начала считать про себя. Все. Всё. Знали.

Знали тени Первозданных, определённо догадывался хитрый Шах, знала её драгоценная родня и дорогой рогатый друг, что явно не просто так облачился в одеяние главы ордена. О, да даже правитель Саривии, судя по его лицу, чего-то подобного ожидал! Радовало во всём этом дерьме лишь одно: на лицах Императора, наследника Долины и делегации Вархи застыла точно такая же маска шока, как и у неё самой. Ну, хвала богам. Столько недоумков на весь огромный зал - это уже какая-никакая, а армия.

На фоне этого безумия среди притихшей свиты Павиры наконец обнаружил себя истинный глава ордена Хранителей. Оказывается, Касарит его не сожрал - старик всё это время сидел в тени, вместе с двумя жрецами, и их пальцы, перемазанные ритуальным пеплом, непрерывно складывались в древние, замысловатые знаки.

С тихим, шипящим гулом эти символы магией отпечатывались на стенах и полу. Такие печати использовали лишь в одном случае - когда на жертвенниках храма заживо сжигали проклятых. Теперь эти знаки намертво отсекали твари из Бездны любые пути к бегству.

Древнее зло, сполна насладившись страхом, соизволило ответить.

- Да-авненько... Не-е ломай па-альцы, старик. Не-е помо-ожет, - проскрежетал искажённый голос.

Владыку Вархи разорвало на части. Без крика - его тело просто с чавкающим звуком распалось на мельчайшие фрагменты, оросив стол багровой пылью. А из лужи крови, там, где он только что сидел, полезла чудовищная в своей невинности дрянь.

Маленькие, беленькие, обманчиво облачно-пушистые создания лавиной хлынули на опешивших. Твари молниеносно впивались в их искаженные ужасом лица, как могильные черви проникая прямо под кожу.

Бездна забирала тела и необратимо оскверняла сами души. Она пережевывала суть и выплевывала её обратно. Пораженные не умирали, но и живыми их назвать было нельзя - они застряли в кошмарном лимбе. Она переделывала их изнутри, паяла нервы с первобытным грехом, рождая своих покорных слуг заново.

Воздух наполнился оглушительным звоном: во все стороны брызнули снопы искр от стали, вхолостую бьющейся о прочные украшения и кости обращенных. Глаза нещадно резало вспышками наспех поднятых магических щитов. А высоко под сводчатым потолком уже зловеще за клубились, сплетаясь в единую тьму, бесплотные тени жнецов. Никто толком не понимал, что делать, но все в пытались хоть как-то отбиваться. Лишь крошечная группа тех, кто явно ожидал подобного исхода, работала с выверенной слаженностью.

Пока Артра и Миракс прикрывали спины теней Первозданных, те яростно втискивали своей силой одержимые тела в светящийся, стремительно сужающийся контур из рунических знаков. На внутреннем рубеже магического кольца слаженно действовали все Хранители, глава ордена, воплощенный в его мантии бог Касарит и матушка Кула, подавлявшая одним своим видом.

Рунические печати лишь сковывали врага, но уничтожить его не могли. И всё же эти заговорщики перехитрили скверну, вовремя сообразив запечатывать мятежные души в калъс.

«Гениальный план, но, сука, неужели нельзя было предупредить?!» — мысленно кипела от возмущения Асгетт, на четвереньках ползая под столом и в кровь отбивая колени в попытках не попасть под шальное заклинание.

С высоких сводов зала стеклянным дождём осыпались витражи, выбитые всплесками магии. Представители Саривии и Павиры отчаянно пытались вывести свиты великих домов, спасая паникующую знать от блуждающих тварей, которые явно не желали угодить в круг.

Вынырнув из-под массивного стола, Асгетт перехватила два клинка, чьи рукояти, увы, больше никогда не встретятся с ладонями своих хозяев. Зато их лезвия с удовольствием встретятся с их осквернёнными глотками.

Тело само вспомнило, как кружить с парными мечами - так, как когда-то учил её он. Этот смертоносный танец она не забудет никогда, как бы отчаянно ни пыталась. Отточенные до автоматизма движения на раскаленных песках пустыни въелись в память, словно острые песчинки под нежную кожу.

Шаг. Взмах. Четыре тела, отравленные Бездной, грузно рухнули на пол. И... четыре тела с омерзительным хрустом вновь поднялись на ноги.

Попытка ментально залезть в их головы тоже провалилась - слугам Бездны мозги были попросту ни к чему.

У неё определено что-то шло не по плану.

Наследник Каменной Долины резким движением схватил её за запястье, силой отшвырнув в безопасную зону за своей спиной. Единственный взмах его тяжелого клинка со свистом разрубил три тела ровно пополам. Четвёртого он рассёк вдоль. Оружие входило в плоть легко, как раскаленный нож в податливое масло.

Казалось бы, после такого колоссального урона тварям пора окончательно улечься, но те почему-то совершенно не спешили упокаиваться. Густая дымка мгновенно спаивала разрубленные куски плоти воедино, абсолютно игнорируя и откровенно насмехаясь над бесполезным железом.

- Жнец, мы в полном дерьме, - мрачно проронила Асгетт, глядя в его широкую, напряжённую спину. - Я категорически не хочу умирать девственницей! Сделай уже хоть что-нибудь, чего ты застыл?

Цина обернулся и посмотрел на неё с таким непередаваемым выражением лица, будто он только что покинул первобытную пещеру и впервые в истории столкнулся с женщиной.

- Я сейчас слегка занят, - процедил он сквозь зубы, с влажным лязгом снося голову очередному заново родившемуся. - Я совершенно не против оказать тебе помощь, но давай отложим твою насущную проблему с девственностью на потом. Желательно до того момента, когда нас перестанут пытаться сожрать.

Возмущённая Асгетт уже открыла было рот, собираясь доходчиво объяснить жнецу, что он полнейший кретин. Но закончить мысль ей не дали. Шах Каменной Долины, совершенно не тратя времени на церемонии, стальной хваткой вцепился в их загривки и грубо отшвырнул назад, укрывая у относительно безопасной каменной стены.

Похоже, у этого старца и его внука были одни и те же внутренние склонности к абсолютной беспардонности.

В то же мгновение он вскинул руку, высвобождая сокрушительный, сметающий всё на своём пути поток магии теней. Клубящаяся тьма ураганом прошла по залу, буквально сдвигая наступающие тела обратно к границам круга.

Там Кула, уподобившись огромной inferнальной кошке, на удивление нежно перехватила пастью одну из извивающихся тварей за шкуру и, не обращая ни малейшего внимания на творящийся вокруг беспредел, деловито потащила брыкающуюся добычу к открытым сундукам с кальсом.

- Махать клинками толку нет. Не лезьте, - бросил Шах.

Его тяжелый, давящий взгляд красноречиво пообещал: за неповиновение он лично переломает им кости. Убедившись, что приказ усвоен, он стремительно двинулся к мерцающему магическому кругу.

Но как только спина деда отделилась, Цина резко подался вперёд. Его тени окутали их, словно кокон, и он яростно впился пальцами в плечи Асгетт, жёстко вталкивая её в холодный камень стены. Завораживающий танец с парными мечами он уже имел удовольствие наблюдать во время кровавой бойни на границах Павиры.

- Кто ты такая, Бездна тебя побери? - прошипел он прямо ей в лицо.

Жнец был напряжен как натянутая до предела струна и поистине дьявольски зол. Настырные, роящиеся в голове вопросы сейчас съедали его воспалённый разум куда сильнее, чем окружающая их со всех сторон смертельная опасность. В этот миг он до дрожи в руках хотел воплотить свои недавние грязные фантазии: грубо подчинить эту девчонку и устроить ей допрос прямо здесь, на залитом чёрной кровью полу.

«Сука, да откуда же ты взялась на мою голову?» - бесился он, глядя в её невозмутимые глаза и тщетно пытаясь разгадать эту загадку.

- Только попробуй сделать так ещё раз, и я вырву тебе кадык, - ледяным тоном процедила Асгетт. - Я понятно изъясняюсь?

Задрав голову, она с вызовом смотрела в его глаза, не испытывая ни капли страха. Её пальцы отбросили мечи и безжалостно сомкнулись на его запястье, а острые металлические когти легко распороли ткань рукава, предупреждая впиваясь в кожу.

Глубоко внутри неё закипала расплавленная медь, угрожая выплеснуться всепоглощающим пламенем. Принцесса прилагала огромные усилия, чтобы обуздать свой дар и не сжечь этот зал вместе со всеми присутствующими к иблисовой матери.

Похотливая жажда бросить её на колени бесследно испарилась, вытесненная инстинктом самосохранения. Цина благоразумно сдал назад, убирая руки. Дикий, обжигающий яростью взгляд девчонки заставил его побеспокоиться о сохранности собственного естества.

Эта девка никогда не подчинится чужой воле. Она сомкнёт челюсти, отхватит всё под самый корень и даже не поморщится, сплюнув ошмётки плоти ему под ноги. Рисковать мужским достоинством ради сомнительной фантазии, да ещё и в эпицентре боя, ему окончательно расхотелось.

Воздух буквально затрещал от зашкаливающего статического напряжения, заставив двоих отвлечься и резко взглянуть в гущу резни сквозь окутавшую их магию теней. Очевидная истина: они вчистую проигрывали эту битву. Осквернённые души с воем бились о барьер рунического круга, яростно отвергая вечный покой в сундуках с кальсом. Изуродованные тела обращённых разрывало на части, и вырвавшаяся из них белёсая дрянь множилась, с бешеной скоростью поглощая свежие жертвы взамен уничтоженных.

Правителя Саривии заживо сжирали на глазах у его свиты - безжалостно, словно в назидание за малейшую попытку сопротивления. Император теперь лишь жалко ползал по столу, не в силах приподнять собственную тяжёлую тушу: обе его руки были вырваны, а вместо глаз зияли сочащиеся тьмой черные пустоты.

Имперского советника настигла не менее страшная участь - его буквально размазало по полу, будто тело с чудовищной силой швыряли с высоты снова и снова.

Наблюдая за разворачивающимся вокруг кошмаром, Асгетт до судорожной дрожи боялась сорваться. Она страшилась потерять контроль над бушующей внутри стихией и добить тех, кто и так из последних сил боролся за жизнь.

Чтобы хоть как-то удержать себя в руках, она до глубоких, кровоточащих ран вонзала металлические когти в собственные ладони.

Цина, мысленно уже похоронив и деда, и всех остальных обречённых в этом зале, нервно провёл пальцами по волосам, смахнул с лица рваные пряди а затем сгрёб девчонку за плечо и поволок к выходу. Точнее, к тому месту, где раньше находились массивные двери - теперь они валялись на каменных плитах в виде щепок.

Нужно было срочно убираться отсюда. У него не было иллюзий: если уж сам Шах, тени Первозданных и Хранители не могут справиться с этой бесконечно плодящейся дрянью, то ему там делать точно нечего.

Девчонка упиралась изо всех сил, брыкаясь и пытаясь вырваться. Здоровый прагматизм вопил, что по-хорошему эту сумасшедшую нужно оставить здесь - пусть сама разбирается с Бездной.

Но какая-то иррациональная, глухая потребность не позволяла ему её бросить. Цина просто продолжал волочь её к выходу, уворачиваясь от летящих заклинаний и на ходу рыча сквозь зубы грубые, но отчаянные уговоры не делать глупостей.

Сейчас он берёт каждую каплю своей энергии и сознательно не призывал тьму, чтобы открыть портал - этот резерв сил был их единственным шансом выбраться из храма живыми.

Нужно было просто выбежать наружу и уйти на безопасное расстояние - так, чтобы ни одна изголодавшаяся тварь не успела присосаться к ним, рассчитывая присоединиться в качестве незваного попутчика.

Едва добравшись до прохода, он уже мысленно прикидывал, как половчее закинуть строптивую девицу на плечо, чтобы наконец прибавить шагу. Но его планам не суждено было сбыться: он с размаху влетел в очень высокую мужскую фигуру, внезапно выросшую на пути.

Отшатнувшись от неожиданности, Цина поднял голову и уставился в потемневшие, отливающие медью глаза незнакомца. В груди вдруг стало тесно, и он, кажется, на мгновение перестал дышать.

Мужчина медленно, оценивающе перевел тяжелый взгляд с Цины, крепко сжимавшего девочку, на нее саму.

Здесь, под безмолвными и строгими ликами богов, Цина интенсивно соображал, как выкрутиться. Он уже готов был вдохновенно лгать, уверяя этого незнакомца - а это, без сомнения, был отец девочки, ведь только познавший счастье отцовства способен смотреть с такой смесью ярости и обречённости, - будто юная красавица сама вцепилась в него мёртвой хваткой. Но под этим давящим взглядом Цина не только не разжал пальцев, а напротив - стиснул их ещё сильнее. Гордость не позволила ему уступить в этой безмолвной дуэли.

- Начинайте, что встали, - скомандовал властный мужской голос откуда-то поодаль.

Взгляд Цины метнулся на звук, и он непроизвольно стиснул девочку с такой силой, что та издала тонкий, обиженный писк. Всего в паре шагов от них, скрестив руки на груди, стоял полуобнажённый мужчина. Его глаза были полностью залиты жидким, сияющим золотом, а черты лица с зеркальной точностью повторяли облик пищащей в его руках девицы.

Цина перевел взгляд с одного незнакомца на другого. Кто из этих двоих настоящий отец, он теперь решительно не понимал.

Мужчина с медными глазами, в которого Цина врезался секундой ранее, царственным жестом прервал затянувшуюся паузу и отдал приказ:

- Дарий, на тебе принцесса.

Не успел наследник Каменной Долины до конца осмыслить услышанное, как перед ним возник черноволосый воин. Его пронзительные изумрудные глаза полыхнули холодной решимостью. Знаки на стенах и полу зашипели, растворяясь перед его поступью. Одним, не терпящим возражений движением он вырвал девочку - оказавшуюся, ни много ни мало, настоящей принцессой - из внезапно онемевших пальцев Цины.

Заслонив её широкой спиной, он уверенно увлёк девушку прочь от опасного прохода. Остальные прибывшие хлынули мимо жнеца в зал, где всюду бушевала кровавая мясорубка. На застывшего воина никто не обратил ни малейшего внимания: для них он, судя по всему, был не крупнее муравья, случайно затесавшегося под ногами.

За его спиной тут же раздался такой оглушительный визг тварей, что мир перед глазами на миг померк, а из ушей толчками хлынула кровь. Разум ещё не успел зафиксировать эту вспышку боли, когда в лопатки тяжело ударило свирепое, обжигающее пламя. Мощная взрывная волна выбила воздух из лёгких и швырнула его ничком на холодные, растрескавшиеся каменные плиты, придавив к полу, словно невидимым прессом.

Древняя кладка не выдержала удара: своды зала с грохотом и треском оседали вниз, а некогда нерушимые стены лабиринта коридоров прямо на глазах истончались и превращались в прах, осыпаясь, словно песчаные замки под натиском штормового прилива.

А затем всё стихло. Навалилась оглушительная, абсолютная тишина, в которой растворились и крики, и грохот камней.

Глава 9

Дарий закрывал её собой, оттесняя к стене, подальше от содрогающихся колонн. Но когда их накрыло волной дикой, яростной отцовской магии, оба пошатнулись и тяжело осели на пол. Воздух превратился в раскаленное пекло. И в этом жару, сквозь грохот падающих сводов, в её сознание вцепились те самые воспоминания, которые она так долго и отчаянно пыталась похоронить. Память безжалостно швырнула её назад, в прошлое...

В свои шесть лет юное дарование целиком легло на плечи отца. Четырнадцать отборных вояк, не робевших перед царской плахой, со слезами молили избавить их от почётной роли её телохранителей.

Девчонка владела уникальным навыком: она ломала психику даже ветеранам: слабакам хватало часа, самые стойкие держались неделю. У Вхара наконец-то перестал дёргаться глаз - нерв просто сдался и отмер. Окончательно.

На этом фоне ему стало глубоко плевать на мёртвые пустоши и ядовитые болота, где его любимая доченька чуть ли не вила гнездо. Теперь дитяtko нашло себе ещё одну забаву: виртуозно испаряться из-под носа охраны и шляться по бескрайним пескам.

Но пустыня казалась безжизненной лишь на первый взгляд. Там скрывались создания, чей уровень коммуникации сводил на нет любые таланты малышки. У местных обитателей напрочь отсутствовал как речевой аппарат, так и чувство юмора - они предпочитали жрать жертв в неловком молчании и без долгих прелюдий.

И призвал царь Вхар воина, чьё имя было Кана. Тот был выходцем из проклятых, забытых богами земель на самом краю пустошей - мест, где из зыбучих песков, словно из штормовых морских глубин, с хриплым клёкотом выныривали исполинские буреветники, пожирающие всё живое.

Кана не имел ни дворянского герба, ни родословной, но равных ему в бою не существовало, и вряд ли они скоро появятся на свет. Непревзойденный. Смертоносный.

Его дар внушал ужас: одного лишь взгляда хватало, чтобы с треском переломать врагу кости, порвать натянутые сухожилия или раздавить сердце невидимым кулаком прямо в грудной клетке. Он казался воплощением первозданного хаоса, запертым в оболочке абсолютно безразличного молчаливого бойца.

Вхар добрых три десятка лет был свято уверен, что он немой от рождения. Кана никогда не задавал вопросов, не ведал страха и приступал к исполнению приказов ещё до того, как царь успевал закрыть рот, без тени сомнения марая руки в самой черной и кровавой грязи.

Именно поэтому сейчас перед Каной маячила должность главнокомандующего личной, элитной гвардией Вхара. Цена вопроса? Всего-то взять под свою безраздельную ответственность единственную царскую наследницу. Сушие пустяки, всё равно что плюнуть в разинутую, полную бритвенно-острых зубов пасть буреветника.

Воину был нужен этот статус. Царю же позарез требовался монстр, у которого не поедет крыша от выходов его милого ребёнка.

Кана жил уже больше тысячи лет. Ни дома, ни жены, ни потомства. Казалось, у этого древнего воина атрофировались любые потребности, кроме слепого служения.

Однако Вхар не зря носил свою корону: он был дьявольски хитёр и проницателен. Он довольно быстро выяснил, что его, казалось бы неприступный боец, питает тайную, но пылкую страсть к дочери главы второго по величине и богатству рода в Цэссе, которая к тому же приходилась монарху двоюродной племянницей.

Чтобы назвать такую высокородную женщину своей, Кане отчаянно нужны были реальная власть и громкий титул. Ни один здравомыслящий отец не отдаст свою привыкшую к немислимой роскоши любимицу простому наёмнику.

В этом прагматичная Цэсса разительно отличалась от остального Венца, где знатных девиц готовы были выдать хоть за пустынного скарабея, лишь бы тот согласился взять их в жёны. А вот главнокомандующему, добившемуся исключительного личного расположения Вхара и ставшему официальным опекуном будущей властительницы, девушку отдадут без малейших раздумий. Более того, её семья считает тако

Воин дал согласие. И продержался дольше любого из своих предшественников. К исходу третьей недели, когда все дикие выходы разбились о глухую стену его равнодушия, у Асгетт случился настоящий когнитивный диссонанс. Кана не реагировал на провокации, не отвечал на тысячи изматывающих вопросов и оставался лишь безмолвной тенью за её спиной. Очень большой тенью.

На него не действовало ничего. Асгетт всё чаще ловила себя на мысли, что если начать отрезать ему конечности, этот истукан не только не издаст ни звука, но даже не поменяется в лице.

На третий месяц до Асгетт дошло, что её излюбленный трюк с побегом тоже больше не работает. Кане не нужно было гоняться за ней по барханам - он останавливал беглянку на полном ходу одним лишь взглядом, даже не поднимая руки.

Этот ходячий монолит позволял ровно то, что было санкционировано владыкой Цэссы. Ни шагу влево, ни шагу вправо. Эскорт до токсичных касаритовых рек и немедленная конвоировка домой. Шалости официально закончились, уступив место суровой армейской дисциплине.

Спустя год слегка подросшее и набравшееся ещё большей наглости дитя всё-таки ухитрилось улизнуть, желая воочию узреть пустынных тварей. План был идеален, вот только Кана отыскал беглянку неприлично быстро и попросту приволок обратно во дворец за шкирку.

Вхар балансировал на грани инсульта, но старался не орать. Видят боги, очень старался. Бить любимое чадо он не мог физически, но царский гнев требовал выхода, и вся его тяжесть обрушилась на того, кто «не уследил».

Асгетт начала пакостить с удвоенной силой, назло своему надзирателю, но Кана лишь молча и равнодушно принимал экзекуции за это хитрое создание.

И его тактика сработала.

К восьми годам в капризной детской головке внезапно случился приступ эмпатии и зашевелилось нечто похожее на совесть. Малышка вдруг осознала, что если она продолжит в том же духе, её личная нянька скоро попросту останется без головы.

Резонно рассудив, что этот телохранитель, в общем-то, не так уж и плох, юная интриганка сменила гнев на милость. Она свернула боевые действия, начала прощупывать почву для переговоров.

Договариваться с тем, кто молчит, оказалось той еще задачей. Поэтому Асгетт пошла на хитрость: уговорила отца назначить Кану не только телохранителем, но и её личным наставником, наивно полагая, что звон стали заменит им слова.

Вот только Кана оказался на редкость дерьмовым собеседником: он бил очень больно. Воин сражался парными мечами, раз за разом заставляя свою подопечную буквально жрать песок.

Асгетт, до этого свято верившая в свою гениальность, быстро смекнула, почему раскидывала прошлых учителей - те до дрожи в коленках боялись поставить синяк дочери самого царя. Кана же не боялся вообще ничего. Зато именно этот беспощадный ублюдок заложил в неё ту самую базу, вбил на уровне рефлексов нужные движения и звериную реакцию, которая отличает живого воина от мертвого.

В десять лет Кана впервые позволил Асгетт выйти в настоящие пески. И впервые заговорил. Наследница огненной Цэссы буквально подскочила от неожиданности.

Его голос прозвучал подобно ветру, рождённому на скалистых вершинах. В нём не было суеты - лишь бескрайний, пугающий своей глубиной простор. Низкие ноты рокотали, точно далёкий гул в ущельях, выдавая первозданную, стихийную мощь. Каждое слово лилось свободно, перетекая из глухого, завораживающего шёпота в уверенный гул. Это был голос того, кто привык говорить с самой тишиной, - прохладный, властный, подчиняющий мысли и заставляющий вслушиваться в каждый обертон, словно в затишье перед великой бурей.

- Будешь витать в облаках - в этой пустыне и подохнешь, принцесса.

Такова была его первая мудрость, высказанная ровно в тот момент, когда он буднично добивал мечом клыкастую тварь. Ту самую тварь, которую девочка наивно сочла почившей и как раз собиралась через неё перешагнуть.

С того момента всё наконец-то встало на свои места. Нет, Кана всё так же предпочитал молчать. Но Асгетт внезапно открыла для себя особую, завораживающую прелесть этой тишины.

Она научилась ценить безмолвие ночной, звёздной пустыни, когда весь мир вокруг словно замирал, пока они сидели у потрескивающего костра. Ей нравились их долгие, понимающие переглядки сквозь танцующее пламя, в которых читалось больше, чем в любых словах. Увлекали и игры в карты, и его редкие, но меткие ответы на её колкие шутки, от которых на лице девочки разливалась искренняя улыбка.

Она могла рассказать ему о любых переживаниях, не боясь услышать осуждения или пустые наставления. Могла уснуть в его тяжелом, пахнущем костровым дымом плаще прямо на остывающих песках, зная, что он чутко будет охранять её сон до самого рассвета. В этом молчании родилось нечто большее, чем просто привычка - там зародилось абсолютное, непоколебимое доверие.

Вхар был в неописуемом восторге от того, что ему больше не нужно регулярно пороть своего лучшего воина. За время этих экзекуций он настолько привязался к стоическому стражу, что почти признал в нём собственного сына.

Теперь Кану в обязательном порядке таскали на семейные обеды. Он присутствовал на них с мрачным энтузиазмом приговорённого, идущего на эшафот, но Вхар был непреклонен. Он резонно объяснял, что к высшему обществу нужно привыкать: на носу была помолвка, а там многочисленная и напыщенная родня невесты живо присядет на голову, если не уметь правильно держать вилку.

Перед ним теперь распахивались любые двери, на него щедро, словно из рога изобилия, сыпались богатые земли и громкие титулы. Но любой белой полосе свойственно заканчиваться резким, сокрушительным падением в бездну.

Отдельного внимания заслуживала Ульра, без пяти минут законная жена Каны. Кузина Асгетт никогда не отличалась кротостью: эта тщеславная особа и прежде смотрела на принцессу свысока, демонстративно плюя на субординацию. Она намеренно закрывала глаза на то, что Асгетт - не просто родственница, а будущая единоличная Властительница, чей трон Ульре никогда не суждено было занять.

Подобная наглость сходила ей с рук благодаря негласному покровительству Мору. Матриарх рода питала к родной внучке лютую ненависть, превосходящую даже неприязнь к её покойной матери и царице Виссе. Мору приводила в бешенство сама мысль о Венце, чьим покорным княжеством Цэсса должна была стать после восшествия Асгетт на престол.

Впрочем, царь Вхар быстро пресёк эти дворцовые игры и жестко указал своей матери её место. Защищая дочь, которую он любил до безумия, правитель не моргнув глазом отправил бы на плаху самую пародительницу.

Но Мора всё же успела нанести удар исподтишка: именно она уничтожила былую дружбу между Асгетт и Ульрой, вырвав с корнем любые теплые чувства между кузинами. Мелкая, но болезненная месть удалась.

Теперь же Ульра, став невестой главнокомандующего, регулярно капала сладким ядом сомнений на сердце жениха. И это сработало: Кана под благовидными предложениями самоустранился от обязанностей личного телохранителя принцессы. Отныне они виделись лишь в протокольной суете официальных собраний или в блеске шумных пиров. И там великий полководец, не раз бросавший вызов самой смерти, с болезненной тоской опускал голову, не смея встретиться взглядом с той, кого клялся защищать.

Однако подлинная точка кипения была пройдена в день тринадцатилетия Асгетт. Именно тогда угловатый, нескладный подросток начал стремительно расцветать, превращаясь в прекрасную юную деву.

Её очарование мгновенно затмило всех признанных красавиц во дворце, и этого хрупкое, раздутое непомерной гордыней эго Ульры вынести не смогло - оно дало трещину. Не выдержав даже воображаемой конкуренции с подрастающей кузиной, взрослая невеста окончательно потеряла лицо и сорвалась в полномасштабную, неконтролируемую истерику, обнажив свою истинную, завистливую натуру.

Спустя годы Асгетт уже никогда не сможет вспомнить дословно всю ту омерзительную грязь, что выплеснула на неё кузина, подкараулившая её в неосвещенном коридоре дворца, пока в тронном зале гремел разгар её же собственного праздника.

Но в память, словно раскаленным тавром, въелись слова про её шлюху-мать, которая когда-то нагло, бесчестно увела царя из-под носа достойной, благородной женщины.

В мозг навсегда врезалось презрительное змеиное шипение о том, что принцесса всего лишь жалкая чужачка. Ей никогда не стать истинной дочерью огня и песка, и её законное место - там, под подолом бабки в далекой Ца'трии, откуда таким выродам лучше вообще не высовываться.

Но самым сокрушительным ударом, прозвучавшим с брезгливой, уродливо искаженной от злобы ухмылкой, стало заявление: Асгетт - лишь капризная, избалованная пустышка. Вся её расцветающая красота это дешевая пыль в глаза, скрывающая пустоту.

А позорное отсутствие истинного родового дара, той самой магии, что испокон веков передавалась исключительно первенцам первенцов, является неоспоримым, словно выжженным на её судьбе клеймом. Эта никчемная девка по самому праву своего рождения не достойна ни носить тяжелую корону Цэссы, ни осквернять своим существованием имя их великого, древнего рода.

Ульра резко подалась вперед, хищной птицей нависая над девочкой, и с безжалостной силой вцепилась в волосы Асгетт, до хруста в шее рванув её голову назад. Грубо заставив ошеломленную принцессу смотреть себе прямо в глаза, она с откровенным садистским наслаждением, словно выплевывая каждое слово в замершую от шока жертву, добавила, что Кана люто ненавидит свою бывшую бестолковую подопечную.

По её заверению, он терпел эту мелкую гадину исключительно исключительно из преданности своей ненаглядной невесте и ради сохранения высокой должности при дворе. Судя по этой исповеди, вечно молчаливый защитник оказался на удивление разговорчивым в жарких объятиях любимой, делясь с ней каждым секретом и высмеивая слепую, наивную привязанность юной принцессы.

На самом деле кузина просто изнывала от ревности и панически боялась, что тысячелетний воин однажды проникнется чувствами к стремительно расцветающей царской дочери и навсегда забудет свою нынешнюю избранницу. Асгетт прекрасно видела этот жалкий, разжигающий душу страх, а потому хранила молчание: к чему что-то доказывать той, что уже проиграла схватку в собственной голове?

Но Ульра, ослепленная этим высокомерным игнорированием и опьяненная мнимой безнаказанностью, решила пустить в ход свой родовой дар. Ей отчаянно хотелось напугать, возвыситься и наглядно показать, где место таким бездарным выскочкам. Душная, тяжелая буря её магии невидимой волной хлынула в коридор, безжалостно перекрывая кислород.

Однако даже поистине царскому терпению приходит конец. Вместо ожидаемых слез, паники и унижительных молеб, Асгетт со всей скопившейся яростью ударила кузину по лицу.

Этот выпад оказался настолько сильным и неожиданным, что Ульра с глухим стоном повалилась на каменный пол, беспомощно и нелепо путаясь в подолах своего роскошного, пышного платья.

Кана влетел в отдаленное крыло подобно разрушительному урагану. Его звериное чутье первым уловило всплеск такой знакомой силы. Ульра, мгновенно сориентировавшись в ситуации, картинно залилась слезами. Она судорожно прижала дрожащую ладонь к стремительно опухающему лицу. Виртуозно прикидываясь несчастной, совершенно беззащитной жертвой,

она с тихим, надрывным всхлипом бросилась к будущему мужу и уткнулась в его широкую грудь, прерывисто шепча слова жалобы.

А глубоко внутри неё уже расцветало торжество. Кузина не испытывала ни малейшего страха. Что ей посмеют сделать? Кому вообще поверят в этом змеином гнезде? Неужели взбалмошной девчонке-полукровке, рожденной от ненавистной чужачки, которая одним своим существованием раздражала весь двор?

Или же безоговорочно отдадут предпочтение ей - идеальной аристократке, безупречной дочери и истинной гордости одного из величайших домов Цэссы?

Только вот Ульра немного просчиталась в масштабах катастрофы. Совершенно не желая разбираться в случившемся, Кана в то же мгновение вынес свой безапелляционный приговор: капризная гадина просто решила избавиться от его невесты, поскольку не хотела отпускать от себя покорную игрушку.

Многовековой панцирь равнодушия раскололся. Идеальный солдат сорвался, в одну секунду превратившись в ослеплённого яростью палача. Он ударил Асгетт наотмашь с такой животной силой, что на нежной девичьей скуле мгновенно раскрылось глубокое, кровоточащее рассечение.

А в следующее мгновение он жестоко схватил тринадцатилетнюю принцессу за горло. Больно сжав на её шее свои железные пальцы, Кана вздернул девочку вверх, заставляя смотреть прямо в свой налитый кровью взгляд. Его разрушительный дар буквально рвал ребёнка изнутри на части: кости с жутким, тошнотворным хрустом смещались под кожей, а сердце мучительно сжималось в невидимых стальных тисках, готовое вот-вот разорваться от невыносимой, всепоглощающей боли.

Она смотрела на него, задыхаясь от отчаяния. А в его прежде красивых глазах цвета золотистого, согретого южным солнцем миндаля, сейчас плескались лишь чистое отвращение и неприкрытая ненависть.

Этот некогда тёплый, родной взгляд, всегда даривший ей чувство полной безопасности, теперь стал безжалостным подтверждением каждого слова кузины. И в этот миг Асгетт поняла: её верный страж убил бы её прямо здесь, даже не дрогнув.

Но в это мгновение случилось то, чего не предвидел никто.

Древний, дремавший в крови дар не нуждался в приказах, когда будущей властительнице угрожала смерть. Раскаленный, ревущий первозданный огонь магмой хлынул по венам, впервые в полный голос заявляя о себе. Он неоспоримо демонстрировал, чьим продолжением она является по праву рождения, и где на самом деле место всем остальным.

Ослепительная, необузданная стихия вырвалась наружу сплошной стеной пламени, с чудовищной силой отшвырнув некогда верного стража и зазнавшуюся кузину прямо в массивную каменную колонну. Сухой, отчетливый хруст ломающихся рёбер мгновенно потонул в оглушительном гуле безумного пламени.

За считанные секунды стихия жадно набросилась на роскошные интерьеры дворца, буквально выжигая дотла и безжалостно стирая всё крыло с лица земли. И в этот миг что-то внутри девочки безвозвратно надломилось, навсегда уступая место холодной стали.

Тяжёлый, судорожный вдох до краев наполнил легкие едкой гарью. Рванный выдох со свистом вырвался сквозь плотно стиснутые зубы.

Мерный стук кованых сапог царской гвардии уже эхом отдавался по задымленным дворцовым коридорам, неумолимо приближаясь к эпицентру катастрофы.

Она медленно выпрямилась среди бушующего пожара и была полностью готова ко всему, что последует дальше.

Сжавшись в комок в задымленном углу, Ульра с опозданием осознала всю глубину пропасти, в которую только что рухнула. Иллюзии рассеялись, обнажив страшную участь, ожидавшую их. Игры закончились. Придворные интриги и статус древних родов больше не имели веса. Здесь, на пепелище, решать будет только Царь.

И кому же поверит Вхар? Какой-то девице из боковой ветви своего семейства или родной, до безумия любимой дочери-наследнице, на которую только что было совершено покушение и в которой пробудилось истинное пламя?

Ответ был очевиден: разъяренный отец не побрезгует ничем. Он лично, безжалостно вспорет сознание и ей, и Кане, по капле вытягивая подлинную правду из их изломанных разумов. А после - просто снесёт им головы, ни на секунду не побоявшись последующих скандалов. Их казнь будет скорой. Унизительно, на глазах у всего двора.

Наверняка в этот миг кухня бы с рыданиями приползла в ноги Асгетт, униженно умоляя о пощаде, если бы липкий, первобытный ужас окончательно не парализовал её тело, а сломанные ребра позволили сделать хотя бы один судорожный вдох.

Как жаль, что эта обгоревшая сука сейчас не могла произнести ни слова - из её горла вырывался лишь жалкий, силпый и кровавый хрип. Асгетт очень уж хотелось послушать, какую изощренную ложь она попыталась бы спеть своему царю.

Пока виновников конвоировали в тронный зал на потеху ошеломленным придворным, принцесса, едва переставляя дрожащие ноги, лелеяла в затуманенном болью уме одну-единственную мысль.

«Капризная, избалованная пустышка? Что ж... пусть будет по-вашему».

Она никогда не лгала отцу и не опускалась до жалоб. Хотя пожаловаться, видят боги, было на что.

Асгетт окинула холодным, презрительным взглядом кухню, скулящую у подножия трона от боли в сломанных ребрах, а затем перевела внимание на своего бывшего стража. Тот не попытался открыть рот в свою защиту, не издал ни единого звука. Он просто ждал, когда, по его мнению, эта капризная, мстительная гадина наплетет Царю с три короба, извратив все

факты, чтобы окончательно растоптать честь его невинной невесты и его собственную гордость великого воина, лишь защищавшего свою любовь.

Кана покорно ждал неминуемой казни, обреченно опустив голову и невидящим взглядом уставившись в мрамор пола. Глядя на этого сломленного героя, Асгетт почувствовала, как внутри, под наспех возведенной броней, что-то болезненно дрогнуло. Неприятно, тягуче и невыносимо горько.

И тогда, шагнув к отцу, она впервые в своей жизни солгала.

На немой, полный шока вопрос владыки она надменно вскинула подбородок и ответила, что вина за этот погром целиком лежит на ней. Асгетт ледяным тоном заявила: её высочество просто вывело из себя то, что какая-то неуклюжая невеста, витающая в облаках предстоящего торжества, посмела случайно толкнуть её в тесном коридоре.

Жестко отрезав, что извиняться за такую нелепую глупость и минутную вспышку гнева она не собирается, принцесса развернулась и гордо покинула тронный зал под перепуганные, судорожные перешептывания замершей толпы.

Маска капризной дуры села на её лицо идеально, не оставив ни единого зазора. Она их пожалела.

Вхар отнюдь не был идиотом. Во всем огромном дворце отродясь не было тесных коридоров. Он прекрасно видел и рану на лице дочери, и то, что она откровенно лжет.

Древняя магия крови никогда не пробуждается от банальной девичьей обиды. И как бы капризна ни была его наследница, до такого безумия ещё не доходило - никто в здравом уме не станет обращать целое крыло в дымящийся пепел из-за пустякового толчка в плечо.

Едва сдерживая гнев, готовый прямо сейчас вырваться наружу и устроить в тронном зале еще один разрушительный пожар, Вхар молча проводил взглядом прямую, но измученную спину дочери.

Тонкая, мрачная ухмылка тронула его губы, когда до него дошел истинный смысл её публичного милосердия. Что ж, иногда оставленная жизнь оборачивается самой изощренной пыткой.

Пусть будет по-твоему.

Воспользовавшись суматохой, Асгетт, обойдя все посты, бежала без оглядки, не разбирая дороги, пока не достигла самой границы мёртвых пустошей. Лишь оказавшись у обрывистого берега ядовитых черных вод, она позволила себе окончательно сдаться.

Девочка рухнула на холодную землю и зарыдала в голос, отчаянно выплескивая невыносимую физическую боль, разрывающую тело, и жгучую, отравляющую обиду. Она кричала так громко и надрывно, что даже души в реке на миг засомневались в масштабах собственных печалей и страданий.

В ответ на этот зов абсолютного отчаяния из бурлящей темной воды соткалось древнее божество. Огромный, пугающий других, но такой родной для нее друг не произнес ни слова. Он просто тяжело опустился рядом и свернулся гигантским клубком в точно такой же позе, что и плачущая навзрыд девочка.

Отрезая малышку от жестокого мира, Касарит надежно укрыл её от колючего ледяного ветра и лживых предателей. Под этой нерушимой, дышащей мистической броней Асгетт провела долгих пять дней, исцеляя растерзанное тело и в тишине выковывая себе новую душу.

Царица Висса и царь Вхар подняли на уши всех, кто был способен держать оружие, и сами, обезумев от отчаяния, сутками бродили по мертвым землям в поисках единственной наследницы.

Но когда беглянка наконец явилась, от прежнего ребёнка не осталось и следа. Она хранила молчание, игнорируя всё вокруг: и панические расспросы, и ласковые слова. Там, на берегу черной реки, она навсегда утопила свою ненависть, пустые тревоги и наивные детские привязанности.

Это был первый и последний раз в её жизни, когда будущая правительница позволила себе жалкую слабость слез. Она усвоила главный урок: доверять можно лишь собственной тени и холодному рассудку.

Вхар, который до этого старательно избегал визитов в Ца'трию, чтобы не бередить болезненные воспоминания о покойной жене, теперь с завидным усердием бросал государственные дела и мчался к дочери. Он невыносимо по ней скучал. Но с того рокового дня и за все последующие годы нога наследницы больше ни разу не ступила на земли его владений.

И это несмотря на то, что теперь поток раболепной лести и трусливых заискиваний перед ней не знал бы границ. Бескрайняя пустыня с её ночными хищниками и россыпью равнодушных звезд, вычурная роскошь и богатство царского дворца - всё это безвозвратно утратило для Асгетт смысл, вызывая лишь отвращение.

Она навсегда стерла из памяти образ своего стража, которого когда-то наивно считала своей семьей. Пусть будет счастлив. Сохранив им жизнь, она выплатила свой последний долг за годы его безмолвного терпения рядом с капризной гадиной. В конце концов, цинично рассуждала Асгетт, возможно, она и сама стерла бы всё в порошок ради того, которого по-настоящему полюбит. Если сможет.

Она возненавидела пышные пиры, где золотые огни свечей фальшиво плясали в гранях хрустальных бокалов, а спертый воздух густел от ароматов жареного мяса, пряных вин и тяжелых, удушливых духов.

С параноидальным подозрением Асгетт следила за каждой знатной девицей, что заискивающе пыталась втиснуться в узкий круг её приближенных, и за каждым придворным мужчиной, чьи льстивые комплименты лились слишком гладко и сладко.

Отныне будущая властительница усвоила нерушимое правило: у каждого в этой иерархии есть своё место, строго отведенное и не подлежащее никаким изменениям. Все они - лишь её подданные, и не более того. Она прекрасно знала, что за любой, даже самой искусной мас-

кой обожания и преданности всегда может скрываться корысть, банальная черная зависть или отчаянное, грязное желание возвыситься за её счет.

Всем сердцем Асгетт возненавидела и собственный дар, совладать с которым была совершенно не в силах. Впрочем, в этом не было ничего удивительного: чтобы подчинить себе столь разрушительную стихию, нужно было сначала принять её и попытаться искренне подружиться.

Но заставить упрямую девчонку пойти на компромисс со своей силой не мог никто, как бы ни изощрялись учителя. Чувство вины за чужую боль - пусть даже эта боль была тысячу раз заслужена - погасило в ней любое желание вновь вызывать к огненной крови.

Мудрая Висса не стала растравливать свежие раны лишними расспросами и наставлениями. Она прекрасно понимала: на всё нужно время. Вместо пустых слов утешения бабушка вручила ей бесценный подарок - морок.

Надевая его, Асгетт полностью стирала свою личность, превращаясь в безликую тень. Это позволяло свободно блуждать в компании древнего божества по самым опасным и неизведанным краям, изучая суровый мир без оглядки на высокий титул.

Вскоре правительница приставила к внучке и нового наставника - Дария. Их обучение на пыльном полигоне строилось предельно просто: принцесса изматывала себя до кровавых мозолей и непрекращающейся дрожи в мышцах.

Лёгкие парные мечи, хранившие память о бывшем защитнике, были безжалостно отброшены в самый темный угол оружейной. Теперь её неизменным спутником стало копье - холодное, тяжелое, требующее не эмоций, а смертоносной точности. Каждый её выпад оттачивался до идеала, превращая боль в боевую грацию.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.